

63.3 (2К)

Ш 77 КЫРГЫЗСТАН ИЛИМ ИЗУУЛДӨӨ ИНСТИТУТУНУН ЕМГЕКТЕРИ
ТРУДЫ

КИРГИЗСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА КРАЕВЕДЕНИЯ.

I-tom. I-сыңары.
Том. I. Вып. I.

V. N. İŞNITNIKOV.
inistutunun анық mycocy.

çeti suuda boluu

(murunqu pişpek yjezyno qaraqan too arqasy çana murunqu
qaraqol yjezynyn tyştyk batşy).

34 syrettyy çana qarbjtaluu.

В. Н. ШНИТНИКОВ.
Действительный член Института.

ПОЕЗДКИ ПО СЕМИРЕЧЬЮ.

(Загорная часть б. Пишпекского у. и юго-западная часть
б. Пржевальского).

С 34 рисунками и картою.

кыргызстан илим изуулдөө институтунун басмасы аркылуу.
Издание Киргизского Научно-Исследовательского Института Краеведения.

Гор. Фрунзе 1930 г.

78

QYRQYBZYSTAN ILM IZYUYLDÖÖ INISTITUNUN EMGEKTERI
ТРУДЫ
КИРГИЗСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА КРАЕВЕДЕНИЯ.

I-tom. I-syqybyş.
Tom. I. Вып. I.

V. N. İŞNİTNIKOV.
inistutunun apyq mycsesy.

çeti suuda boluu

(murunqu pişpek yjezynə qaraqan too arqas̄ çana murunqu
qaraqol yjezynyn tyştyk batşy).

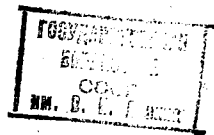
34 syrettyy çana qarajtaluu.

В. Н. ШНИТНИКОВ.
Действительный член Института.

ПОЕЗДКИ ПО СЕМИРЕЧЬЮ.

(Загорная часть б. Пишпекского у. и юго-западная часть
б. Пржевальского).

С 34 рисунками и картою.

qyrgyzystan ilim izyuyldöo inistutunun vasmasy prunza saary.
Издание Киргизского Научно-Исследовательского Института Краеведения.

Гор. Фрунзе 1930 г.

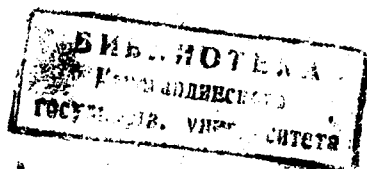
65.3 (57)E

177

Владимир Николаевич
Шнитников.

Напечатано по постановлению
Совета Института.
И. о. Директора Института
С. Абрамзон.
16 декабря 1929 г.

400955

От автора.

Настоящая работа является одною из серии, посвященной описанию моих экспедиций по территории бывшей Семиреченской области и объединенной общим заглавием: «Поездки по Семиречью», с соответствующими подзаголовками.

Экспедиции эти совершены в период 1908—1917 г.г. Одна из статей этой серии, посвященная описанию экспедиции на Балхаш по Караталу, напечатана в «Известиях Туркестанского Отдела Русского Географического Общества»; описание экспедиции на сырты системы Сарджаса помещено там же; описание Прибалхашья между р.р. Или и Караталом печатается Комиссией Экспедиционных Исследований Академии Наук; наконец, две работы этой же серии, касающиеся Алакульской равнины и территории Прибалхашья между низовьями р.р. Аксу и Каратала, переданы для напечатания в распоряжение Госплана Казакстана.

Таким образом, вся серия в целом более или менее полно охватывает всю территорию бывшей Семиреченской области, в пределах которой мною было сделано экспедиционным порядком свыше 25 тысяч километров. При этом отдельные работы, объединенные указанным общим заглавием, однородны также и по своему плану и форме изложения, представляя собою обще-географического характера описания отдельных маршрутов, в форме путевого дневника. Исключением является описание Алакульской равнины, где форма дневника играет подчиненную роль, так как в этом районе я работал стационарно в течение нескольких месяцев, благодаря чему явилась возможность дать обобщающее описание исследованного района, на каковое, по моему мнению, не дают права рекогносцировочные поездки маршрутного характера.

В. Шитников.

ПОЕЗДКИ ПО СЕМИРЕЧЬЮ

Загорная часть б. Пишпекского у., юго-западная часть б. Пржевальского.

Летом того же 1913 года, когда мною была совершена большая экспедиция в Прибалхашье Копальского уезда, описанная в работе, изданной К. Э. И. Академии Наук, мне пришлось сделать еще более значительную поездку по диаметрально-противоположной по своим природным условиям части Семиреченской области, а именно, по загорной части Пишпекского и юго-западной части Пржевальского уездов.

В первую поездку район моих обследований лежал целиком в области песков, саксауловых зарослей, солонцов и полевой степи, при чем нам не приходилось подниматься выше каких-нибудь 600 метров н. у. м. Наоборот, во вторую поездку мы имели дело только с высотами не ниже 1.600 метров, различного типа горными лесами, альпийскими пастбищами, снегами и ледниками.

Как та, так и другая экспедиция были организованы Семиреченским Переселенческим Районом и представляли, в сущности, лишь две части одной и той же экспедиции, объединенные общей целью и, приблизительно, одним и тем же составом участников. Правда, в первую половину экспедиции в Прибалхашье, как мною упомянуто при ее описании, участниками, кроме меня, были только ботаники Б. К. Шишкин с помощницею В. С. Гениной и почвенная партия совершенно отсутствовала. Но это не нарушило общего плана, так как почвовед экспедиции А. И. Безсонов с помощником Б. Е. Корбуш, начав свою работу в горной части области, по окончании ее прошли затем в уже обследованное ботаниками и мною Копальское Прибалхашье. Мы же, т.-е. Б. К. Шишкин, В. С. Генина и я, посвятили горной части Семиречья вторую половину имевшегося в нашем распоряжении времени и, таким образом, в результате все намеченные местности были изучены с надлежащею полнотою, т.-е. обследованы и в ботаническом, и в почвенном, и в чисто-хозяйственном отношении.

Последнее, а также и общее руководство экспедициею лежали на мне, как на постоянном служащем Переселенческого Управления и—агрономе по образованию.

В дальнейшем я не буду совершенно касаться маршрутов остальных участков и остановлюсь только на описании мест, посещенных мною лично. Точно также я не буду останавливаться на переезде из конечного пункта первой половины экспедиции—урочища Кара-Чингиль на Каратале—до станции Узун-Агач (Казакско-Богородское) на тракте Верный—Чимкент, так как на этом протяжении путь почти сплошь проходит по хорошо известному почтовому тракту и поэтому ничего интересного не представляет.

Таким образом, несколько условным начальным пунктом экспедиции будет сел. Узун-Агач, Верненского уезда. Впрочем, о пути отсюда до Нарына я упомяну тоже лишь вкратце, за исключением той его части, которая проходит вне почто-

вого тракта, т.-е. участка между Казанско-Богородским и ст. Джиль-Арык. Правда, эта часть пути, проходящая через Кастекский перевал, как сокращающая расстояние от Верного до Пржевальска почти на 200 верст, широко используется местными жителями. Но она редко посещается приезжими исследователями и поэтому значительно менее известна, чем любая часть почтового тракта.

Маршрут экспедиции, нанесенный на прилагаемой карте, определяется следующим образом (считая рабочую часть экспедиции от Нарына): Нарын—Кочкорка (Столыпино)—долина реки Кочкорки—р. В. Каракол—пер. Каракол—р. З. Каракол—дол. Сусамыра—пер. Тышиной—пер. Борунду—пер. Кызыл-Кия—дол. р. Джумгал—пер. Эмель—дол. р. Кукумерен—р. Чаманды—пер. Чаманды—урочище Тогуз-Торау в долине Нарына—пер. Каргалык—р. Мак-мал—дол. р. Алабуш—пер. Кульджабаш-Ат—Чортов Мост на Нарыне—пер. Кульджабаш-Ат—р. Алабуга—р. Тоткуй—пер. Джаман-Даван—дол. р. Арны—пер. Масаил—дол. р. Каракоюн—сел. Атбаши—укрепление Нарын—дол. Б. Нарына—р. Джак-Пулат—пер. Джак-Пулат—р. Болгарт—пер. Тон—р. Тосор—берег Иссык-Куля—Пржевальск—сел. Тюп (Преображенское)—пер. Шаты—р. Чилик—р. Дженишке—Ассы—пер. Тургенъ—сел. Тургенъ—Верный.

Считаю справедливым отметить, что при описании основного маршрута экспедиции некоторый дополнительный фактический материал мне дали записки моего сына, Арсения, который в течение всей поездки вел довольно подробный дневник.

Закончив на этом предварительные общие замечания, перейду теперь к описанию пути, при чем, как уже упомянуто выше, начну это описание с кратких данных, касающихся района Казанско-Богородское (Узун-Агач)—Нарын.

26 июня в 11 с половиной часов вечера я выехал на «вольных» из Узун-Агач с тем, чтобы дать отдохнуть лошадям у подножия перевала и затем с рассветом начать подъем.

В Кастекском ущелье, при подъеме, встречено в одном месте довольно много, сравнительно, редких *рыжепоясничных* ласточек (*Hirundarufula* Temm.), собиравших около лужи грязь для гнезда. Несколько дальше нашел уже покинутое птенцами гнездо *олянки* (*Cinclus leucogaster* Bonap.); рядом с гнездом сидел, притаившись, один из птенчиков, которого на моих глазах кормили родители. Испугавшись меня, птеник немного отодвинулся за ближайший камень, где долго сидел не двигаясь с места, в полной уверенности, что я его не вижу, и непрерывно слегка приседал, как это делают взрослые оляпки.

Кроме оляпок в щели¹ попадались *чеканы попутчики* (*Saxicola oenanthe* L.), *пестрые каменные дрозды* (*Monticola saxatilis* L.), *удоды* (*Upupa epops* L.), *горные трясогузки* (*Budytes melanope* Pall.), *туркестанские трясогузки* (*Motacilla personata* Gould.), *дикие голуби* (*Columba* Sp?), *ласточка деревенская* и *рыжепоясничная* (*Hirundo rustica* L и *H. rufula* Temm.), *галки* (*Monedula collaris* Drumm.), *коноплянки* (*Acanthis fringillirostris* Bonap.), *полевые воробьи* (*Passer montonus dilutus* Ab.), *горные вороны* (*Pyrrhocorax graculus* L.), встречены одиночный *коршун* (*Milvus melanotis* Temm.) и одна *пустельга* (*Ginnunculus tinnunculus* L.); дальше, на высоте около 2.000 м. н. у. м., отмечены парочка *горных жаворонков* (*Otocoris penicillata* Gould.), прилетевших покормиться около караван-сарая, и здесь же *каменные воробьи* (*Petronia petronia* L.). Кроме того, наблюдались *коньки* (*Anthus* Sp.), *чеканчики* (*Pratincola maura* Pall.), *горные овсянки* (*Emberiza cia* par Nart.), *желчные овсянки* (*Embecixa luteola* Spawm.), *городские ласточки* (*Chelidon urbica* L.), *славки* (*Sylvia nisoria* Bechst. и *S. cinerea fuscipilea* Sewertsow), а недалеко от выхода из ущелья в долину—*чернолобый* и *туркестанский сорокопуды* (*Lanius minor* Gm. и *L. phoenicuroides* Severtsov) и *пчелоеды* (*Merops apiaster* L.).

¹ Ущелье, узкая долина—по-семиреченски.

Так как кустов нигде по дороге до выхода из ущелья не было, то встреченные *славки* держались здесь в высокой траве, что для *пестрогрудки* (*Sylvia nisoria* Bechst.) не совсем обычно.

Из пресмыкающихся отмечен только единственный, найденный мертвым, экземпляр *узорчатого полоза* (*Coluber dione* Pall.).

Высота Кастекского перевала около 2.500 м. н. у. м.

В Джип-Арык я приехал в 11 час. 35 мин. вечера, переночевал здесь и в 6 час. 20 мин. утра уже выехал дальше на почтовых на Кутемалды, где начинается ветка почтового тракта на Нарын.

Так как почтовый тракт и в пределах Буамского ущелья (до Кутемалдов) и дальше описывался неоднократно, то здесь я ограничусь лишь краткими заметками, преимущественно орнитологического содержания.

Между Джиль-Арыком и Кок-Мойнаком отмечены *туркестанская* и *горная трясогузки* (*Motacilla personata* Gould и *Budytes melanope* Pall.), много *чекканов* *плеваников* (*Saxicola morio* Ehrb.), одна из *горных овсянок* (*Emberiza buchanani* Blyth.), *деревенская ласточка* (*Hirundo rustica* L.), *стрижи* (*Cypselus apus* L.), *воробьи* (*Passer domesticus* L. и *P. montanus dilutus* Ab.), *пестрый каменный дрозд* (*Monticola saxatilis* L.), *удод* (*Urupa eops* L.), а для зарослей *облетихи* (*Hippophaë rhamnoides*) вдоль берега Чу в окрестностях Кок-Мойнака—*фазаны* (*Phasianus mongolicus* Brdt.). Между Кок-Мойнаком и Кутемалдами наблюдал на очень близком расстоянии *бородача* (*Ruraëtos borbatus* L.).

На лугах на Чу подле Кутемалдов в изобилии держатся *желтые трясогузки* с ярко-черною переднею частью спины (*Budytes citreoloides* Gould.). За следующей станцией, Орт-Токой, в берегах много гнезд *береговой ласточки* (*Cotyle riparia* L.), а всюду по дороге попадаются стайки *обыкновенных* и *скалистых голубей* (*Columba livia* Bviss и *C. rupestris* Pall.), при чем первые здесь еще преобладают; встречена какая-то *ржанка* (*Choradrius* Sp.), а между Орт-Токою и Кумбель-Ата прямо на дороге попался *горный жаворонок* (*Otocoris penicillata* Gould), а также *полевые жаворонки* (*Alanda arvensis* L.), которые в Семиречье являются видом горным и в низменной части области не встречаются.

По берегам реки, вдоль которой все время идет наша дорога (верховья Чу, здесь носящей уже название Джуван-Арык), конечно держатся *зуйки* (*Totanus hypoleucos* L.), всюду много *чекканов* (как *Saxicola oenanthe* L., так и *S. morio* Ehrb.), попадают *коньки* (*Anthus* sp.) и опять те же *желтые трясогузки* (*Budytes citreoloides* Gould.); местами много *стрижей* (*Cypselus apus* L.).

В окрестностях сел. Кочкорки (Столыпино) обращают на себя внимание красные, замечательно эффектно размытые предгорья из красной глины, на которых держатся *чечевичники* (*Rhodorchys sanguineo* Gould.), вообще в Семиречье мало где попадающиеся и редкие.

Высота местности (Кочкорка—около 1.830 м. н. у. м.), не замечаемая днем, становится весьма заметною к вечеру, так как уже при приближении солнца к горизонту сразу становится настолько холодно, что приходится надевать пальто. К утру же температура нередко настолько понижается, что 28 июня, выезжая в 6 часов утра со станции Сарыбулак, я должен был поверх летнего пальто надеть зимнее, и, кроме того, укрыть ноги палаткою. На Сарыбулаке около станции держатся *голуби* (*C. livia* Briss и *C. rupestris* Pall.), *воробьи*, много *Fringillanda altaica* Evsm, *туркестанские* и *желтоголовые трясогузки* (*Motacilla personata* Gould. и *Budytes citreoloides* Gould.). Между Сарыбулаком и Кара-Ункуртом на дороге держались *горные жаворонки* (*Otocoris penicillata* Gould) и встречены два одиночных *горных вьюрка* (*Montifringilla alpicola* Pall.). Но *вороны* здесь не горные, а самые обыкновенные—*черные* (*Corvus orientalis* Evsm.). Попадают *коньки* (*Anthus arborens*?) и *горизвостки-чернушки* (*Buticilla rufiventris* Vieill.).

На вершину Долонского перевала (3000 м. н. у. м.), несмотря на прекрасных лошадей, мы поднимаемся ровно 2 час. 20 мин., т.-е. едем, в среднем, со скоростью

менее 8 верст в час (расстояние до вершины 18 в.). По дороге кое-где в тенистых местах еще сохранился снег.

После спуска с перевала в долину р. Кара-Коджур ландшафт резко меняется, так как до сих пор на всем протяжении пути горы были совершенно голые, в Кара-Коджурском же ущелье левые склоны покрыты еловым лесом и кустарными зарослями. В качестве подлеска в лесу сперва идет своеобразная *акация*—«*тюрекьюр*» (*Saragana jubata*), ниже заменяемая *можжевельником* (*Juniperus* sp.), *жисимолостью* (*Lonicera* sp.) и другими листовыми кустарниками. Ущелье местами необыкновенно красиво, и фауна в нем значительно богаче и разнообразнее, так как к ранее наблюдавшимся видам птиц здесь прибавляется целый ряд новых. Так, тут мною отмечены следующие птицы: *Fringillanda altaica* Evsm., *индейская пеночка* (*Phylloscopus indicus* jerd.), *горихвостки-чернушки* и *красностинка* (*Ruticilla rufiventris* Vieill. и *R. erythronota* Evsm.), *олетка* (*Cinclus leucogaster* Bonap.), *туркестанская* и *горная трясогузки* (*Motacilla personata* Gould. и *Budytes melanope* Pall), *городская ласточка* (*Chelidon urbica* L.), в Семирежье являющаяся чисто горным видом, *сорока* (*Pica pica* L.), *черная ворона* (*Corvus orientalis* Evsm.), *воробьи* (*Passer domesticus* L. и *P. montanus dilutus* Ab.), *чечевича* (*Corpodams erythrinus roseatus* Hodgs.), *королевский вьюрок* (*Serinus pusillus* Pall.), *козлек* (*Anthus* sp.), оба *голубя* (*C. livia* Briss. и *C. rupestris* Pall.), много *чекканов-каменок* (*Saxicola oenanthe* L.) и *горных ласточек* (*Cotyle rupestris* L.).

Следующие два перегона—станции Он-Арча—Нарын, я проделал быстро, без всяких преклонений, и на этом пути у меня в дневнике отмечены только встреченные около дороги 2—3 *атайки* (*Todorna rutila* Pall.).

В Нарыне, представляющем из себя ничтожный поселок, официально именуемый укреплением, так как здесь есть старая так называемая «крепость» с небольшим отрядом войск, меня уже ожидали приехавшие из Петербурга через Фергану и Кугарский перевал моя жена и 15-летний сын, которые, затем, проделали со мною всю экспедицию.

В Нарыне пришлось просидеть несколько дней в ожидании нанятых служащих и лошадей, которые должны были прибыть из Пржевальска, после чего я отправил сына с караваном вперед, сам же на следующий день выехал с женою на почтовых лошадях, с тем, чтобы попасть приблизительно одновременно с караваном на Кочкорку, откуда должен был начаться наш рабочий маршрут.

8 июля с женою прибыли на Кочкорку, где нас уже со вчерашнего дня ожидал наш караван.

На Кочкорке было положено начало нашей зоологической коллекции, а именно, мой препаратор, Садырбек Абдыбеков, добыл в окрестностях 3-х *чечевичников* (*Rhodoprechys sanguineo* Gould.), держащихся на окружающих Кочкорку красных глиняных горах, и *каменного воробья* (*Petronia petronia* L.). В трещине глины, на этих же горах, было найдено гнездо последнего, устроенное из сухих стеблей растений; в гнезде находились уже большие птенцы. Сыном добыта *желтая трясогузка* (*Rudytes citreoloides* Gould.) и собрано довольно много представителей местной флоры.

За время последующей трехнедельной стоянки на Кочкорке были собраны еще кое-какие объекты для коллекции, как то: те же *желтоголовые трясогузки* (*B. citreoloides* Gould.), *зук* (*Totanus hypoleucos* L.), *сорокопут* (*Lanius phoeniceoides* Severtzow), *малый зуек* (*Charadrius minor* M. et. W.) и *чибис* (*Vanellus cristatus* Meyr). Вообще же фауна здесь оказалась довольно бедной, так как за все время, кроме перечисленных видов, отмечены только: обыкновенная *туркестанская трясогузка* (*M. personata* Gould.), *удод* (*Upupa epops* L.), *травник* (*Totanus clalidris* L.), *крякки* (*Sterna fluviatilis* Naum.), *скворцы* (*Sturnus* Sp.) да *деревенская* и *береговая ласточки* (*Hirundo rustica* L. и *Cotyle riparia* L.). Найдено также гнездо *желтоголовой трясогузки* (*B. citreoloides* Gould.) с 4 яйцами, хотя вообще и у нее и у *M. personata* Gould. уже летающие молодые, державшиеся пока с родителями.

Природная обстановка по соседству с нашим лагерем—прибрежные, галечниковые пространства и дугового характера участки («сухие сазы»), в значительной степени уже стравленные скотом.

12 июля, как это всегда бывает в первый день настоящего экспедиционного пути, особенно при передвижении вычным порядком, сборы затянулись до трех часов дня, так что ехать нам в этот день предстояло весьма недолго.

Некоторое время мы двигаемся вдоль правого берега Джуван-Арыка, затем переезжаем через реку, а еще через некоторое время переправляемся в брод через В. Каракол и затем все время, до вечерней остановки, едем долиною этой реки. Первое время дорога наша идет прекрасными сенокосами, расположенными вдоль берегов Джуван-Арыка и В. Каракола, затем мы едем узкою каменистою террасою, постепенно расширяющеюся и мало-по-малу переходящую в гладкую, довольно широкую равнину. Равнина эта справа ограничена каменистыми горами, замыкающими долину В. Каракола, слева ее отделяет от галечникового ложа реки полоса все того же роскошного луга. Еще дальше эта полоса луга расширяется, и мы едем среди широкой долины, покрытой богатейшею травянистою растительностью. Часто попадаются киргизские могилы и зимовки и многочисленные, так называемые в Семиречье, «сады», т.-е. рощицы искусственно разведенных *карагача* (*Ulmus campestris*) и *ив* (здесь главным образом—последних), иногда в расположенные около зимовок, а нередко и совершенно самостоятельно, вдали от всякого жилья. С садами чередуются отгороженные низкими глиняными заборами (дувалями) участки «клеверников» (посевов люцерны).

На месте нашей вечерней остановки, верстах в 16 от Кочкорки, расположен участок, засеянный пшеницею, которая находится в великолепном состоянии. Высота лагеря н. у. м.—около 1.900 м.; в 9 часов вечера—16,5° С.

По пути была сегодня добыта *просянка* (*Emberiza miliaria* L.), никогда до того мне в Семиречье не попадавшаяся и ни откуда из области мне больше вообще не известная. Здесь же она оказалась вполне обыкновенною и мы встретили их целый ряд, в том числе—взрослых *juv.* Мой препаратор, прекрасно знающий всех птиц горного района Семиречья, хорошо знает и просянку и даже называет ее специальным, кажется, самостоятельно изобретенным; названием «трещуха». Кроме этого отмечен в пути еще *сорокопут* (*Lanius phoenicuroides* Sawertzow), у которого есть уже взрослые *juv.* но попадаются и гнезда с не вылетевшими птенцами. На стоянке добыты *желтоголовые трясогузки* (*B. citreolodes* Gould.), *полевой жаворонок* (*Alanda aracusis* L.) и тот же *сорокопут* (*L. phoenicuroides* Sew.) и наблюдался *чеглок* (*F. leo subuteo* L.).

В 8 часов утра 13 июля температура 20° С, едва заметное движение воздуха, небо же настолько ясное, что даже вершины гор совершенно лишены своих обычных спутников—легких белых облаков. Выхали утром в 10 час. 50 мин., остановились опять на берегу В. Каракола, проехав около 33 верст.

Дорога все время идет долиною Каракола, в начале нашего пути—широкою и вполне пригодною для земледелия, не говоря уже о скотоводстве. Долина носит то луговой характер, то покрыта роскошным *чием* (*Lasiagrostis splendens*). Ближе к реке—многочисленные сады и зимовки; очень часто попадаются арычные системы, орошающие поле люцерны или хорошего, уже выколосившегося ячменя. Изредка такого характера местность на короткое время сменяется подходящим, в-виде более или менее узкой полосы со стороны замыкающих долину сланцевых гор, сильно каменистым, бесплодным участком.

В дальнейшем долина меняет свой характер: постепенно суживается и переходит в бедную пологую степь, которая затем и тянется уже почти до самого места вечерней остановки. Незадолго до последней опять появляется зеленая растительность, но уже иного типа, соответственно значительно большей высоте

внем моря.

Восточный Кар: кол у места нашей вечерней остановки представляет из себя довольно многоводную, бурную реку, сильно шумит и внушает некоторые опасения за благополучие предстоящей на утро переправы.

Впрочем, в горных местностях больше, чем где бы то ни было, справедлива поговорка: «утро вечера мудренее», так как сильно прибывающая за день, от таяния снегов и ледников, вода горных речек, обычно, именно к утру резко спадает.

Сегодняшняя и вчерашняя дорога представляет из себя не обычную в горах верховую тропу, а довольно сносную настоящую колесную дорогу, ведущую через перевал Каракол, вдоль В. и З. Караколов, в долину реки Сусамыр, к расположенным там большим переселенческим участкам. Дорога эта специально была проведена Переселенческим Управлением и еще в данный момент на ней ведутся работы, в том числе постройка мостов. Впрочем, в противоположность американской системе заселений, у нас прежде селят поселенцев, а затем начинают думать о сооружении дорог и прочего, и в результате нередко получается то, что случилось на Семиречье: дорога еще не закончена, а все новоселы с двух громадных участков, за исключением трех семей, уже успели разбежаться. И разбежались они, по их единодушному заявлению, исключительно из-за бездорожья, на девять месяцев в году абсолютно отрезывавшего их от остального мира.

Переходя теперь к животному миру, начну с *полевого жаворонка* (*Alauda arvensis* L.), гнездо которого с четырьмя недавно вылупившимися птенцами было найдено около палатки. Здесь кстати будет заметить, что в Семиречье наш российский *полевой жаворонок* представляет из себя настоящую горную птицу. Он, правда, не является жителем настоящих альпийских лугов, населенных *горным жаворонком* (*Otocoris penicillata* Gould), но никогда не встречается и в низменной части области, населяя горные луговые пространства в районе черноземных лугов или горной степи—на высоте 1.500—2.500 м. н. у. м.

По пути нам птиц попадалось много, но видовой состав крайне однообразен. Сперва мы встречали почти исключительно *полевых жаворонков*, которые в дальнейшем постепенно уступили место *горному жаворонку* (*O. penicillata* Gould) в конце концов, т.-е. метрам к 2.400 н. у. м., почти совершенно вытеснившему *полевого*. В каменистых местах к жаворонкам прибавились *чекканы-попутчики* (*Saxicola oenanthe* L.); встречались в небольшом числе *полевые коньки* (*Anthus campestris* L.), около могил—*полевые воробьи* (*P. montanus dilutus* Ab.), у мокрых мест—*трясогузки* (*M. personata* Gould и *B. citreoloides* Gould.) и, наконец, добыт один *сарыч* (*Buteo* sp.) и встречен еще один. На месте вечерней остановки у реки на болоте видели *черныша* (*Totanus ochropus* L.) и *желтых трясогузок* (*B. citreoloides* Gould.), в каменистой степи попадались в небольшом числе *горные жаворонки* и *чекканы* (*S. oenanthe* L.) и, наконец, были добыты три *каменные воробья* (*Petronia petronia* L.), из которых один—взрослый *juv.* Добыты, кроме того, еще три *горных жаворонка*, из которых один тоже уже хорошо летающий молодой.

Наконец, сегодня нам попались и пресмыкающиеся, притом—новые для меня виды, а именно одна *ящурка-глазчатая* (*Eremias multiocellata* Gnthr.)—в каменистой полынной степи по дороге, четыре *аблефара* или *гологлаза* (*Ablepharus alaicus* Elp.)—в камнях среди травы у берега реки. Обе эти ящерицы принадлежат к числу очень немногих наших чисто горных видов и, как мне это удалось установить впоследствии, являются живородящими. Этот факт представляет большой интерес, так как это единственные живородящие ящерицы в Семиречье и единственные, кроме *Lacerta vivipara* и *веретеницы* (*Anguis fragilis*), живородящие во всей русской фауне вообще. Объясняется это явление и эта аналогия с *Lacerta vivipara*, конечно, тем, что обе названные ящерицы живут в горах, т.-е. подобно северной *L. vivipara*, среди весьма суровых климатических условий, в которых отложенные яйца всегда подвергались бы риску гибели от внезапного понижения температуры, возможного на этих высотах в любой момент лета. Таким образом, живя в необычных для пресмыкающихся условиях сурового климата, и *L. vivipara*, и *веретеница*.

и обе названные ящерицы оказались перед дилеммой: или рисковать погибнуть, как вид, или—выработать, в виде исключения, специальный способ размножения, обеспечивающий верное развитие зародыша. Они такой способ себе и выработали, начав рожать живых детенышей, и, таким образом, устранив возможность заморозания яиц. Напомню, что и из змей очень далеко идущая к северу обыкновенная гадюка (*Vipera berus*), а также исключительно высоко поднимающийся в Семиречье в горы щитомордник (*Ancistrodon halys* Pall.) тоже являются живородящими.

Сегодня всю первую половину дня было очень жарко, хотя мы и находились на сравнительно большой высоте (свыше 2.000 м. н. у. м.), а так как при этом нас и особенно наших лошадей осаждали многочисленные большие и малые слепни, то дорога была не особенно приятна.

На вечерней остановке—на высоте около 2.400 м. н. у. м.—в 9 часов вечера t° была 17° С. В 7 часов утра 14° —тоже 17° С.

Сегодняшний путь наш мы начали с переправы черек р. Каракол, которая, как мы и предполагали, оказалась совсем пустынной. При этом мы переправлялись (в 8 час. утра) раньше наступления времени минимального уровня воды, который в этом пункте бывает в 11 часов утра. Впрочем, здесь, благодаря несколько меньшему уклону реки и тому, что она тут разливается довольно широко, переправа вообще легче, чем в других местах этого района, и место нашей почевки является местом обычных переправ через В. Каракол, так что сюда именно направляются кочевые дороги киргиз, и здесь временно, до постройки моста, проходит та, скажем, колесная дорога, которая ведет на Сусамыр.

Дорога идет все время долиною реки, которая здесь довольно широка и на правом (нашем) берегу представляет из себя превосходно выраженные, возвышающиеся одна над другой, террасы, число которых меняется и иногда доходит до четырех. Террасы эти были бы вполне удобны для орошения, но высота их над уровнем моря все-таки настолько велика, что в этом районе вряд ли был бы возможен обычный в Семиречье тип земледелия из-за суровости климата.

Позднее на нашем пути, ближе к Фергане и в условиях лучшей инсоляции мы видели киргизские пашни и значительно выше, но на обоих Караколах в верхних частях их долин климат, видимо, настолько суров, что здесь земледелие мы увидим еще не скоро.

В настоящем своем виде эти террасы покрыты весьма скудной растительностью, с преобладанием *полыни* (*Artemisia maritima*).

На 56-й версте от Кочкорки долина резко суживается и превращается в ущелье, более или менее живописное лишь в нижней своей части, а выше—лишенное лесной и кустарной растительности и даже скал. В начале же есть красивые места, где дорога лепится на значительной высоте по самому краю узкой щели, на дне которой бурлит и грохочет Каракол, стесненный очень близко здесь сходящимися скалистыми берегами. Несколько дальше один из боковых притоков реки с шумом падает в виде водопада у самой дороги, еще дальше так же стремительно мчится с гор другой приток...

Подъем дороги на Каракольский перевал, отделяющий долину В. Каракола от долины Западного, идет сильными зигзагами, в виду большой крутизны подъема, но особенных трудностей не представляет даже для колесного движения.

На высоте около 2.700 м. н. у. м. встречаем первые *эдельвейсы* (*Leontopodium alpinum*), а у самой вершины перевала, которая расположена на высоте около 3.450 м., сохраняется немного снега, хотя, впрочем, лишь в затененных местах.

Окружающие горы покрыты превосходною альпийскою растительностью.

С вершины перевала открывается великолепный вид на расположенный не далеко большой ледник, из которого берет начало З. Каракол (рис. 1); ниже ледника—прекрасно выраженные морены и виднеется небольшое моренное озеро.

Вода в З. Караколе типичная ледниковая—молочно-белого цвета, и такой вид она сохраняет до конца, т.-е. до самого впадения Каракола в Сусамыр.

На ночлег мы остановились верстах в двух от вершины перевала и у самого его подножия, на берегу реки, в том месте, где она делает крутой, чуть ли не в

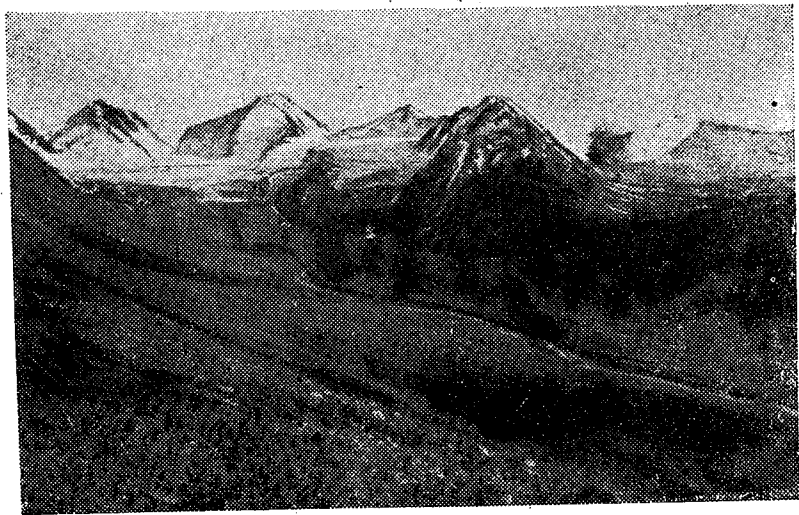

Рис. 1. Каракольский ледник (З. Каракол).

90° поворот к западу. Высота лагеря над уровнем моря (около 3.100 м.) сказывается в виде весьма неприятной для середины июля температуры—всего лишь в 10° С в 9 часов вечера.

Переходя теперь к фауне пройденного пути, придется вернуться к месту вчерашней стоянки. Там около лагеря сегодня утром была поймана *тяньшанская полеска* ((*Slenocranius tianschanicus* Büchner) и несколько штук *аблсгаров* (*Ablepharus alaicus* Efr.) и *глазчатых ящурок* (*Eremias multiocellata* Gnthr.), при чем первые держались исключительно по соседству с рекою среди камней в таких местах, где есть и трава, и совершенно не встречались выше, на плато над рекою, ящурки же попадались и там, хотя преимущественно держались на склоне к реке.

В нижней части сегодняшнего пути, т.-е. еще до перехода долины в ущелье, в местах с хорошо травянистою растительностью отмечены: *одиночный скворец* (*Sturnus* Sp.), *удоды* (*Upupa opes* L.), *чекканы-попутчики* (*Saxicola oenanthe* L.), *конопьянки* (*Acanthis fringillirostris* Bonap.), *трясогузки* (*B. citreoloides* Gould и *M. personata* Gould), *каменные и полевые воробьи* (*Petronia petronia* L. и *Passer montanus d'lutus* Ab.). В ущелье попадались два вида *завирушек* (*Acemtor fulvescens* Sewertsov и *A. alpinus vufilatus* Sew.), *каменные дрозды* (*Monticola Saxatilis* L.), *чечевички* (*Corpodacus erythrinus* Pall.), *зуйки* (*Totanus hypoleucos* L.), *береговые пегородские ласточки* (*Cotyle riparia* L. и *Chelidon urbica*), *горихвостки* (*Ruticilla* Sp.), те же *каменные воробьи* и *чекканы* (*P. petronia* L. и *S. oenanthe* L.), *коньки* (*Anthus* Sp.) и, наконец, *горные и обыкновенные вороны* (*Pyrrhocorax graealus* L. и *Corvus orientalis* Evsm.). Наконец близ вершины перевала встречана представительница фауны уже высокогорных районов—*Leucosticte brandti* Bonap.

Наша сегодняшняя стоянка оказалась весьма мало привлекательною, так как палатки пришлось разбить среди самой безотрадней местности—сильно стравленного скотом альпийского луга, конечно, без единого кустика. Низкая температура—к утру термометр в палатке опустился до 4,5° С—тоже не могла доставить особенного удовольствия. К этому присоединилось еще некоторое

беспокойство за наших лошадей, так что, естественно, что мы не особенно стремились засиживаться здесь и поспешили двинуться дальше, как только напились чаю и были готовы выюки.

Что касается упомянутого беспокойства за лошадей, то о нем следует сказать несколько слов, так как оно было вызвано особыми местными условиями, о которых нам единодушно говорили все киргизы как местные, так и некоторые из наших служащих. Дело в том, что, по словам местного населения, на солнечном склоне верхних частей долины З. Каракола и Суека растет какое-то им неизвестное, крайне ядовитое растение (может быть какая-нибудь *Oxytropis*?), поев которого, лошади погибают уже через два часа. Даже, как раз, сегодня у киргиз, по соседству с нашим лагерем, сдохли две лошади. Если не ошибаюсь, указание на эту ядовитую траву имеется и в работе Л. И. Прасолова о почвах Пржевальского у., при чем ему тоже не удалось установить вида растения.

Сегодня с утра, в довершение к указанной выше температуре, дул еще порядочный холодный ветер снизу, вдоль долины, впрочем, вскоре значительно потеплевший, а затем и почти стихший, так что к часу дня стало уже совсем тепло: $+21^{\circ}$ С.

Путь наш идет все время лишенною не только древесной и кустарной, но и высокой травянистой растительности долиною З. Каракола. Скалистых обнажений тоже нет, и склоны долины везде мягкие, покрытые, поросшие альпийского флорой. Самая дорога—легкая и достаточно хорошая, так что даже далеко не везде требует разработки. По пути нам пришлось переезжать один из наиболее крупных правых притоков Каракола—первую Аларчу, переправа через которую, впрочем, ни малейшего затруднения не представляет, несмотря на то, что уровень ее в данный момент почти максимальный. К месту впадения Аларчи вода в Караколе начала было уже немного проясняться, но отсюда опять сразу мутнеет благодаря сильно мутной, резко ледникового характера, воде Аларчи.

К 5 час. 30 мин. добрались до места нового лагеря, где нас уже давно ожидал наш караван. Место этого лагеря—версты четыре ниже устья первой Аларчи, на высоте около 2.600 м. н. у. м.

Самый путь представлял сегодня мало интересного, но фауна оказалась довольно разнообразною и богатою. Именно, из птиц было довольно много *Leucosticti brandti* Bonap., попадались горные вьюрки (*Montifringilla alpicola* Pall.), коньки (*Anthus* Sp.), горные жаворонки (*Otocoris penicillata* Gould), горные чечетки (*Acanthis brevirostris* Moove), оляпки (*Cinclus leucogaster* Bonap), у лагеря—много горных ворон (*Pyrrhocorax graculus* L), на мокрых лужайках—желтоголовые трясогузки (*B. citreoloides* Gould), много чекканов (*S. oenanthe* L), есть обыкновенные трясогузки (*M. personata* Gould), встречены пеночки (*Phylloscopus* Sp.), чекканчики (*Pratincola maura* Pall.), беркут (*Aquila chrysaëta daphanea* Sewertzow), чеглок (*Falco subbuteo* L), черные вороны (*Corvus orientalis* Evsm), наконец, зуйки (*Totanus hypoleucos* L), желчная овсянка (*Emberiza luteola* Sparrm), альпийская завирушка (*Aceentor alpinus rufilatus* Sew.) и камышевка (*Acrocephalus dumetorum* Blyth.). Последние три добыты, а кроме того, добыты два горных вьюрка (2 *Leucosticti brandti* Bonap.), два конька, два горных жаворонка, две горных чечетки и оляпка.

Что касается млекопитающих, то всюду по пути попадалось очень много горных полевок (*Stenoeranius tianschanicus* Büchner), норами которых местами сплошь изрыта вся почва и которые то и дело попадаются шмыгающими среди травы из норки в норку. Они, несомненно, ведут дневной образ жизни, так как днем попадают на глаза постоянно, к вечеру же, повидимому, в массе прячутся в норы. В ловушки тоже днем ловятся прекрасно, ночью же, кажется, не идут вовсе. Их здесь так много, что ими не брезгают даже беркуты, специально являющиеся в их колонии (рис. 3) на кормежку. Благодаря их обилию, здесь, повидимому, очень много ласок (*Mustela nivalis* L.), одну из которых мы и добыли днем около палаток техников.

У верхнего нашего лагеря (под перевалом) было много сурков, которые встречаются еще некоторое время вниз по Караколу, но здесь держатся уже выше,

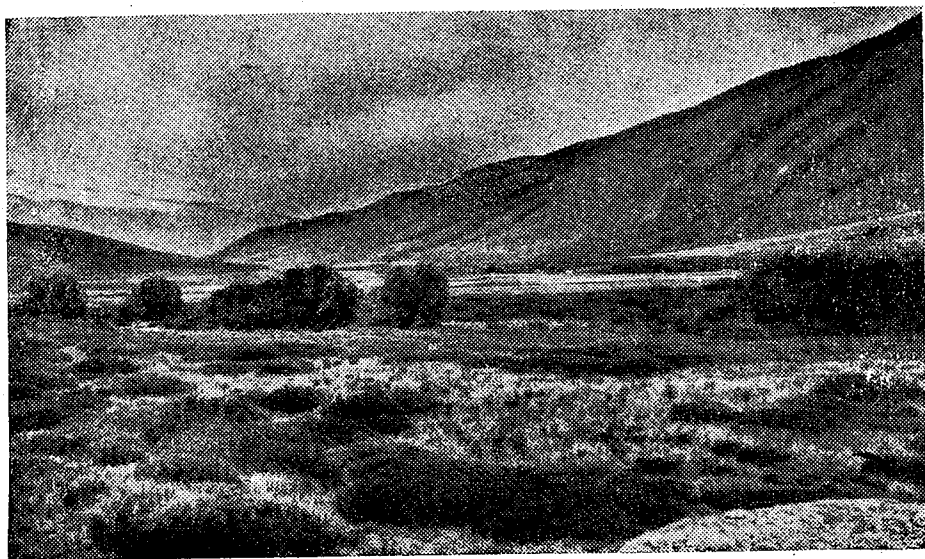

Рис. 2. Лес и культурные заросли в долине З. Каракола.

по склонам, не спускаясь на самое дно долины, как в верховьях реки. К сожалению, добыть ни одного не удалось, так что с уверенностью говорить о виде нельзя; но, повидимому, это, все-таки обыкновенный в Семиречье *Arctomys dichrous* Anders, а не длиннохвостый *A. caudota* I. Geoffroy, с которым мы познакомились впоследствии, и который сразу привлекает к себе внимание своим странным голосом.

З. Каракол изобилует рыбою, и на вечерней стоянке в самое короткое время было наловлено небольшим сачом десятка полтора очень ярко и красиво окрашенных османов (*Diptychus dybowski* Kessler) и так называемых здесь *усачей* (*Diplophysa* Sp.).

С высоты 2.900 м. н. у. м. (книзу) начал попадаться знаменитый *иссыкульский корешок* (*Aconitum Napellus*), растущий здесь в изобилии.

В 9 час. 30 мин. вечера t° всего 9° C, но за ночь сильно потеплело и в 8 час. 30 мин. утра было уже $20,5^{\circ}$ C.

Выехали сегодня поздно—в 11 час. утра, а в 3 часа уже остановились на ночлег, на высоте около 2.400 м. н. у. м.

Немного ниже нашего утреннего лагеря, близ устья второй Аларчи, долина Каракола резко суживается, и река, достигающая здесь уже довольно значительных размеров, с шумом мчит в каменистом ущелье, при чем дорога лепится по крутому склону очень высоко над рекою. Это, пожалуй, единственное живописное и эффектное местечко на всем протяжении долины З. Каракола, так как последний вскоре опять выходит в широкую долину и спокойно течет по ней до слияния с Сусамыром.

С этого места (2.550 м. н. у. м.) начинают появляться кустарные заросли, образованные отчасти *ивами* (*Salix* Sp. Sp.), преимущественно же одним видом *акации* (*Caragana aurantiaca*), а через некоторое время показываются и деревья—исключительно разные виды той же *ивы* (*Salix* Sp.). Заросли эти, по мере нашего движения вперед, становятся все гуще и гуще, и наконец превращаются в сплошную зеленую ленту, одевающую оба берега Каракола (отмечающую русло Каракола) (рис. 2). Такие же зеленые ленты сопровождают и многочисленные притоки, впадающие в него справа и слева, при чем в нижнем течении рек рощи эти очень густые и образованы, сравнительно, довольно крупными деревьями, а чем выше

они поднимаются в горы, тем становятся мельче, реже, а затем переходят в редкий кустарник, и, наконец, сходит на-нет и последний.

Упомянутая выше *акация* растет в виде отдельных «подушек», сильно напоминающих издали заросли арчи (*Juniperus sabina* и др.) при чем подушки эти иногда располагаются так густо, что сливаются в сплошную массу и образуют обширные, с трудом проходимые заросли. Иногда такие заросли занимают довольно влажные

Рис. 3. Колония полевков. Видны разветвления тропинок, протоптанных зверьками, и отдельные норки.

участки дна долины, на склоны же последней идут только вдоль берегов притоков Каракола. Подлесок в лесных зарослях долины последнего образован *черемухой* (*Prunus padus*), *жимолюстью* (*Lonicera* Sp.), тою же *акацией* (*Caragana aurantica*), *шиповником* (*Rosa* Sp.) с как-то особенно чисто белыми цветами, *черною смородиной* (*Ribes nigrum*), *жидовником* (*Myricaria daurica*) и *облетихой* (*Hippophaë rhamnoides*).

Кроме леса и кустарных зарослей по дну долины расположены также участки лугового характера, вклинивающиеся, впрочем, и между кустарниками и даже в лес. Травянистая растительность таких мест очень богата, но мною отмечены лишь некоторые главнейшие формы. Именно, кроме злаков здесь растут: *бузульник* (*Ligularia macrophylla*), *лук* (*Allium* sp.), *синюха* (*Polemonium coeruleum*), *колокольчики* (*Campanula* sp. sp.), *иван-чай* (*Epilobium angustifolium*), *полынь* (*Artemisia Dracunculus*), *чебрец* (*Thymus serpyllum*), *тимopheвка* (*Phelum Boehmeri*), *вероника* (*Veronica spicata*), *лапчатка* (*Potentilla* sp.), *подмаренник* (*Galium verum* G. mollugo?), разные *хлопушки* (*Silene* sp. sp.), *чертополох* (*Cardus* sp.), *овсяница* (*Festuca* sp.), *дягиль* (*Angelica decurrens*), *кровохлебка* (*Sanguisorba officinalis*), *тысячелистник* (*Achillea millefolium*), *манжетка* (*Alchemilla vulgaris*), *иссыкульский корешок* (*Aeonitum Napellus*), *аконит* (*A. septentrionale*), *вика* (*Vicia cracca*), *хохлатка* (*Corydalis* sp.), *лядвенец* (*Lotus* sp.), *мятлики* (*Poa* sp. sp.), *погребок* (*Rhinanthus crista Galli*), *белый клевер* (*Trifolium repens*); кроме этого много разных других, преимущественно сложноцветных и зонтичных, определить которые я, не будучи ботаником, не мог. Но это все растительность самого дна долины, поймы реки, та же часть долины, по которой идет дорога и которая расположена несколько выше, ближе к горам, уже вскоре после нашего выезда со стоянки принимает более или менее степной характер, так что исчезают альпийские растения и появляются сперва *чебрец* (*Thymus serpyllum*), *подмаренник* (*Galium verum*), *полынь* (*Artemisia maritima*), *тысячелистник* (*Achillea millefolium*), *тимофеевка* (*Festuca ovina*), а вскоре остается почти исключительно последний с *полынью* и примесью *ковыля* (*Stipa* Sp.), которого только на склонах становится заметно больше.

Из птиц по дороге попадались только *коньки* (*Anthus Sp.*), *желтые трясогузки* (*Budytes citreoloides* Gould), *горные жаворонки* (*O. penicillata* Gould), *чекканы* (*Saxicola oenanthe* L), *чекканчики* (*Pratincola maura* Pall.), *каменные дрозды* (*Monticola saxatilis* L), да *галки* (*Manedula collaris* Drumm.). Из них последние три добыты. После появления кустарных зарослей показались *сорокопуты* (*Lanius phoenicuroides* Sewertzow), *ястребная* и другая *славка* (*Sylvia nisoria* Bechst и *Sylvia sp. sp.*), *пеночки* (*Phylloscopus sp.*), *чечевицы* (*Carp. erythrurus roseatus* Hodgs), встречен одинокий экземпляр *серпоклюва* (*Ibidorhynchus struthersi* Vig), добыт *зук* (*Totanus hypoleucos* L.). В лесу встречены: *варакушка* (*Caynecula Suecica?*), *соловей* (*Phylomela holzi?*), *пеночки* (*Reguloides humii* Brooks и *Phylloscopus sp.*), *серая славка* (*Sylvia fuscipilea* Sewertzow), добыта *чечевица* (*Carp. erythr. roseatus* Hodgs), *парочка щеглов* (*Carduelis caniceps*), *сорока* (*Pica pica* L), *пустельга* (*Tinnunculus tinnunculus* L). На реке держались *трясогузки* (*Rudytes sp.* и *Motacilla personata* Gould), *зуйки* (*Totanus hypoleucos* L) и *олитки* (*Cinclus leucogaster* Bonap). Наконец, недалеко от лагеря вертелось довольно много *воронов* (*Corvus corax* L). Кроме того, добыты *черныш* (*Totanus ochropus* L) и молодой *лунь* (*Circus sp.*).

Из млекопитающих в лесу у вечерней стоянки добыт *горноста* (*Mustela erminea* L) и вообще везде отмечено присутствие *полевок* (*Stenocrionius tianschanicus* Bühner), которых, впрочем, сегодня уже меньше, чем было раньше.

Пресмыкающиеся представлены, по видимому, только *аблэфаром* (*Ablepharus alaicus* Elp.), которых на утренней стоянке было поймано три штуки и которые здесь держались прямо в траве без всяких камней. День сегодня просто жаркий и благодаря, буквально, горячему ветру, даже душный, несмотря на порядочную высоту над уровнем моря. Однако, к вечеру стало даже прохладно, так как в 9 час. термометр показывал всего лишь 14° C.

Между прочим, интересно отметить, что на такой, сравнительно, большой высоте, как 2.400 м. н. у. м., на месте нашей вечерней стоянки оказалось так много комаров, что долго высидеть в лесу с ружьем было довольно трудно.

17 июля 7 час. утра, t° 16,5° C, совершенно тихо и ясно. Кругом в кустах кричат *розовые скворцы* (*Pastor roseus* L), которые здесь держатся в огромном количестве, вероятно из-за массы кобылок, населяющих соседнюю степь. Последняя, впрочем, около нашего лагеря имеет уже высыхающий вид и, если не считать кобылок, крайне бедна по части насекомых: жуков под камнями нет совершенно и даже бабочки вчера на свет летели очень плохо, несмотря на довольно теплый вечер.

Выехали сегодня в 9 час. 45 мин., а в 1 час. 45 мин. уже остановились на ночлег, недалеко от слияния З. Каракола с Сусамыром, на высоте около 2.200 м. н. у. м. Дорога шла краем здесь уже довольно широкой долины реки и ничего интересного собою не представляла. Местами попадаются пространства с резко выраженным степным характером, даже настолько бедной, пустынной степи, что на ней держатся *полевые коньки* (*Anthus campestris* L.), один из которых и добыт здесь, в горной долине.

Прибрежная луговая, заросшая кустами *акаций* (*Caragana*) полоса здесь достигает значительной ширины, во многих местах носит даже болотистый характер и изрезана многочисленными, ключевого происхождения, ручейками и протоками. Благодаря таким природным условиям, тут держится очень много уток—частью *крякв* (*Anas boschas* L.), главным же образом—*малых чирков* (*Anas crecca* L.); последних было встречено за короткое время охоты не менее 10 выводков.

Немного выше места нашей остановки долина Каракола резко суживается и здесь справа горы подходят совсем близко к реке, так что образуется неширокое ущелье. В этом месте на скалах в изобилии держатся *кеклики* (*Saccabis chukar* Gray) и в скалах же и в обширных каменных осыпях расположена огромная гне-

здовая колония *розовых скворцов* (*Pastor roseus* L.), в настоящее время, впрочем, уже покинутая птицами (рис. 4). Но следы недавнего пребывания их здесь еще налицо, в виде, сплошь белых от помета птиц, скал и деревьев.

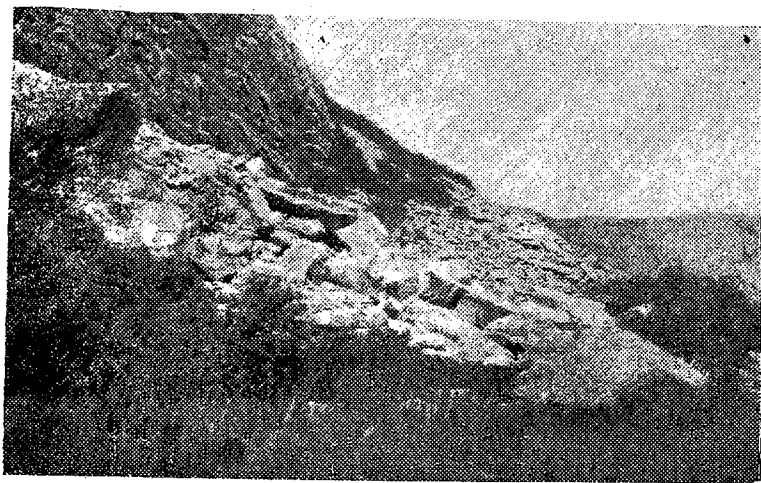

Рис. 4. 3. Карагол. Каменная осыпь с гнездовой колонией розового скворца.

В ущелье текут несколько образующихся из ключей и сразу достигающих значительных размеров протоков или реченок с идеально прозрачной водою, и вся эта местность покрыта хорошим лесом с густым кустарным подлеском и богатой травянистой растительностью, так что тут на каждом шагу попадаются необыкновенно живописные уголки, тем более, что упомянутые протоки местами текут очень медленно, образуя тихие заводи. После продолжительного пребывания на берегу горных речек такие тихие уголки кажутся особенно привлекательными, т. к. здесь и глаз и ухо отдыхают от вечного шума и стремительного движения, присущих горным потокам всех рангов. Прилагаемый снимок (рис. 5) изображает один из таких уголков, при чем так отчетливо видные на нем камни находятся на дне реченки, из чего можно судить о степени прозрачности воды. Древесная растительность здесь несколько более разнообразна по составу, так как к ранее отмеченным видам тут присоединяются еще *береза* (*Betula alba* var. *tianschanica*) и крупный древовидный *боярышник* (*Crataegus* Sp.), а из кустарников—*кислица* (*Ribes arto-ruprimum*).

Ящериц ни по дороге, ни на стоянке почему-то не встретили, но зато змей по соседству с лагерем такое огромное количество, что при желании, без особенно большой натяжки, можно было бы сказать, что они тут так и кишат. Конечно, все это безобиднейшие *водяные ужи* (*Natrix tessellata* Laur.). Держатся они или в воде или у самой воды, при чем среди них почему-то, сравнительно, много попадает совершенно черных экземпляров. Один уж после того, как я ударил его нагайкой, выбросил живого и, видимо, совершенно невинного *османчика* (*Dip-tychusi dybouskii* Kessler), который, выйдя «из чрева змеина» и будучи пущен в воду, поплыл как ни в чем не бывало.

Из птиц на стоянке или по соседству с ней попадают: *сорокопуты* (*L. phoenicuroides* Sewertzow), *овсянки* (*Emberiza* sp.), *кеклики* (*Caccabis chukar* Gray), *скворцы* (*Pastor roseus* L.), *чечевицы* (*Corp. erythrinus roseatus* Hodgs), *горные трясогузки* (*Budytes melanope* Pall.), *чекканы* (*Saxicola oenanthe* L.), *чекканчики* (*Pratincola maunq* Pall), *пеночки* (*Reguloides humii* Brooks), *славки* (*S. nisoria* Bechst. и *S. fuscipilex* Sewert.), *сороки* (*Pica pica* L.), *кряквы* (*Anas boschas* L.), *чирки-свистуны* (*A. crecca* L.), *горные голуби* (*Columba rupestris* Pall), и *пустельги* (*Tinnunculus tinnunculus* L.). Ни ремеза, ни каких-нибудь

других синиц, ни дятлов почему-то не оказалось вовсе, несмотря на вполне подходящие для них условия.

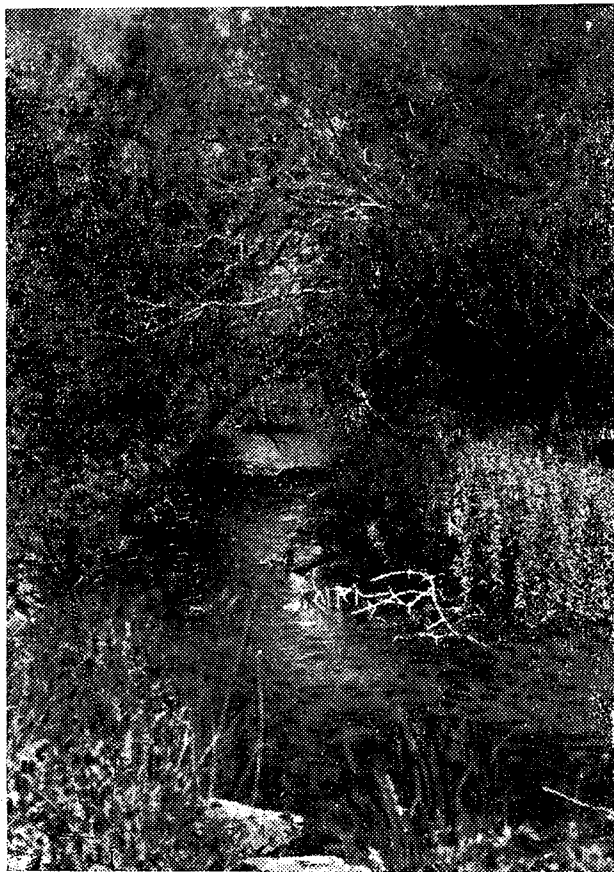

Рис. 5. Лесные заросли на ключе около последней стоянки на 3. Караколе.

Ночью на 18 июля т° опускалась, вероятно, очень низко, так как спать было холодно и еще в 7 час. утра было только 10° С. Впрочем, затем потеплело очень быстро и днем моментами было даже жарковато.

Выехали довольно поздно—в 10 ч. 45 мин. утра, на ночлег остановились в 5 час. на берегу реки Ой-Каин, на высоте около 2.400 м. н. у. м. Начался наш сегодняшний путь с переправы через Каракол, для чего пришлось спуститься по нему немного вниз, к месту, где он разбивается на 5 рукавов, чем значительно облегчается переправа. Впрочем, три из этих рукавов оказались довольно глубокими, но все-таки не настолько, чтобы представить какие-нибудь затруднения при переправе. Первое время после переезда через реку наши проводники вели нас

напрямик, даже без какой-либо тропинки, но затем вывели на дорогу, идущую ущельем на перевал Тышиной. По пути в 12 час. 10 мин. переехали небольшую реченку Джо-Джурек, впадающую слева в Каракол.

То тут, то там попадались киргизские богарные пашни, засеянные пшеницей и «клевером» (люцерной) и поднимающиеся здесь до высоты 2.300 м. н. у. м. Вид пшеницы на этих пашнях хотя и не очень роскошный, но во всяком случае вполне приличный. При этом местные киргизы говорят, что тут удаются посевы только богарные, поливные же не вызревают. Впрочем, иногда случается, что морозы прихватывают и богару. Местами по пути попадаются участки прекрасного природного сенокоса, почти исключительно из *дикой люцерны* (*Medicago falcata*). По словам местных киргиз, снег в долине Сусамыра лежит шесть с половиной месяцев и киргизы здесь зимовать почти не остаются. А те немногие хозяева, которые зимуют, оставляют при себе на зиму только лошадей, баранов же и крупный рогатый скот угоняют в долину Чу.

Подъем на перевал Тышиной сильно каменист и местами довольно крутой, но в общем все-таки не особенно трудный. Вершины перевала мы достигли в 3 ч. 10 м., при чем высота над уровнем моря оказалась равной приблизительно 3.500 м.

Отсюда открывается прекрасный вид в разные стороны: к северу на весь Александровский хребет, к востоку—на странной, какой-то особенно светлой окраски горы в вершине долины Ой-Кайин, к югу—на хребет, отделяющий от нас долину р. Джумгала, с перевалом Борунду, через который нам предстоит переходить завтра.

На вершине перевала Тышиной почва оказалась совершенно сухой, что на такой высоте представляет явление весьма необычное, и растительный покров—крайне скудным, притом сильно стравленным скотом. На подъеме же растительность была очень богата, с большим количеством настоящих горных видов. Подробный состав ее у меня, к сожалению, не записан и упоминаются только следующие виды: *сверция* (*Swertia marginata*), *купальница* (*Trollius altaicus*), *каменоломка* (*Saxifraga* Sp.), *Chorispora* *exsora*, *рихтерия* (*Richteria pyrethroides*), *ясколка* (*Cerastium trigynum*), *лапчатка* (*Potentilla* sp.), с серебристыми листьями, *лук* (*Allium* sp.), *мак* (*Papaver alpinum*), *гвоздика махровая* (*Dianthus superbus*), розовый *одуванчик* (*Taraxacum* sp.). На высоте 3.250 м. мы встретили довольно большой киргизский аул с многочисленным скотом, в том числе верблюдами, производившими здесь весьма странное впечатление. В самом деле, если верблюды ещё как будто бы терпимы на таких высотах в виде каравана с вьюками, то в качестве мирно пасущихся животных они как-то плохо гармонируют с ландшафтом альпийского дуга и окружающими скалами.

За перевалом характер флоры меняется: сперва еще попадаются *ясколка* (*Cerastium trigynum*) и *Chorispora* *exsora*, но затем местность резко принимает степной характер, так что уже на высоте 3.200 м. появляются *подмаренник* (*Galium verum*) и *люцерна* (*Medicago falcata*), а еще немного ниже—*чебрец* (*Thymus serpyllum*) и *герань* (*Geranium collinum*). При спуске с перевала, до вершины которого никакая кустарная растительность не доходит, *арча* (*Juniperus sabina*) появилась на высоте около 2.250 м., а метрам к 3.500 уже опять исчезла.

Спуск в долину Ой-Кайн необычайно крут, так что иногда приходилось прямо ложиться на круп лошади. Достаточно сказать, что расстояние в 1000 метров по вертикали мы сделали всего в 1 ч. 10 м. К счастью, на значительном протяжении дорога идет по мелкому, но не глубокому щебню из выветрившегося гранита, благодаря чему для лошадей спуск очень сильно облегчается: они не скользят и не рискуют оборваться, как на скалах, и разве только иногда аршин—другой спокойно сползают вместе со щебнем. По твердому грунту, не говоря уже о скалах, при таком уклоне спуск для лошадей был бы вряд ли возможен. Тут попадаются очень красивые местечки среди гранитных скал в комбинации с зарослями арчи.

Долина р. Ой-Кайн, где мы остановились на ночь, сплошь занята посевами пшеницы, принадлежащими киргизам и имеющими весьма недурной вид.

Сама реченка небольшая, течет среди прибрежной лугового характера растительности и отличается своей необычайно прозрачной водою, поразившей нас даже по сравнению с тою вообще кристально-чистой водою, которая является нормою для ледниковых горных рек и ручьев, и с которой нам приходится иметь дело ежедневно.

Что касается фауны, то утром на стоянке на З. Караколе в ловушках оказались *хомячек* (*Bricetulus fulvus*) и какая-то новая *полевка* (*Microtus* sp.), на сухом русле в начале пути пойман *аблещар* (*Ablepharus alaicus* Elp.), птиц же по дороге не встречено почти никаких, кроме *конька* (*Anthus* sp.) и *горной завирушки* (*Accipitor alpinus vulfatus* Sew), да найдено гнездо *малого жаворонка* (*Calandrella brachydactyla* Leis), еще с яйцами, а уже в долине Ой-Кайн пойманы две лягушки. Зато по пути через перевал попало огромное количество бабочек—*аполлонов* (*Parnassius apollo*), к сожалению, уже сплошь совершенно обтрепанных.

19 июля. За ночь температура даже поднялась, так что в 7 час. утра было 18°C. Выхали в 9 час. 45 мин. и сразу же начался подъем на перевал Борунду, местами довольно крутой и тяжелый, но совершенно безопасный, так как

дорога идет зигзагами по ровному склону хребта и ни с какими оврагами, корнями и т. д. здесь дела иметь не приходится. Впрочем, есть и здесь небольшой кусочек пути, где ехать было даже немножко жутко: в этом месте обрыв был не с одной стороны дороги, как это бывает обычно, а тропинка пробиралась по узенькому ребру хребтика между двумя обрывами—и слева и справа. Перед самой вершиною перевала, расположенной на высоте около 3.600 м. н. у. м., несколько десятков саженей пришлось проехать по снегу, который, благодаря жаркому дню, стал совершенно мягким, так что лошадей пришлось с большим трудом переводить по одной—настолько глубоко они вязли в снегу.

Вершины перевала мы достигли в 12 ч. 30 м. дня, при чем погода сегодня настолько теплая, при небольшом ветерке, что даже на самом перевале совершенно тепло. Небо ясное, без единого облачка. Вершина перевала покрыта голым гранитным щебнем, на котором, впрочем, кое-где виднеются отдельные экземпляры растений: довольно много *Chorispora* ехсара—есть желтенькая *каменоломка* (*Saxifraga* sp.), какой-то *лотик* (*Oxygraphis glacialis*?), какое-то *зонтичное*, а на более крупном щебне встречены небольшие коврики *Saussurea* с розоватыми цветами (*S. sogosephala*), впрочем, цвести это растение здесь только что начинает.

По пути же к перевалу флора была значительно более разнообразна и богата, при чем, между прочим, попадались великолепные группы *рихтерии* (*Richteria pyrethroides*) в полном цвету (см. рис. 6).

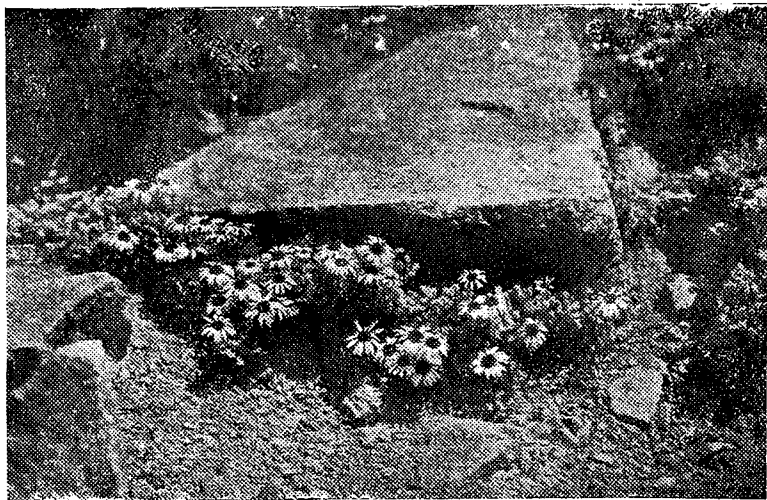

Рис. 6. Подъем на перевал Борунду.

Кроме рихтерии отмечены: светлоголубой *Dracoscephalum*, желтая *каменоломка* (*Saxifraga* sp.), *герань* (*Geranium collinum*), *вальдгеймия* (*Waldheimia tridactylites*), *гречица живородящая* (*Polygonum viviparum*), желтая *хотлатка* (*Corydalis* sp.), *мак* (*Paraver alpinum*), *одуванчик обыкновенный* и *розовый* (*Taraxacum officinale* и Т.), обыкновенное черное *зонтичное*, *лук* (*Allium* sp.), *остролодка* (*Oxytropis* sp.), серебристая *ланчатка* (*Potentilla* sp.), другая *ланчатка* (*Potentilla* sp.), *сверция* (*Swertia marginata*), *лотик* (*Ranunculus* sp.), *астра* (*Aster alpinus*), *адельвейс* (*Leontopodium alpinum*), *Chorispora* ехсара.

Спуск с перевала довольно крутой, при чем дорога идет то сильно каменистыми местами, то довольно мягкими, но трудную ее назвать, во всяком случае, нельзя. В одном месте спуск прерывается незначительным подъемом на небольшой промежуточный безымянный перевальчик, а затем дорога круто заворачивает влево (на запад) и опять начинает подниматься на очень высокий и крутой перевал

Кум-Кия, вершины которого, расположенной метров на 70 выше вершины перевала Борунду, мы достигли около 3 час. дня. Отсюда пошел уже непрерывный спуск к долине р. Джумгала, на одном из притоков которого—реченке или вернее ручье Корнтёра, мы в 4 часа 20 мин. и разбили наш лагерь, на высоте около 3.100 м. н. у. м.

Спуск с перевала Кум-Кия весьма крут, так что у одной из наших вьючных лошадей даже сломалось седло и его пришлось заменять в одном из многочисленных, попадавшихся нам сегодня на пути, киргизских аулов.

Место нашего сегодняшнего лагеря—узкая щель с каменными осыпями на склонах и довольно бедною, полугорною растительностью, но еще без кустарников.

Переходя к фауне, приходится вернуться назад, к долине Ой-Кайна. В ловушках сегодня оказалось целых семь штук зверков, по крайней мере трех, а может быть и четырех видов, пока, впрочем, остающихся точнее не определенными (*Cricetulus fuloris*, *Apodemus sylvoticus*, *Microtus* sp.).

Интересное наблюдение мне пришлось сделать здесь относительно времени выхода на охоту и обратного возвращения домой лягушки (*Rana asiatica* Bedr.). Именно, около 7½ час. вечера, когда я ставил ловушки, из одной из нор выползла лягушка и отправилась кормиться, а ровно в 7¼ ч. утра, когда я пришел снимать ловушку у этой норы, она как раз возвращалась в свое дневное убежище.

Птиц по дороге сегодня видели совсем мало: три-четыре *Leucosticte brandti* Вонар (одна добыта), *горных вьюрков* (*Montifringilla alpicola* Pall—один добыт), *коньков* (*Anthus* sp.), *горных завирушек* (*Accentor alpinus vofilatus* Sew.), *горных жаворонков* (*Otocoris penicillata* Gould), двух *грифов* (*Gyps fulvus* Habl.), пару *орлов* (*Aquila* sp.), несколько *коришников* (*Milvus milanotis* Temm.), двух-трех *чеглоков* (*Felis subbuteo* L.), да всего парочку *горных голубей* (*Columba rupestris* Pall.).

На месте вечерней остановки оказалось довольно много *уларов* (*Tetraogallus himalayensis* Gray), выводок которых с птенцами, ростом с кеклика, был встречен у самого лагеря (один *juv* добыт); тут же держались каменные дрозды (*Monticola saxatilis* L)—добыто ♂ *juv*, *горные коньки* (*Anthus spinoletta blakistoni*), *горные чечетки* (*Acanthis brevirostris* Moore) и—только. Насекомых ни в пути, ни здесь почти не найдено, исключая немногочисленных *аполлонов* (*Parnassius apollo*). Точно также не встречено сегодня ни единой ящерицы. Из млекопитающих на склонах ущелья живет довольно много *сурков*, при чем здесь мы впервые встретили необычного в Семиречье *обыкновенного сурка* (*Arctomys dichrous* Anderson), рыжего *длиннохвостого сурка* (*Arctomys caunta* I. Geoffroy), сразу обращающего на себя внимание своим голосом, больше похожим на крик птицы, чем на крик зверя.

Погода сегодня целый день стояла прямо-таки жаркая, так что мои спутники то и дело заглядывали в попадающиеся по дороге аулы напиться кумыса.

На следующий день, 20 у нас был необычно большой переход, так как мы выехали в 9 час. 50 мин. утра, а остановились на ночлег в 7 час. 50 мин. вечера, т. е. без отдыха провели в седлах ровно 10 часов.

Первое время дорога шла тою же каменистою щелью Корнтёра, где мы стояли, местами образуя небольшие расширения с ровными зелеными площадками по берегам реченки. Все-таки, удобные для разбивки юрт и покрытые хорошою, свежою травою, площадки неизменно оказывались занятыми киргизскими аулами. Благодаря этому растительность всюду по пути была сильно стравлена, а по мере нашего спуска вниз она, кроме того, очень быстро принимала все более и более степной характер. Но зато само ущелье становилось все более и более живописным, особенно после того, как вдоль русла речки появились кустарные заросли.

Следуя все время ущельем Корнтёра, мы выезжаем наконец в широкую долину р. Джумгала (часто неправильно пишется Джумгол), представляющую

из себя ряд расположенных одна над другой террас. Террасы эти, кроме внутренней, непосредственно прилегающей к реке, сильно изрезаны бесчисленными, перпендикулярными оси долины логами (оврагами, ущельями) с галечниковыми склонами. Верхние же террасы с поверхности сильно каменисты.

Везде по долине разбросаны орошенные киргизские пашни, при чем на самой низкой, внутренней террасе сеют просо и кукурузу, а на остальных—люцерну и пшеницу.

Сам Джумгал, уровень которого расположен здесь на высоте около 1.800 м. н. у. м., представляет из себя в данный момент небольшую речку, которую свободно можно переехать в любом месте. Возможно, впрочем, что такой уровень воды в реке в значительной степени обуславливается тем, что большая часть воды в данный момент как раз разбрана по многочисленным арыкам.

По проезде через долину Джумгала, мы попали сперва в безводную узкую долину или ущелье, извивающуюся между почти совершенно голыми глиняными горами, окаймляющими здесь долину Джумгала слева. Ближайшие к Джумгалу горы образованы белой глиной, а дальше они постепенно переходят в красные. Очертания последних представляют непрерывно меняющуюся своеобразную картину, так как горы эти в высшей степени причудливо размыты и покрыты многочисленными отдельностями в виде замков, различной формы столбов и т. д.

Таковыми безводными, с бедною растительностью и такою же бедною фауною ущельями мы едем довольно долго, пока не попадаем, наконец, в более приветливое ущелье какой-то маленькой реченки или ручья, которым и двигаемся уже, затем, до самой вершины перевала Эмель. Вершина эта расположена на высоте около 3.900 м. н. у. м., и добрались мы сюда только в 6 час. 35 мин. вечера. Отдохнув немного здесь, мы двинулись дальше и вскоре встретили посланного нам навстречу из лагеря джигита, который и довел нас до места стоянки каравана, шедшего на этот раз отдельно, какою-то другою, более короткою дорогою и значительно нас опередившего.

Это место стоянки оказалось расположенным на весьма значительной высоте, а именно—около 3.600 м. н. у. м.

По мере нашего движения по упомянутому ущелью между глиняными горами, растительность постепенно оживлялась и становилась более разнообразною, но еще на высоте около 2.300 м. н. у. м., где нам попадались разбросанные в горах киргизские пашни, она носит чисто степной характер, несомненно свидетельствуя о незначительном количестве выпадающих здесь осадков! Тот факт, что поливные посевы поднимаются здесь до высоты 2.450 м. н. у. м., говорит о том же. Из растений для этих мест у меня отмечены такие, как *полынь* (*Artemisia maritima*), *тимец* (*Festuca ovina*), *ковыль* (*Stipa* sp.), *терескен* (*Eurotia ceratoides*), *эбелек* (*Ceratocarpus arenarius*), *дикая люцерна* (*Medicago falcata*), *подмаренник* (*Galium verum*).

Богатные посевы здесь поднимаются до высоты приблизительно 2.850 м. н. у. м.

Чем выше, тем растительность становилась пышнее, появились в изобилии кустарники, сперва только лиственные, а затем и *можжевельник* двух видов (*Juniperus sabina* и *J. excelsa*). К сожалению, мы, в виду предстоявшего большого перехода, должны были спешить, так что задерживаться не имели возможности, почему записи приходилось делать лишь беглые, иногда на ходу лошади. Благодаря этому флора в этой наиболее интересной части ущелья осталась подробно не записанной и я могу привести лишь самые скудные данные. Так, отмечено, что в большом количестве в ущелье растут *черная смородина* (*Ribes nigrum*) и *кислица* (*Ribes atrorubrum*) и что лиственные кустарники исчезли на высоте около 3.300 м. н. у. м., а немного выше кончился и можжевельник.

На вершине перевала флора оказалась совершенно иною, чем та, которая свойственна этим высотам на сыртах по Сарджасу или, хотя бы, даже на нашем предыдущем пути. В самом деле, здесь на высоте около 3900 м. н. у. м. отмечены: *тимец* (*Festuca ovina*), *подмаренник* (*Galium virum*), *вероника* (*Veronica spicata*),

два вида мелких *смолевок* (*Silene* sp. sp.), *герань* (*Geranium coolum*), крайне жалкая, *серебристая горная лянчатка* (*Potentilla* sp.), наконец, обыкновенная синенькая *остролодка* (*Oxytropis* sp.). Никаких типичных альпийцев здесь не оказалось. На спуске с перевала, около нашего лагеря, я записал следующие, наиболее бросающиеся в глаза, виды: *герань* (*Geranium collinum*), *щавель* (*Buxus acetosa*), *манжетка* (*Alchemilla vulgaris*), *одуванчик* (*Taraxacum officinale*), *незабудка* (*Myosotis sylvestris*?), *гречиха живородящая* (*Polygonum viviparum*), *кровохлебка* (*Sanguisorba officinalis*), *тмин* (*Carum Caryl*), образующие в совокупности густой и довольно высокий растительный покров.

Переходя к фауне, начнем с нашей вчерашней стоянки, для которой мы уже упоминали уларов. В ловушки попала только одна *лесная мышь* (*Apodemus sylvoticus*). На склонах в ущелье много *кекликов* (*Saccabis chunar* Gray), попадаются *каменные воробьи* (*Petronia petronia* L.). Ниже по Корнтору, там, где начались кустарники, стали попадаться очень бойкие ящерицы, весьма напоминающие по внешнему виду ящерицу быструю, но впоследствии оказавшиеся принадлежащими к очень редкому и до того известному всего лишь в трех экз. виду, а именно—*ящуркою алайскою* (*Eremias nikolskii* Bedr.). Они же попадались и в других ущельях до переезда через Джумгал, а также и дальше, за Джумгалом, однако, высоко в горы не поднимаясь.

С появлением кустарников, разнообразнее стала и орнитологическая фауна, а именно появились: *овсянки* (*Emberiza buchanani* Blyth.), *чечевичник* (*Rhodopis sanguinea* gould), *камышевки* (*Acrocephalus dumetorum* Blyth.), *горные чечетки* (*Acanthis brevirostris* Moore), *горные и обыкновенные трясогузки* (*Budytes melanope* Pall и *Motacilla personata* Gould), *олянки* (*Cinclus leucogaster* Bonap) *сорокопуты* (*Lanius* sp.), *чекканчики* (*Pratincola maura* Pall), *чекканы-попутчики* (*Saxicola oenanthe* L.). В глиняных горах за Джумгалом много гнезд крупных хищников и необычно много для Семиречья держится *стервятников* (*Neophron percnopterus* L.), которых мы здесь встретили три штуки.

В ущелье, ведущем на перевал Эмель, после того, как в нем появились кустарники и свежая, зеленая, густая травянистая растительность, животный мир стал весьма богатым и разнообразным, но мы, к сожалению, не могли заняться им надлежащим образом. У меня только бегло отмечено о наличии здесь массы насекомых, в том числе бабочек, а так же птиц. Из последних особенное внимание обращают на себя, в общем везде довольно редкие, *синие каменные дрозды* (*Monticola cyana* L.), которые между тем здесь оказались прямо таки многочисленными. В огромном количестве найдены здесь также *кеклики* (*Saccabis chukar* Gray), попадавшие на каждом шагу, и выводков которых мы встретили десятки. На высоте 2.800 м. н. у. м. появились *черные дрозды* (*Merula maxima* Seeb.), еще выше—около 3.300 м. н. у. м.—*дереба* (*Turdus viscivorus bonapartei* Cab.). Кроме этого встречались *горлинки* (*Turtur auritus* Gray), *чечевицы* (*Carpodacus erythrinus* Pall.), *олянки* (*Cinclus leucogaster* Bonap), *зуйки* (*Totanus hypoleucos* L.), державшиеся над водою под кустиками, *чекканчики* (*Pratincola maura* Pall.), *сорокопуты* (*Lanius phoeniceoides* Sewertzow), *желчная овсянка* (*Emberiza luteola* sparrm), одна из *горных овсянок* (*E. buchanaani* Blyth), *камышевки* (*Acrocephalus dumetorum* Blyth.), наконец, *славки* (*Sylvia* sp. sp.).

День сегодня был по-настоящему жаркий, а так как к высокой температуре присоединился еще полнейший штиль, то ехать в середине дня было довольно тяжело. Особенно же досталось сегодня нашим лошадям, которым приходилось передвигаться по горным дорогам, на значительной высоте, при совершенно необычайной для гор температуре, вместо обычной в этих условиях прохлады. 21 июля в 8 час. утра $t^{\circ} 17^{\circ}$ C при полном штиле.

Первое время по выезде дорога наша шла сегодня такую же голою щелью с субальпийской растительностью, какая окружала наш лагерь, но уже вскоре показались кустарники, при чем на солнечном склоне—*можжевельник*, а на тене

вом—лиственные. С высоты 2.900 м. н. у. м. кустарные заросли уже спустились со склонов на дно долины и наша дорога отсюда пошла прелестным леском, весьма разнообразным по составу образующей его растительности. Из деревьев тут мною были отмечены: *береза* (*Betula alba* var. *tianschanica*), попадавшаяся в виде очень крупных экземпляров—до $\frac{3}{4}$ аршина в диаметре, *боярышник* (*Crataegus oxyacantha*), тоже достигавший размеров хороших деревьев (сажени 4—5 высоты, $\frac{1}{2}$ аршина в диаметре), разные *ивы* (*Salix* sp. sp.) и *рябина* (*Sorbus tianschanica*), а на высоте 2.350 м. н. у. м. к этим деревьям прибавляется еще *ялен* (*Acer Semenovii*). Кустарная растительность, конечно, еще богаче. Кроме *черемухи* (*Prunus Padus*) и *можжевельника* (*Juniperus pseudasabina*), достигавших, в сущности, размеров небольших деревьев, здесь росли *кызылча* (*Ephedra* sp.), со стволами до 2 вершков в диаметре, *аса-муса* (*Abelja-Linnaea corymbosa*), разные виды *жимолости* (*Lonicera* sp.), *черная смородина* (*Ribes nigrum*), *кислица* (*Ribes atropurpureum*), *барбарис* (*Berberis heteropoda*), разные виды *шиповника* (*Rosa* sp. sp.), *таволга* (*Spiraea*), *горная вишня* (*Prunus prostrata*).

Дальше щель, по которой мы спускались (Туракаин), оказалась непроезжей и нам пришлось сделать большой объезд вправо по почти голым песчаниковым горам, где растительность как кустарная, так и травянистая, оказалась весьма скудною. Кустарники были представлены исключительно *таволжкою* (*Spiraea* sp.), *горною вишнею* (*Prunus prostrata*) и еще какими-то двумя неизвестными мне колючими кустиками (*Atraphaxis* sp.?). Но в одном месте, где дорога круто спускается узкою щелкою, вдруг попала группа из трех *больших тополей* (*Populus suaveolens*). Здесь добыт один экземпляр впервые встреченной мною в Семиречье *овсянки Стюарта* (*Emberiza stewarti* Blyth.) и найдены норы *горного суслика* (*Citellus* sp.), которые затем попались еще в одном месте, несколько дальше, перед

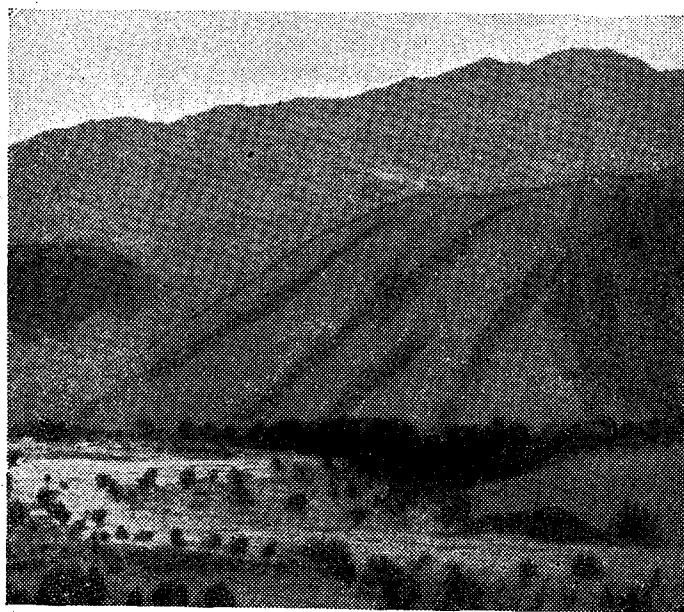

Рис. 7. Тополовый лес в устье Чамандов.

выездом в долину Бурулдая, одного из притоков Кукумерена. Низовья этой речки с необыкновенно прозрачною водою, которой, впрочем, в реке очень мало, представляют из себя широкую галечниковую долину с киргизскими пашнями по краям и деревянную зимовкою какого-то богатого киргиза.

Здесь же нам по пути попала интересная для естествоисследователя реликвия: в одном из боковых отщелков долины Бурулдая, впрочем, близко от

берега реки, виднеется небольшая избушка, как оказывается, построенная когда-то специально с целями коллектирования, известным в свое время и у нас и еще больше за границу, профессиональным коллектором—стариком Рюкбейлем. В этой избушке он, вдвоем с своим помощником-киргизом, жил два летних сезона, занимаясь соби́ранием бабочек.

Вся долина реки поросла крупными *тополями* (*Populus Suaveolens*), к которым пониже присоединяются передовые небольшие экземпляры *ясеня* (*Praxinus rotamorphila*), лучшего развития достигающего дальше, в Чамардинском ущелье, где он становится уже вполне обыкновенным. В эту последнюю долину мы переехали небольшим перевальчиком прямо из долины Бурулдая, с целью избежать крюка с заездом на Кукумерен, в который обе эти речки впадают. Самая нижняя часть долины р. Чаманды сильно напоминает долины Бурулдая и Кукумерена, представляя из себя галечниковую площадь, покрытую редко разбросанными крупными тополями (рис. 7), но по мере подъема, характер местности и, главным образом, флоры меняется очень быстро: появляется густой травянистый покров, новые виды деревьев и кустарников.

Так как мой препаратор, Садырбек, обещал мне на Чамандах новые для меня виды птиц и вообще всячески расхваливал это место, как исключительно интересное по своим природным условиям, а я имел достаточно случая убедиться, что его словам можно верить безусловно, то я уже заранее решил сделать здесь нашу первую дневку.

И первое впечатление при въезде в долину Чаманды (рис. 8) было действительно таково, что это решение у меня только укрепилось, и на дневку было ассигновано мною уже даже не один, а два дня.

В самом деле, уже один вид леса, растущего в Чаманданской щели, своим составом говорил о том, что здесь мы найдем условия, с какими до сих пор мне в Семиречье иметь дело не приходилось. Затем, вскоре же по въезде в ущелье, я поймал на глыбе конгломерата новую для меня ящерицу, оказавшуюся впоследствии *серым гекконом* (*Gymnodactylus russowii* stv.), и тут же рядом—*фалангу*, совершенно необычную в Семиречье для гор вообще, а для высоты в 1.700 м. н. у м.—

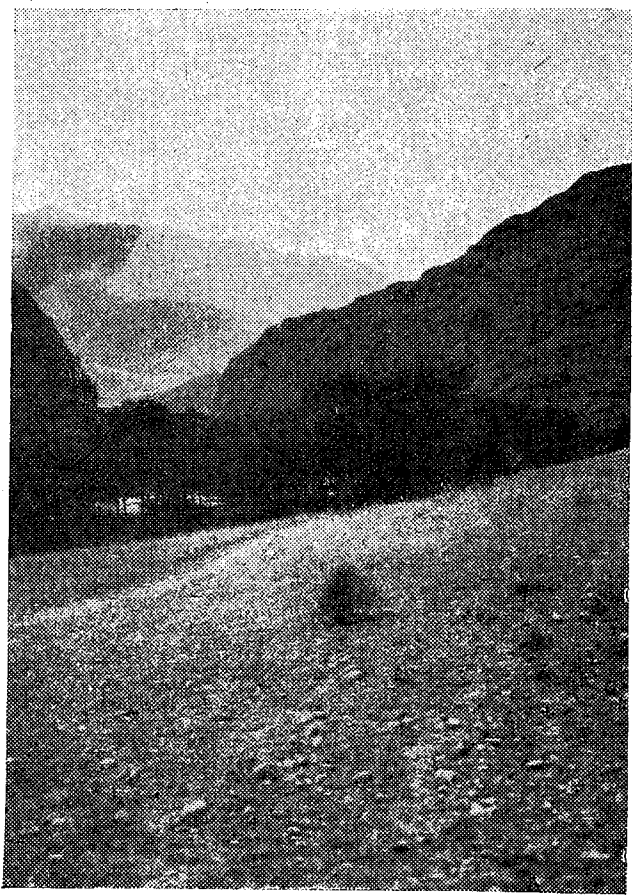

Рис. 8. Въезд в ущелье р. Чаманды.

тем более. Вообще, во всей окружающей обстановке сразу чувствовалось что-то новое, непривычное, а потому, конечно, и особенно заманчивое.

Поэтому мы только немного поднялись вдоль правого берега р. Чаманды и расположились лагерем в прекрасном лиственном лесу, верстах в двух-трех от устья реки. Но уже и здесь лес оказался в значительной степени иным по своему составу, чем тот, с которым мне приходилось встречаться до сих пор. Именно, древесные породы представлены тут следующими видами: *тополь* (*Populus suaveolens*), *береза* (*Gesula alba* var. *tianschanica*), *ясень* (*Praxinus potamophila*), *клен* (*Acer Semenovi*), *джигда* (*Elacognus hortensis*), разные виды *ивы* (*Salix*), *облетиха* (*Hippophae rhamnoides*), достигающая здесь размеров порядочных деревьев, *джингыл* (*Tamoxis* sp.), с мелкими соцветиями, тоже принимающий тут форму и размеры дерева. Но в отличие от ущелья Туракаина, здесь совсем нет *рябины*. Из кустарников растут несколько видов *жимоласти* (*Lonicera* sp. sp.), *барбарис* (*Berberis heteropoda*), *жидовник* (*Myricaria daurica*), разные *шиповники* (*Rosa* sp. sp.), но совсем нет *смородины*—ни *черной*, ни *кислицы*.

Таков состав леса около нашего лагеря (1.700 м. н. у. м.), но уже немного выше он начинает заметно меняться: исчезает *джигда*, которая растет лишь на весьма ограниченном протяжении, считая в вертикальном направлении, но зато появляются новые виды кустарников, в том числе на высоте 1.900 м. н. у. м. попадает первая *аса-муса* (*Abelia-Linnaea corymbosa*), а немного выше и *можжевельник* (*Juniperus sabina*, а затем и *J. excelsa*), но приблизительно здесь же кончается *джингыл* (*Tamarix* sp.). Напротив, *жидовник* идет вдоль русла речки еще далеко в верх. *Боярышник* (*Spiraea* sp. sp.) растет в Чамандах в значительно меньшем количестве, чем в ущелье Туракаин и далеко не достигает таких крупных размеров, как там. Чем выше, тем состав леса меняется все больше и больше, причем он, главным образом, беднеет видами, так как вместо исчезающих по мере поднятия вновь появляются лишь очень немногие. Так, на высоте около 2.300 м. н. у. м. появились первые единичные экземпляры *рябины* (*Sorbus tianschanica*) и группа таких же авангардных одиночных *елей* (*Picea schrenkiana*); последние, затем исчезают с тем, чтобы вновь появиться уже в большем количестве, т.-е. сразу в виде елового леса, на высоте около 2.450 м. н. у. м. Но затем на высоте 1.900 м. н. у. м. исчез *ясень*, а до высоты 2.350 м. н. у. м. дошли только *береза*, *ива* и отдельные экземпляры *тополя*; последний единичными экземплярами идет, впрочем, еще значительно выше—до 2.600 м. н. у. м.

Кустарный подлесок и на этой высоте (2.350 м. н. у. м.) еще очень хорош и густ, хотя *жимоласти* уже значительно менее и преобладающую роль играет *барбарис*, по крайней мере, двух, а может быть и трех видов. Все чаще и чаще попадает ползучая *арча* (*Juniperus sabina*), *древовидный* же *можжевельник* (*J. excelsa*), начинающийся уже по соседству с нашим лагерем, но тут еще редкий, в изобилии, прекрасными огромными деревьями начинает попадаться с высоты около 1.900 м. н. у. м. с тем, чтобы затем исчезнуть в месте расширения ущелья в широкую долину около 2.000 м. н. у. м. и вновь появиться уже в виде настоящего леса одновременно с елью и попеременно с нею, на высоте около 2.450 м. н. у. м.

На месте нашей первой остановки в ущелье р. Чаманды мы провели кроме 21 числа еще два следующих дня, 22 и 23 июля, и только 24 двинулись дальше вверх по тому же ущелью.

Время дневки было посвящено возможно тщательному ознакомлению с природными условиями этой интересной местности, для чего были сделаны экскурсии вверх по Чамандам и в долину соседнего с Чамандами притока Кукумерена—речки Табалдыкты.

Река Чаманды течет, вообще, в довольно узком, а в нижней части даже очень узком ущелье (см. рис. 8), с довольно значительным уклоном с юга на север, так что всюду имеет характер настоящей горной речки—шумной, с быстрым течением и каменистым ложем. В районе нашего лагеря левый склон долины представляет высокую, почти отвесную стену из конгломератов, подходящую к са-

мому руслу: на нашей стороне те же конгломератовые скалы несколько отступают от реки, оставляя некоторую полосу более или менее ровного пространства, на котором вдоль реки и тянется полоса описанного выше леса. Между лесом и скалами здесь есть еще полоска степного характера с травянистой растительностью и редкими кустиками. Самый склон долины здесь далеко не так крут, как на левом берегу, а у его подножия во многих местах лежат глыбы конгломерата, оторвавшиеся от массива и иногда откатившиеся довольно далеко по направлению к реке.

Дорога (верховая тропа) здесь большею частью идет правым берегом, но выше нашего лагеря ущелье местами настолько суживается, что горы и справа и слева подходят отвесными обрывами вплотную к реке и иногда дорожка переходит на левый берег, пробираясь по более пологому уже на этой стороне склону над непроходимым ущельем, дно которого всюду, где оказывается достаточно места, т.-е. во всех малейших расширениях, покрыто лесом.

Так, то суживаясь, то опять слегка расширяясь и давая место дороге, ущелье идет до высоты приблизительно 2.000 м.н. у. м., где оно сразу резко расширяется, превращаясь в довольно широкую, ровную долину с весьма небольшим уклоном к реке и даже сравнительно незначительным падением вдоль оси долины.

Дно этой долины в значительной части занято киргизскими поливными пашнями, частью старыми, частью нынешними, занятыми посевами проса. Лес в этом месте сильно редет и принимает вид более редко разбросанных деревьев, при чем ютится, конечно, только вдоль русла реки.

Растительность этой долины носит довольно пустынный характер, будучи представлена, главным образом, *полынью* (*Artemisia maritima*) и редко разбросанными кустиками преимущественно *Atraphaxis* sp.

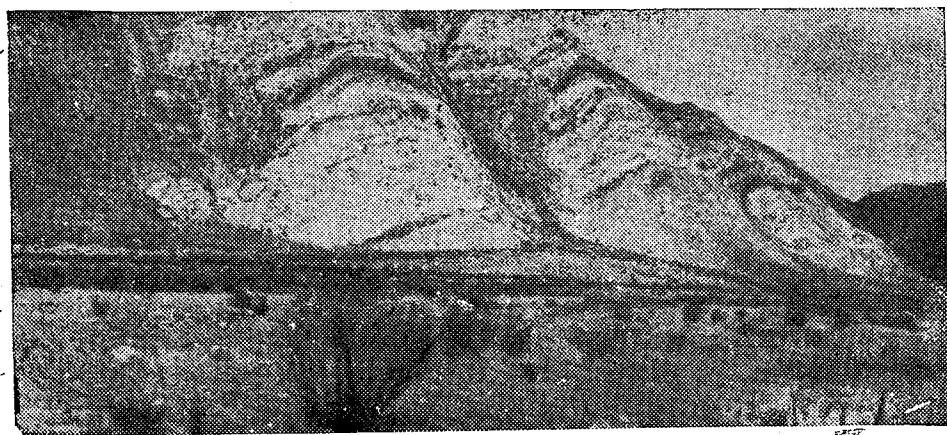

Рис. 9. Долина р. Чаманды. Яшновая гора.

Зато крайне эффектную картину представляют горы, окаймляющие долину справа. Они образованы здесь уже не конгломератами, с которыми исключительно мы имели дело в Чамандах до сих пор, а яшмою, расположенною пластами самой различной, бесконечно разнообразной окраски—от белой до почти черной через красные, желтые и синеватые тона.

Эти яркие, цветные более или менее горизонтальные или слегка волнистые полосы в итоге дают очень красивую картину, невольно останавливающую на себе внимание путника и неизбежно заставляющую его свернуть в сторону с целью посмотреть, из чего сложены эти интересные, странные, ярко-пестрые горы (рис. 9).

За этой долиной ущелье опять суживается, но наш, правый, склон его еще надолго остается очень пологим, в то время, как слева склоны опять отвесною

стеною подходят к самой реке. Наш же пологий склон обрывается более или менее резким, но не высоким уступом у полосы древесных зарослей, тянувшихся вдоль русла реки, так что последняя со своим каменным ложем и прилегающим лесом как бы врезана в дно долины. Но чем выше, тем, конечно, вся долина становится все уже и уже, мало-по-малу уже окончательно переходя в настоящее ущелье, с тропинкою, пробирающейся по его дну, а иногда и с трудом лепящейся по почти отвесной стене.

Впрочем, подробнее эта верхняя часть Чамандинского ущелья будет описана ниже, при описании нашего дальнейшего пути, а теперь вернемся к нижней его части, с которою мы познакомились за время нашей дневки здесь.

Именно, остановимся на ее фауне; о которой мы еще почти не упоминали.

Птичьих гнезд в лесу и на скалах у реки попадаетея много, но, конечно, уже почти сплошь пустых и только в одном из них—гнезде *горлянки* (*Turtur auritus* Gvaу), оказались еще яйца. Самих же птиц по соседству с нашим лагерем видно сравнительно мало и у меня здесь отмечены только: *синие каменные дрозды* (*Monticola cyana* L.), у которых молодые уже летают и сильно линяют, *каменные воробьи* (*Petronia petronia* L.), с молодыми тоже в переходном оперении, *черные дрозды* (*Merula maxima* Seeb.), *иволага* (*Oriolus* sp.), *темногрудая оляпка* (*Cinelus tenuirostris koreiwi* zarad.), *стервятник* (*N. corphoon porenopterus* L.), *коршун* (*Milvus melanotis* Temm.), *вяжирь* (*Palumbus casiotis* Bonap.), *пестрый каменный дрозд* (*Monticola saxatilis* L.), *кукушка* (*Cuculuj canorus* L.), *сплюшка* (*Scops* sp.), *удод* (*Upupa epops* L.), *каменка* (*Saxicola oenanthe* L.), *дербяб* (*Turdus viscivorus bonapartei* Cab.), *сорокопут* (*Lanius phoeniceuroides* Sewertzow), *камышевка* (*Acrocephalus dumetorum* Beyth.). Из числа найденных гнезд несколько штук принадлежали *синей птице* (*Myiophoneus temmincki* Vig.), но все они были помещены так, что их можно было только видеть, но не достать, так как устроены они были на отвесных скалах над самою водою и добраться к ним можно было бы только верхом на лошади по руслу реки, да и то не везде. Основным материалом для них служит зеленый мох (впоследствии были найдены более доступные гнезда), при чем некоторые из них несомненно служат несколько лет подряд, ежегодно ремонтируемые и надстраиваемые, так что в конце концов получается огромная, совершенно непропорциональная росту птицы, постройка, особенно разросшаяся в вертикальном направлении, в виде тумбы, с лотком на верху. Одно из гнезд имело форму полушария с боковым отверстием, но возможно, что купол был надстроен не самою синею птицею, а оляпкою, использовавшею для своих надобностей старое гнездо *M. temmincki* Vig.

Выше по ущелью орнитофауна постепенно становилась несколько более разнообразною и до нижней границы елового леса, т.-е. до высоты приблизительно 2.450 м. н. у. м., у меня, кроме упомянутых выше, отмечены еще следующие виды: *орел карлик* (*Aquila pennata* Gm.—один экземпляр), *индийская пеночка* (*Phylloscopus indicus* Jerd.—выше 2.200 м. н. у. м.), *какая-то другая пеночка* (*Ph. sp.*), *горная ласточка* (*Cotyle rupestris* Scop.), *городская ласточка* (*Chelidon urbana* L.), *овсянки горная* и *Стюарта* (*Emberiza cia* par Hart. и *E. stewarti* Blyth.), а так же *желчная* (*E. luteola* Sparrm.), последняя, как и *полевой конек* (*Anthus campestris* L.), только в упомянутом выше расширении ущелья в ровную долину с пашнями: далее, *дикие голуби* (*Columba livia* Briss.), *горлянка* (*Turtur ferraga* Evsm.), *дятлы* (*Picus leptorhynchus*), *щеглы* (*Carduelis caniceps* Vig.), *горные трясогузки* (*Budytes melanope* Pall.), *сороки* (*Pica pica* L.), *поползны* (*Sitta bephronota* Scharpe), *ферганская лазоревка* (*Cyanistes flavipectus* Sewertzow) и, наконец, сама *синяя птица* (*Myiophoneus temmincki* Vig.), первый экземпляр которой был встречен только на высоте 2.200 м. н. у. м., тогда как гнезда ее встречались и значительно ниже. В желудке добытого экземпляра оказались ягоды облепихи и боярышника, несколько жуков-щелкунов и ракушки. В совершенно необычной обстановке, а именно, в лесу, встречены, кроме того, *кеклики* (*Cassabis chukar* Gray), у которых уже совсем

большие юв. Наконец, необычайно много здесь оказалось *каменных воробьев* (*Petronia petronia* L.), которые семьями или целыми стайками прилетают из гор в лес кормиться ягодами.

Из млекопитающих удалось добыть только *сонь* (*Duromys angelus* Thomas), гнезда которых встречаются здесь в изобилии—преимущественно на кустах барбариса—и из числа которых один экземпляр оказался с уродливым хвостом, в виде короткой, но очень широкой, особенно к концу, плоской кисточки. Кроме *сонь*, в расширенной части долины, у подножья разноцветных гор, добыты горные *суслики* (*Citellus relictus* Kaschk.), жившие здесь небольшою колонию.

Из пресмыкающихся, помимо упомянутых выше *серых гекконов* (*Gymnodactylus russowi* Str.), державшихся на конгломератовых скалах и глыбах, встречен и добыт только один *щитомордник* (*Ancistradon halys* Pall.). Но мир насекомых, зато, оказался здесь очень богатым и разнообразным, и потому весьма досадно, что мы не имели возможности заняться энтомологическими сборами. Из остальных беспозвоночных, неожиданно для такой высоты над уровнем моря, в большом количестве найдены здесь *фаланги* (*Galeodes caspicus*), *сморчки* (*Buthus eupeus thersites*) и *ветреницы*. Все они по вечерам осаждали наши палатки, заставляя нас охотиться на них, а на утро еще несколько штук неизменно оказывались на земле под разостланною в палатках кошмою.

Впрочем, присутствие всей этой публики, а из насекомых таких, как *богомолы* (*Mantis* sp.) и *палочники*, нам уже не показалось особенно странным, когда мы увидели, какая здесь, несмотря на высоту места, температура. Именно, в первый день нашего пребывания на Чамандах, 21 июля, в 9 час. вечера термометр показывал 30,5° С, а к следующему дню хотя и стало прохладно, но лишь немного: утром было 26°, а в 9 час. вечера 26,5°.

Вода в Чамандах хотя и не соленая на вкус, но очень жесткая и неприятная. Нет в ней, повидимому, и избытка извести, так как при кипячении она не мутнеет, но какие-то соли, несомненно, содержатся в изобилии. И местные киргизы определенно называют ее «аши» (соленая) и говорят, что зимою не только они сами пользуются здесь снеговою водою, а не речною, но и лошади избегают пить из реки, предпочитая обходиться снегом.

23 июля мы сделали экскурсию в долину Кукумерена и соседней с Чамандами реченки Табалдыкты. Кукумерен, представляющий из себя большую, бурную реку, шум которой слышен на расстоянии нескольких верст, течет здесь в широкой долине, большую часть которой, впрочем, занимает сама река своими руслами и галечниковым ложем. Вдоль берегов, местами довольно широкою полосой, растет крупный, но редкий тополевый лес, большею частью с камышевыми и ивовыми зарослями в качестве подлеска. Здесь в изобилии держится какой-то ремез (*Remiza* sp.), определить вид которого, к сожалению, оказалось невозможным, так как ни одного взрослого экземпляра добыть не удалось. Тут же держится довольно много *дятлов* (*Picus leptorhynchus* Sewertzow). Кроме тополевого леса в долине Кукумерена, преимущественно по левому (нашему) берегу, попадаются и ровные, мало каменистые участки, годные для обработки и частью, действительно, распахиваемые киргизами (поливное просо; высота около 1.600 м. н. у. м.).

Тропинка наша местами идет по самому краю высокого обрыва к долине Кукумерена, на которую открывается очень красивый вид, и которая видна на далекое расстояние, как на ладони.

Долина реки Табалдыкты очень узкая, голая и каменистая, и лишь вдоль самого берега речки, да и то не везде, ютится немного леса, в глубокой, узкой щели, над которою вьется по склону гор наша тропинка. При этом в данный момент большая часть леса залита водою, так что мы не сразу могли найти место для остановки.

По видовому составу лес здесь очень беден, будучи образован главным образом *тополем* (*Populus*) и *березою* с небольшою примесью *клена* (*Acer Semenovii*), *боярышника* (*Crataegus* sp. sp.), *облетизи* (*Hippophaë rhamnoides*) и *шиповника*.

(*Rosa* sp. sp.) в качестве подлеска. Вообще, ущелье оказалось очень неинтересным и непривлекательным, так как и животный мир, в pendant растительному, был так же беден, так что мы поспешили вернуться в свои гостеприимные, живописные и приветливые Чаманды.

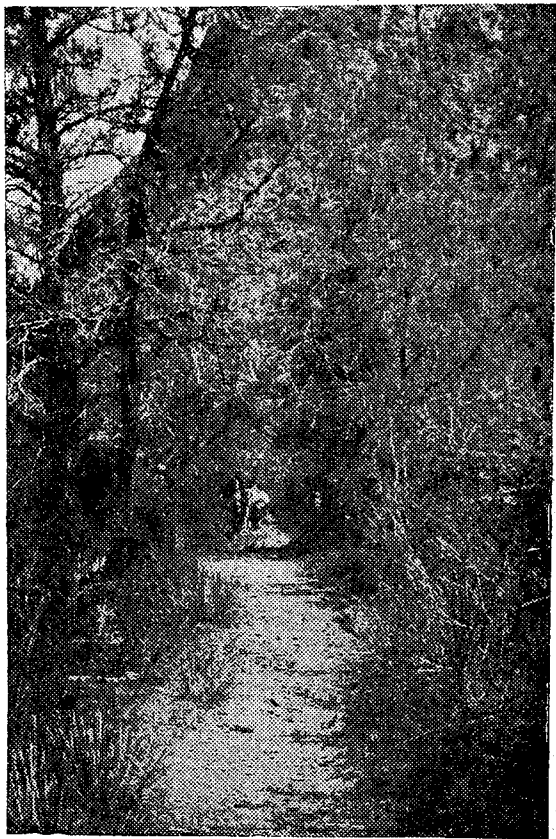

Рис. 10. Арчевый (*Juniperus eiscelsa*) лес в ущелье р. Чаманды.

На следующий день, 24 июля, мы двинулись в дальнейший путь, выехав в 10 ч. 40 мин., и в 2 часа 30 мин. остановились на ночлег на высоте приблизительно 2,400 м., как раз у нижней границы елового леса (отдельные, авангардные ели, как уже было отмечено раньше, спускаются и ниже).

Здесь же опять, после некоторого перерыва, начинается *древовидный можжевельник* (*Juniperus excelsa*), достигающий величины средних размеров елей и местами тут даже преобладающий над последней, образуя настоящий можжевелевый лес (см. рис. 10). Ель тут растет на обоих склонах ущелья, хотя на левом берегу, благодаря исключительной крутизне и каменистости склона, сплошного леса не образует, а ютится отдельными, более или менее разбросанными экземплярами.

Место стоянки было заранее выбрано для нас выехавшими к нам навстречу местными киргизами и выб-

рано, следует отдать справедливость, необыкновенно удачно, с замечательным вкусом и умением: палатки наши разбиты в узком месте живописного ущелья, высоко над водою, на самом берегу очень быстро в этом месте бегущей речки и на опушке прекрасного густого елово-арчевого леса. Лес, вода, скалы, зеленый ковер превосходной травянистой растительности образуют вместе обстановку, лучше которой в смысле разнообразия, красоты и удобства трудно было бы найти.

Характер соседнего леса виден на рисунках, здесь же можно добавить, что в прекрасном, густом подлеске, пожалуй, преобладающую роль играет тут *аса-муса* (*Abelia corymbosa*). Палки, приготовленные из этого кустарника, благодаря особенностям строения его ствола, получают необыкновенно красивые и изящные. Но для этого кору с аса-мусы необходимо снимать лишь после того, как дерево совершенно высохнет—иначе палка вся совершенно растрескается вдоль, по тем глубоким естественным бороздкам, которые составляют характерную особенность этого кустарника и которые, именно, и придают особую оригинальность изделиям из него. Эти красивые, необычайно правильные и своеобразно расположенные бороздки, которые, пожалуй, скорее следует назвать даже желоб-

ками, а также некоторые другие особенности аса-мусы настолько обращают на себя внимание, что послужили населению основанием для приурочения именно к этому кустарнику двух известных библейских легенд и для присвоения аса-мусе ее имени («посох Моисея»¹).

Соответственно богатству окружающей природной обстановки, богатой и довольно разнообразной оказалась здесь и фауна. Именно, тут уже довольно много синих птиц (*Myiophoneus temmincki* Vig—«майна») и ферганской лазоревки (*Cyanistes flavipectus* Sewertzow). Первые как раз в данный момент находятся в периоде усиленной линьки, так что всюду в изобилии валяются их выпавшие перья. Кроме того, много пеночек (*Phylloscopus* sp.), есть славки (*Sylvia* sp. sp.), горлижки (*Gurtur auritus* Grae), обыкновенные голуби (*Columba livia* Briss), вальдери (*Palumbus canotis* Bonap.), горные трясогузки (*Budytes melanocephala* Pall.), темногрудые оляпки (*Cinclus tenuirostris* Korellwi Zanw.), черные дрозды (*Merula mauba* Seeb.),

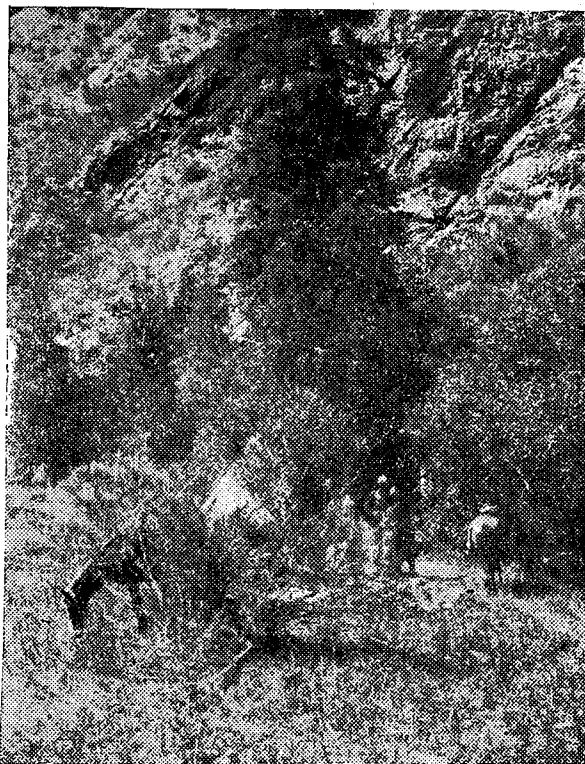

Рис. 11. Чаманды. Лагерь у начала елового леса.

коршуньи (*Milvus melanotis* Temm), клушицы (*Pyrrhocorax oraculus* L.), овсянки (*Emberiza cia* par Hart. и *E. stewarti* Blyth.), горихвостки (*Ruticilla* sp.), ореховки (*Nucifraga caryocatactes rothschildi* Hart.) и, наконец, недалеко от лагеря встречен выводок серых мухоловок (*Muscicapa grisola* L.). Последний факт представляет особый интерес, так как до того никакие мухоловки на гнездовые мне нигде в Семиречье не встречались, тогда как в коренном Туркестане серая мухоловка, да и малая, вполне обыкновенны. Таким образом, долина Чамандов, т.-е. правильное—Кабакские горы, где мы встречаем целый ряд ферганских видов животных (и растений) и по отношению к мухоловке является исключением для Семиречья.

Сегодня к вечеру погода начала меняться, и, в конце концов, пошел небольшой дождь, то прекращавшийся, то снова начинавший идти. Кроме того, высота н. у. м. здесь тоже уже дает себя чувствовать, так как в 9 час. вечера было всего лишь 10° С, что, конечно, особенно чувствительно после вчерашних 26,5°.

Утром 25го еще в 9 час. утра была тоже всего лишь 12° С, но небо совершенно прояснилось, так что можно было надеяться на теплый день.

Выехали мы сегодня очень поздно—только в 11 ч. 50 м., а в 3 часа 20 м. уже остановились на ночлег в юрте, выставленной для нас нашими вчерашними

¹ О связи аса-мусы с библейскими легендами подробнее упоминается в моей книжке «Краткий очерк лесов Семиречья», почему я здесь на этом вопросе и не останавливаюсь.

спутниками-киргизами, пригласившими нас к себе в гости. Этим и объясняется такой небольшой переход, хотя за эти 3½ часа мы все же успели перевалить через высокий Чамандинский перевал, разделяющий верховья двух одноименных речек—Северных и Южных Чамандов.

К сожалению, на этом переходе, повидимому, испортился мой прекрасный anerоид Naudet, так что показываемые им высоты сделались подозрительно большими. Правда, замечание это касается только более значительных высот—свыше 2½ тысяч метров, но, во всяком случае, такая порча барометра позволяет мне в дальнейшем приводить лишь приблизительные высотные данные, основанные на постоянном сопоставлении показаний моего барометра с имеющимися в литературе цифрами высот для тех или иных помещенных нами пунктов.

Уже вскоре выше нашего лагеря Чамандинское ущелье заметно суживается, а затем становится и совсем узким, не давая в дальнейшем никаких расширений. Тропинка идет по его дну вдоль берега, а с обеих сторон почти вплотную к реке подходят крутые склоны ущелья, одетые то лесом, то отдельно стоящими деревьями, то лишь кустарником. Характер Чамандинского ущелья в этой его части прекрасно передан прилагаемыми снимками (рис. 12). На одном из них видно, как

Рис. 12. Ущелье р. Чаманды выше нашего последнего лагеря.

местами ущелье становится настолько узким, превращаясь действительно в «щель», что на дне его не остается места даже для тропинки и последняя вынуждена перейти на склон. А так как склон этот настолько крут, что и на нем места не оказывается, то мы пробираемся по искусственному карнизу, несколько напоминающему знаменитые бухарские «оврынгы», впрочем, в сильно, так сказать, смягченном виде. (рис. 13).

По мере нашего движения вперед характер растительности непрерывно меняется: сперва исчезает аса-муса, которая в вертикальном направлении занимает пояс всего лишь метров в 400; потом постепенно пропадают один за другим другие виды деревьев и кустарников, так что остается только *ель*, *древовидный можжевельник*, *жиомолость*, *таволожка*, *кислица* (*Ribes atropurpureum*) и *шиповник*. Еще выше в изобилии появляется *ползучая арча* (*Juniperus sabina*), идущая

до вершины перевала и даже выше—кругом по горам; почти до вершины перевала доходят также *рябина*, *жимолюсть* и *кислица*, растущие, таким образом, еще выше верхней границы ели.

Однако, травянистая растительность продолжает сохранять свой степной или предгорный характер почти до самой вершины перевала, так что еще на высоте, превышающей 3.000 м., мною отмечен, например, такой состав флоры: *глухая крапива* (*Lamium album*), *железняк* (*Phlomis oreophila*), *герань* (*Geranium collinum*), *подмаренники* (*Galium verum* и *Galium sp.*), *незабудка* (*Myosotis sp.*).

По мере нашего движения вперед подъем становится все круче и круче, так что речка местами превращается как бы в ряд водопадиков, а в одном месте ложе ее внезапно и совсем обрывается, так что вода, пролетев по инерции некоторое расстояние вперед, стремится вниз уже в форме настоящего водопада. Как раз в этом месте в Чаманды впадает один из ее боковых притоков, который перед тем на большом протяжении скользит по совершенно отвесной каменной стене. Немного выше водопада дорога проходит по ровной гладкой горизонтальной каменной площадке, расположенной между подходящими с обеих сторон здесь вплотную к ней высокими отвесными каменными стенами, так что получается нечто в роде грандиозных ворот.

Вообще вся дорога ущельем Чаманды необыкновенно красива, эффектна и интересна, так что я считаю, что ни до тех пор ни после я не встречал в Семиречье местности, которая по своей живописности и разнообразию постоянно меняющихся картин могла бы быть даже приблизительно сравниваема с путем через Чамандинский перевал.

Даже очаровательная Коринская долина в окрестностях Копала, дорога через перевал Исаты или перевал Тургено-Аксу, на мой взгляд, должны уступить пальму первенства Чамандам. Конечно, есть прелестные уголки и там, и в очень многих других местах Семиречья, но нигде вы не найдете их в таком количестве и разнообразии, как по дороге через перевал Чаманды, которая, в сущности, вся

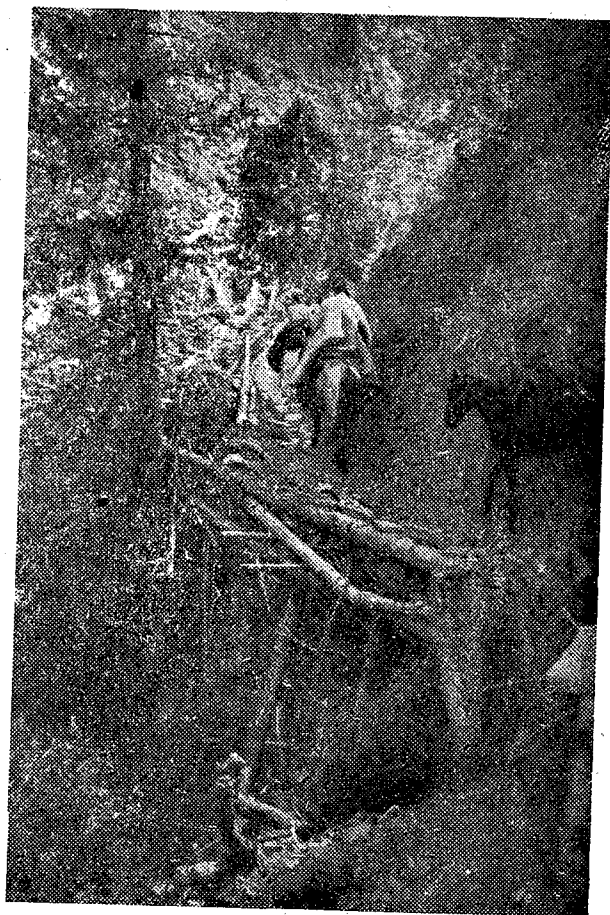

Рис. 13. Ущелье р. Чаманды. Карниз.

сплошь, на протяжении десятков верст, представляет собою именно такой, исключительно красивый уголок.

Выше водопада в Чаманды впадает ручей, проходящий через какую-то, повидимому, песчаниковую породу, которая, по словам киргизов, и портит воду в Чамандах, насыщая ее солями.

Вершины перевала мы достигли в 2 часа 40 мин., при чем t° воздуха была всего лишь $5,5^{\circ}$ С. Здесь нас застиг снег, который шел довольно долго, а затем, несколько ниже, мы некоторое время мокли еще под холодным дождем, пока, наконец, в 3 ч. 20 мин. не добрались до ожидавшей нас юрты. Последняя оказалась весьма кстати как из-за дождя, так, главным образом, из-за холода, от которого юрта защищает, конечно, лучше палатки.

Дорога через Чамандинский перевал должна все-таки считаться довольно трудною как благодаря значительной высоте самого перевала, так и благодаря каменистости и очень крутым местам, попадающимся на обоих склонах.

Растительность вокруг нашей вечерней стоянки (рис. 14) высокая и густая, образованная еще целиком из видов, свойственных горным черноземам. Но лишь немного ниже мною отмечена уже несколько более сухолюбивая флора из следую-

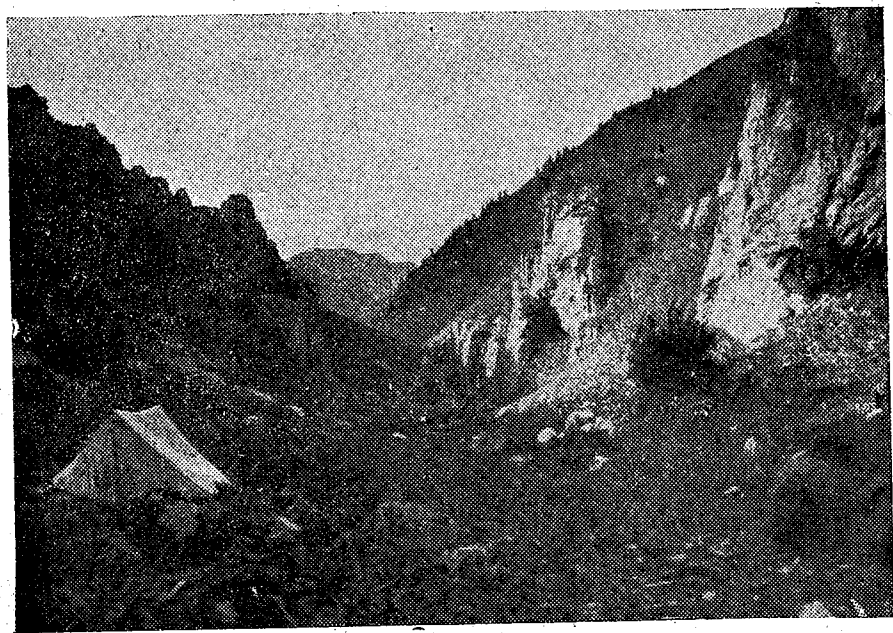

Рис. 14. Место нашего лагеря в ущелье р. Чаманды.

щих видов: козлобородник (*Tagopogon* sp.), тысячелистник (*Achillea millefolium*), герань (*Geranium collinum*), подмаренники (*Galium verum* и *P. Aporine?*), латчатка (*Potentilla* sp.), василистник (*Thalictrum simplex*), тизма (*Tanacetum vulgare*), колокольчики (*Campanula* sp.), чебрец (*Thymus serpyllum*), овсяница (*Festuca* sp.), иван-чай (*Epilobium* sp.), смолевка (*Silene inflata?*), эремур (Eremurus sp.), полынь (*Artemisia Absinthium*), щавель (*Rumex acetosa*), василек (*Centaurea ochroleuca*), мытник (*Pedicularis* sp.), лук (*Allium* sp.). Все эти и некоторые другие виды образуют здесь густой и пышный ковер, к счастью еще не стравленный скотом.

Переходя к животному миру, отмечу следующие виды: около места утреннего лагеря в арчево-еловом лесу добыта из выводка серая мухоловка (*Muscicapa grisola* L.); в еловом лесу—2 королевских вьюрка (*Serinus pusillus* Pall.), чеккан-

чик (*Pratincola maura* Pall.), синяя птица (*Myiophoneus temmincki* Vig.), три лазоревки (*Cyanistes flavis pectus* Sewertzow); выше границы леса—горный выюрок (*Fringillauda altaica* Pall.), горихвостка (*Ruticilla* sp.); около вечерней стоянки—синяя птица и оляпка (*Linclus leucogaster* Bonap.). Кроме добытых птиц в идели еще щеглов (*Carduelis caniceps* Uig.), горных трясогузок (*Budytes meniceps* slanore Pall.), пару воронов (*Corvus corax* L.), орешковку (*Nucifraga caryocatactes rothschildi* Hart.), пеночек 2—3 видов (*Phylloscopus* sp. sp.), ворон (*Corvus orientalis* Ersm), сорок (*Pica pica* L.), голубей (*Columba livia* Brits), городских и горных ласточек (*Chelidon urbica* L. и *Cotyle rupestris* scop.), каменных воробьев (*Petronia petronia* L.), горлинку (*Turtur auritus*?), скалистых голубей (*Columba rupestris* Pall.) и, наконец, бородача (*Gypaetos barbarus* L.). В ущелье южных Чамандов, в противоположность северным, где были только обыкновенные голуби (*C. livia* Briss), держатся исключительно скалистые (*C. rupestris* Pall.).

Утром 26 июля мы встали (в 7 час. утра) при весьма мало похожей на летнюю температуре, всего лишь в 3,5° С.

Выехав в 10 час. 20 мин., остановились на ночлег на правом берегу Нарына, немного выше расположенного на противоположном берегу селения Атайки, ровно в 6 часов, при чем ехали все время довольно быстро, так что за день сделали, вероятно, не менее 40 верст. Дорога первое время, по ущелью Ю. Чамандов, опять великолепна по красоте, но древесная растительность не достигает здесь такого

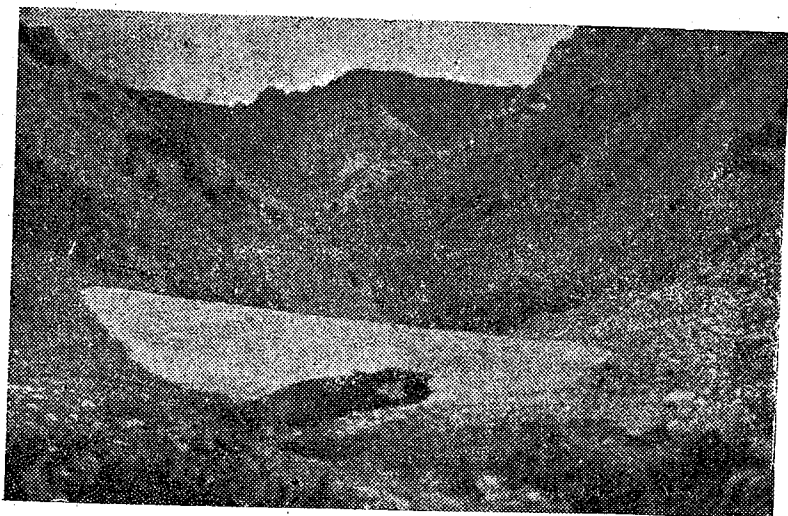

Рис. 15. Р. Ю. Чаманды. Снежный мост.

развития и не занимает такого широкого пояса, как на С. Чамандах. Здесь, между прочим, нам пришлось в одном месте переезжать через речку по снежному мосту (рис. 15).

На высоте около 2.700 м. кончилась ель и почти одновременно с нею—все лиственные породы. Метров на 100 ниже появилась своеобразная акация, *тюрек* (*Saragana jubata*), но в виде очень мелких кустиков, впрочем, густо покрывавших склоны гор. Однако, она шла всего лишь на протяжении около 50 м. по вертикали, после чего мы из ущелья выехали в ложбину, покрытую почти исключительно прекрасною, густою полынью (*Artemisia maritima*). Еще немного дальше эта ложбина перешла в чистейшую ковыльную, а затем ковыльно-типчаковую степь, частью абсолютно ровную, частью более или менее холмистую.

Такою степью мы ехали очень долго и очень скучно, так как кроме ковыля (*Stipa* sp.), типца (*Festuca ovina*), одного-двух *чеслоков* (*Faleo subbuteo* L.) и столь-

ких же *полевых жаворонков* (*Alauola arvensis* L.) мы ничего не видали. Дальше дорога поднималась на довольно высокие холмы, опять опускалась, проходила небольшою каменною щелью и, наконец, уже недалеко от Нарына мы попали в цветущую долину р. Аскалы, сплошь занятую находящимися в великолепном состоянии посевами *могучеры*, *пшеницы* и *кукурузы*. Принадлежат эти посевы, как и разбросанные в беспорядке многочисленные киргизские зимовки, перешедшим в оседлое состояние и наделенным, на одних основаниях с переселенцами, землею местным киргизам-джатакам (беднякам), сделавшимся теперь настоящими крестьянами-земледелцами.

В долине этой речки встречена одиноко стоящая группа прекрасных старых *ясеней* (*Fraxinus rotamophila*) и другая такая же группа была встречена несколько раньше.

Что касается фауны, то о фауне степи уже упомянуто, на холмах же с полынною растительностью встречены несколько *ящурок разноцветных* (*Eremias arguta* Pall.) и 1 *пустынный аблесфар* (*Ablepharus deserti* Str.), да единственный экземпляр *луны* (*Circus* sp.), добытый с удобом (*Urupa erops* L.) в когтях.

В упомянутой выше каменистой щели встречены несколько *овсянок* (*Emberiza huttoni*), что же касается еще Чамандинского ущелья, то там птиц местами было очень много, хотя и не особенно разнообразных: масса *пеночек* (*Phylloscopus* sp.), *алтайские вьюрки* (*Fringillauda altaica* Evsm.), *варакушки* (*Cyanecula suecica* L.), *горные овсянки* (*Emberiza cia* par Hart.), *чечевицы* (*Carpodacus erythrinus roseatus* Hadgs.), *чекканчики* (*Pratincola maura* Pall.).

При приближении к Нарыну нас встретила группа киргизов, как оказалось — профессиональных перевозчиков, занимающихся переправой через Нарын всех проезжающих, так как без точного знания бродов, часто притом меняющихся место, здесь переправляться опасно.

Нормально тут существовала паромная переправа, но в данный момент паром почему-то не работал, и встретившие нас киргизы стояли здесь с юртой по распоряжению администрации, заменяя паромщиков. От них мы узнали, что мы опоздали со своим приездом, так как вода уже настолько прибыла, что сегодня переправляться нельзя и придется отложить переправу на утро. Нам оставалось только примириться с фактом и расположиться лагерем на правом берегу Нарына, вместо левого, как я рассчитывал.

Место нашего лагеря находится на высоте приблизительно 1.400 м. н. у. м., на территории хорошо известного в Семиречье обширного урочища Тогуз-Торау. Название Тогуз-Торау в горной части Семиречья имеет почти нарицательное значение, так как обычно приурочивается к таким местам, где какая-нибудь большая река, благодаря расширению ее долины и уменьшению уклона, разбивается на несколько сравнительно медленно текущих рукавов, значительно облегчающих переправу. Таких урочищ Тогуз-Торау в Семиречье есть несколько, но остальные известны только в пределах своих или ближайших соседних волостей, нарынское же Тогуз-Торау прославилось на всю область частью благодаря особенно значительным размерам одной реки, главным же образом благодаря превосходным природным условиям местности, допускающим устройство оседлого населения и самые разнообразные сельско-хозяйственные культуры.

Поэтому о нем упоминали разные путешественники, в последнее же время особенное внимание уделило ему Переселенческое Управление, устроившее здесь ряд участков и даже поставившее опыты с культурой хлопка, которые, впрочем, в конце концов, привели к отрицательным результатам.

Хотя под названием Тогуз-Торау должно подразумеваться собственно место с 9 рукавами («тогуз» — девять), но нам пришлось переправляться через целых пятнадцать и вся переправа заняла у нас 27-го ровно полтора часа. При этом некоторые из рукавов оказались все-таки настолько глубокими, что вода доходила до середины седла, что при достаточно быстром даже здесь течении Нарына делало

переправу настолько трудною, что наши лошади шли в таких местах не по одиночке, а переводились группами, окруженные верховыми же перевозчиками (рис. 16). При этом последние перед началом переправы специально занялись рекогносцировкою брода, который, как мы успели в этом убедиться на опыте, и был выбран ими исключительно удачно: во многих местах едва лошадь перевозчика уклонялась вправо или влево от настоящей дороги, как немедленно оказывалась плывущею.

Переправив нас, перевозчики занялись выючными лошадьми, при чем предварительно пришлось выюки поднять особенно высоко и защитить брезентами, кошмами и палатками. Благодаря этим мерам, а главное, благодаря превосходному знанию брода перевозчиками и их в высшей степени добросовестному отношению к своему делу, ни один выюк не был у нас подмочен.

Собственно под названием урочища Тогуз-Торау обычно подразумевается территория по левому берегу Нарына, так как именно здесь сравнительно ровная, удобная для земледелия степь занимает особенно большую площадь. В настоящее время тут расположены два значительных поселка—Титовка и Атайка, с которых, впрочем, новоселы тоже начинают уходить.

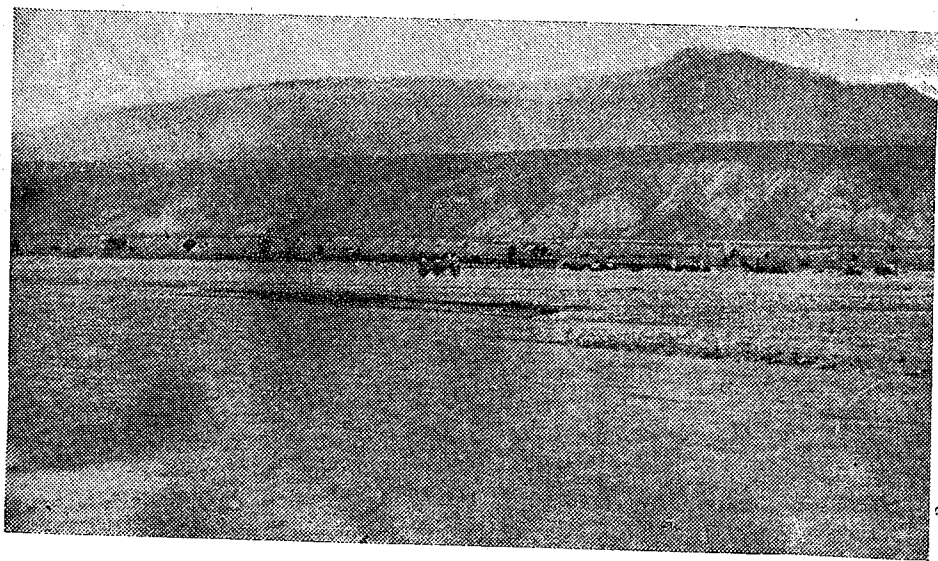

Рис. 16. Переправа через реку Нарын на Тогуз-Торау.

Однако, это отнюдь не свидетельствует о непригодности местности для заселения оседлыми жителями; а исключительно—о непригодности самих новоселов. В самом деле, мы лично имели случай познакомиться с хозяйством такого новосела, который поселился здесь действительно с целью заниматься хозяйством, а не бродяжничеством и охотою за ссудами. По его словам условия для хозяйства здесь идеальные, так что во многих местах он не снимает меньше 100 пудов с десятины, при чем прекрасно удается без полива все, включая пшеницу и бахчи. Первые два года приличный урожай дал даже хлопок, но затем он его бросил, так как для хлопка здесь все-таки не достаточно тепло.

Однако, пора вернуться к описанию нашего пути. Первое время по переезде через реку мы ехали более или менее перпендикулярно ее течению, по льняным плато, но затем скоро поднялись в следующий пояс—волнистую ковыльную степь, расположенную уже приблизительно на высоте 1.800 м. н. у. м. Здесь именно стоит и хутор вышеназванного новосела Стаценко.

Пока мы сидели в гостях у последнего, караван наш продолжал путь, так что мы его догнать не могли и нашли уже в лагере, разбитом у подножья Каргалыкского перевала, куда мы приехали ровно в 5 час. дня. При выборе места для лагеря прежде всего ищут воду, в горных местностях—в виде ручья или речки. Так сделали и наши люди, но оказалось, что на этот раз их выбор был весьма неудачен: по словам проезжавших местных киргизов, из ручья, у которого мы расположились, пить нельзя, так как вода его обладает сильнейшими слабительными свойствами. Так как перебираться с лагерем было бы слишком поздно, то пришлось таскать воду из ключика, расположенного в некотором расстоянии от лагеря. Туда же водили на водопой и лошадей.

Между прочим, по соседству с нашею стоянкою расположена пещера, в свое время служившая жильем тому же Рюкбейлю во время одной из его коллаторских экспедиций.

Дорога от хутора Стаценко к лагерю идет то более или менее ровными местами, то холмами, при чем основу растительности составляют *ковыль* (*Stipa* sp.), *тимофеевка* (*Festuca ovina*) и *полынь* (*Artemisia maritima*), к которым примешаны немногочисленные другие растения, в том числе невольно обращающее на себя внимание крупное, красивое, сложноцветное с ярко-синими, круглыми головками цветов.

Фауна сегодня весьма бедная: из птиц отмечены только *кеклики* (*Caccabis chukas* Gray), *луны* (*Circus* sp.), *полевые жаворонки* (*Alauda arvensis* L.), *удоды* (*Upupa epops* L.), *полевые коньки* (*Anthus campestris* L.), *чекканчики* (*Pratincola maura* Ball.), *щеглы* (*Carduelis caniceps* Vig), *горные овсянки* (*Emberiza cia* par

Рис. 17. Спуск с Каргалыкского перевала к Амбуге. Выветривание песчаниковых скал.

Hart), *олетка* (*Cinclus leucogaster* Bonap), *желчные овсянки* (*Emberiza luteola* Sparrm—на полях), *камышевка* (*Aerocephalus dumetorum* Blyth), да и тех всех было немного. Из пресмыкающихся попадались *ящурки глазчатые* (*Eremias multiocellata* Guthf.).

Днем было тепло, а временами даже жарковато, к вечеру же t° начала быстро падать и в 9 час. вечера (на высоте около 2.600 м.) было всего лишь 10°C . Кроме того, начался дождик, хотя и не сильный, но шедший с перерывами весь вечер.

28 июля в 8 час. утра t° $13,5^{\circ}\text{C}$. Выехали в 9 час. 30 мин. и сразу начали подниматься на Каргалыкский перевал, вершины которого достигли в 11 часов. К сожалению, показания барометра, как уже было упомянуто выше, стали не надежными, так что в дальнейшем высотные данные могут быть приводимы далеко не всегда, а преимущественно лишь для стоянок. Могу лишь отметить, что подъем местами был весьма крут, так что даже привычные местные горные лошади иногда останавливались отдохнуть.

На подъеме были не только кустарные заросли из можжевельника (*Juniperus Sabina*), жимолости (*Lonicera* sp.) и шиповника (*Rosa* sp.), но оказалось даже немного елового леса.

С вершины перевала открывается прекрасный вид в одну сторону (назад)—на врывающийся в теснину ферганского хребта Нарын, в другую—на необыкновенно эффектно и причудливо размытые глиняные и песчаниковые горы долины Алабуги. К сожалению, благодаря стоявшей в воздухе мгле, фотографические снимки вышли неудачные.

Сама же вершина Каргальского перевала представляет из себя плоское, безжизненное, сильно стравленное скотом плато.

Уже в самом начале спуска стали попадаться сильно выветрившиеся песчаниковые скалы (рис. 17), а еще дальше мы попадаем в область так же сильно размытых глиняных и песчаниковых гор, долинками между которыми мы и едем все время, то просто, то вдоль русел рек, сперва—Сарыбулака, а под конец—Макмала. Долина первой из них на большом протяжении представляет из себя совершенно ровную, пустынную, чисто солянковую степь. Долина же Макмала,

Рис. 18. Ущелье р. Макмал.

наоборот, имеет вид более или менее узкого ущелья с усыпанным темно-цветною галькою дном (рис. 18). По бокам высятся сперва глиняные, а затем постепенно все более и более уплотняющиеся до плотности камня пласты, очень темно окрашенные, иногда почти черные. Пласты эти во многих местах обрушились, завалив дно ущелья горами грандиозных обломков и глыб.

Эти мертвые нагромождения темных обрушившихся скал придают ущелью хотя местами и весьма живописный, но в общем крайне мрачный, адо-подобный вид. Этот мрачный, зловещий характер картины еще усиливается благодаря необычайному цвету воды впадающих в Макмал ручьев, а в конце концов и самого Макмала. Дело в том, что окружающие глиняные горы, при большом разнообразии оттенков окраски образующих их глин, в основной массе состоят все-таки из ярко-красной глины и теперь, после только что прошедшего сильного дождя с градом (захватившего нас на спуске с перевала), вода в сбегавших с гор ручьях и самом Макмале представляет из себя густую, ярко ржаво-красную

жидкость. Эта ярко-красная вода на фоне темно-цветной гальки ложа реки и дикого хаоса совершенно голых темных скал и груд обломков по берегам даст весьма оригинальную, какую-то зловещую и даже немного жуткую картину.

Ущельем Макмала мы добрались до долины Алабуги, но затем нам пришлось ехать еще очень долго, прежде чем удалось найти место для лагеря, т. е. — годную воду. Конечно, в самой Алабуге воды больше чем достаточно, но после дождя она превратилась в настоящую жидкую грязь, весьма мало привлекательную не только для нас, но совершенно негодную и для лошадей. Пришлось ехать вдоль реки в поисках воды, пока не нашли, наконец, каких-то двух луж, впрочем, с достаточно чистой водою, около которых мы и остановились лагерем.

Самая долина Алабуги в этой своей части (низовья) представляет весьма безотрадную и непривлекательную картину, лишенную всякой жизни, если не считать нескольких *глазчатых ящурок* (*Eremias multiocellata* Guthr.). Вся она сплошь, на каждом шагу, изрыта поперечными промоинами, делающими движение по ней весьма неприятным. Растительный же покров ее образован почти исключительно несколькими видами солянок.

Переходя к фауне, мы должны вернуться назад, к вчерашнему лагерю под Каргалыкским перевалом. Там в ловушки были пойманы *хомячек* (*Cricetulus migratorius*) и парочка *лесных мышей* (*Apodemus sylvaticus*). На подъеме в каменных осыпях встречен *сеноставец* (*Ochotona rutila* Sev? — «тийн-тшкан»), а из птиц — целый ряд: *кеклик* (*Caccabis chukar* Gray.), много *королевских вьюрков* (*Serinus pusillus* Pall.), обыкновенных *чечевиц* (*Carpodacus erythrinus roseatus* Hodgs), *пеночек* (*Phylloscopus* sp. и *Reguloides humii* Brook), *горихвосток*, *коныков* — ближе к вершине перевала; тут же добыты 2 *горных овсянки* (*Emberiza*) и *средняя чечевица* (*Carpodacus rhodochlamys* Brdt). В долине Сарыбулак масса *коныков*, много *каменных воробьев* и *горных жаворонков*. На Макмале стали попадаться *горихвостки-чернушки* (*Ruticilla rufifentris* Vieill.), а на Алабуге — много *стрижей* (*Cypselus apus* L.), есть *стервятники* (*Neophron perenopterus* L.) и *каменки* (*Saxicola oenanthe* L.).

В 9 час. вечера на Алабуге $t^{\circ} 13^{\circ}\text{C}$; высота — около 2.000 м. н. у. м.

В 7 час. утра 29 июля — те же 13°C . Сегодняшний день я решил посвятить поездке на знаменитый Чортов Мост (Шайтан-Купре) на Нарыне, который не следует смешивать с одноименным мостом на Атабашах, расположенным на тракте из Нарына на Кугартский перевал. Благодаря положению на большой дороге, Атабашинский Чортов Мост пользуется еще более широкою известностью, но несравненно менее интересен, чем Нарынский.

Поездку решено было сделать налегке, без вьюков, и взять с собой только одного Садырбека, при чем вернуться мы должны были в тот же день. Однако, этот план оказался несколько нарушенным, так как указания нашего превосходного джигита Джерембая на этот раз не оправдались: обернуться в один день оказалось невозможным, и мы должны были заночевать у Чортова Моста, а караван наш отдыхал на Алабуге не один, а два дня — 29 и 30 июля.

Несмотря на значительную высоту перевала, местами сильную крутизну подъема и спуска и все-таки довольно большое расстояние от Алабуги до Чортова Моста как последний, так и самый путь оказались настолько интересными, что я остановлюсь на описании этой поездки несколько подробнее, и могу рекомендовать каждому, кому случится посетить низовья Алабуги, последовать нашему примеру и заглянуть на Чортов Мост. При этом, для того, чтобы на поездку затратить действительно один день, лагерь следует расположить у устья р. Сютты-Булак. Кроме того, вьючного каравана не следует брать с собою, оставив его отдохнуть и подкрепиться на превосходных лугах по Алабуге.

29 в 9 час. 20 мин. утра мы выехали с места стоянки каравана и первые 2 часа 10 мин. ехали вниз долиною Алабуги до ущелья р. Сютты-Булак (Молочный Ручей), где взяли проводников из местных киргизов, стоящих с юртами у вершины перевала и возвращавшихся домой.

Отсюда дорога поворачивает под прямым углом налево (на с.-з.) и начинает подниматься по ущелью названной реки. Вскоре она входит в каньончик Сютты-Булака, которым и идет некоторое время, при чем сам каньон местами настолько суживается, что ехать приходится прямо по руслу реки, как на Мак-уенького карниза,—по таким карнизикам.

Такие участки дороги были местами необыкновенно живописны и своеобразны, почему-то напоминающая мне палестинские мотивы, как их представляешь себе по картинкам: ярко освещенные ослепительными лучами солнца красные глиняные обрывы, вдоль которых лепятся кое-какие полусухие кустики и отдельные деревца серой джигды, заменяющей палестинскую маслину: по стене обрывается тропинка и по ней пробираются верхом путники...

Кроме *джигды* здесь попадаются: *барбарис* (*Berberis Kaschgarica*), *облетаволга* (*Spiraea hypericifolia*), *шиповник* (*Rosa* sp), *жимолюсть* (*Lonicera* sp) и

За каньоном тропинка выходит на прилегающие к долине реки холмы, покрытые лишь мелкими кустиками той же *таволги*, *тюре-күйрюка* (*Caragana jubata*) и другой *акация* (*Caragana frutescens*). Первая, т.-е. *Caragana jubata*, появляется на высоте около 2.000 м. н. у. м., а к 2.700 метрам высоты опять исчезает.

Чем выше, тем флора становится богаче и разнообразнее, хотя, если не считать *древовидного можжевельника* (*Juniperus excelsa*), все-таки ограничивается лишь кустарными формами. Зато последних у меня отмечен целый ряд: два вида *можжевельника* (*I. excelsa* и *I. sabina*), *аса-муса* (*Abelia corymbosa*), *кызылча* (*Egedra* sp), *барбарис* (*Berberis heteropoda* и *B. kaschgarica*), несколько видов *жимолюсти* (есть экземпляры до 5 вершков в диаметре), *таволга* (*Spiraea hypericifolia*—в прекрасных экземплярах), *тюре-күйрюк* (*Caragana jubata*), *акация* (*C. frutescens*), *регай* (*Cotoneaster* sp), *шиповник* с белыми цветами и, наконец, еще какой-то совершенно неизвестный мне кустарник. При этом все названные кустарники достигают прекрасного развития, как об этом можно судить по размерам, приведенным для жимолюсти. Травянистая растительность тоже очень хороша и образована различными луговыми формами с примесью, с одной стороны, *полыни* (*Artemisia maritima*), а с другой—*ковыля* (*Stipa* sp), *типча* (*Festuca ovina*), *эдельвейса* (*Leontopodium alpinum*) и какой-то *Sanssurea*.

При этом следует отметить, что и кустарная и травянистая растительности занимают пологие ложки и более пологие склоны на теевой стороне ущелья. Солнечная же сторона представляет собой голые глины и песчаники, подстилаемые конгломератами и если кое-где и поросшие чем-нибудь, то разве лишь редкими кустиками колючего *тюре-табана* (*Acantholima alatavicum*).

Однако, растительность лугового характера развивается лишь на довольно значительной высоте (вероятно, около 2.700 м. н. у. м.), ниже же преобладающую роль в образовании травянистого покрова играют более сухолюбивые, степные виды сперва с примесью *полыни*, а затем—*ковыля* и *типча*.

Перевалив из ущелья Сютты-Булака через небольшой перевальчик в долину соседней речки Мын-Джилке («Тысяча Кобыл»), дорога поворачивает направо (к северу) и выходит на прелестную долину, одетую роскошной луговой растительностью и заключенную между двумя высокими хребтами с одним выходом—вверх на главный перевал.

По краям долины склоны поросли теми же кустарными зарослями, но здесь к кустарникам присоединяются еще деревца *рябины* (*Sorbus hanschanica*). На подъеме отсюда к перевалу в одном месте встречена даже небольшая группа *елей* (*Picea Schrenkiana*), около которой расположился киргизский аул. Последних здесь кругом вообще очень много и они поднимаются на значительную высоту (вероятно, не менее 3.600 м. н. у. м.).

Выше аулов и до перевала дорога идет по сильно стравленной скотом местности, покрытой горной черноземной растительностью и кустами ползучей арчи (*Juniperus sabina*). Странным кажется здесь полное отсутствие обычно столь обыкновенного в Семиречье в соответствующих условиях *иссыкульского ко-решка* (*Aconitum Napellum*). Арча идет до вершины перевала и даже выше, лепясь по склонам, возвышающимся справа и слева от последнего.

Вершины перевала мы достигли в 3 часа 10 мин. дня; t^0 воздуха— 18^0 С, что должно считаться для такой высоты, по меньшей мере, удовлетворительным.

Растительный покров весьма жалкий, образованный всего лишь несколькими видами. Именно, у меня отмечены только *тинец* (*Festuca ovina*), *здельвейс* (*Leontopodium alpinum*), какой-то мелкий *подорожник* (*Plantagos*), неизвестный мне злак с темноокрашенными колосками, несколько напоминающий *Koeleria cristata*, и, наконец, *эспарцет* (*Onobrychis* sp.).

С перевала открывается чудный вид в сторону Нарына и Кабакских гор, и, между прочим, видна группа прелестных маленьких озер—Бешь-Куль («Пять-Озер»), синеющих далеко внизу в ярко зеленых рамках камышей.

Растительность этого (северного) склона гор значительно отличается от той, которую мы видели при подъеме, и, прежде всего, здесь не только есть достаточно деревьев, но есть даже настоящий лес. Именно, на высоте, вероятно около 3.500 м. н. у. м. показываются первые ели, которые вкоре же превращаются в хороший лес, кончающийся на высоте около 2.500 м. н. у. м.

В общем лесная растительность здесь сильно напоминает ту, которую мы видели в Чамандинской щели, в некоторых местах будучи, повидимому, даже вполне тождественной с нею. Заметная разница имеет место только в нижней зоне, так как собственно лиственного леса здесь нет вовсе, а есть густые и высокие кустарники и лиственные заросли с некоторой примесью небольших деревьев: *березы* (*Betula alba* var. *tianchanica*), *клена* (*Acer Semenovii*), *рябины* (*Sorbus tianschanica*) и полукустарного *тополя* (*Populus* sp.). *Ясень* отсутствует совершенно.

В самом низу—собственно даже не на спуске с перевала, а уже у Нарына, в перпендикулярных его течению отщелках, появляется *джигда* (*Eleagnus hortensis*) и здесь же *клен* достигает более приличных размеров.

Следует отметить, что несмотря на уверения киргизов, будто через этот перевал с вьюками вообще идти нельзя, в действительности никаких трудных, а, тем более, опасных мест, где бы могла бы пройти вьючная лошадь, здесь нет и в помине.

И все дело лишь в том, что, благодаря очень большой крутизне подъема и спуска, и значительной длине самого пути, мы с вьючным караваном несомненно не успели бы добраться в светло, так как, идя на специально взятых свежих лошадях, без всякого груза, мы, все-таки, были в пути 9 часов (и столько же приблизительно времени шли потом назад).

Так или иначе, но мы добрались на место только-только во-время (немного позже 6 часов дня), чтобы можно было успеть сделать несколько снимков моста, причем—при самом удобном освещении, так как его можно снимать только или около 8 часов утра или около 6 вечера. Построен мост в 1903 году киргизом Чоринской волости Турдымбетом на свой счет и собственными силами, без помощи специалистов, и до сих пор имеет как будто бы вполне исправный вид.

Устройство его хорошо видно на снимке, так что я на нем останавливаться не буду. Во всяком случае, простота конструкции поражает. Ширина моста около 1 сажени, длина—13 саженей; настил не горизонтален, а имеет значительный уклон от правого берега к левому. Перекинут мост через каньон Нарына глубиною около 40 саженей. Особенно интересный вид имеет мост издали: огромная пропасть с бешеным потоком на дне, и над пропастью висит спичка, подпертая двумя еще более тоненькими спичечками. Кажется, ни за что не решишься и ступить-то на эту спичку, а не то что перейти по ней на другой берег. Однако, вбли-

зи дело представляется уже не таким безнадежным. Правда, когда проходишь середину моста, он качается довольно-таки основательно, но благодаря достаточной ширине настила, несмотря на полное отсутствие и намека на перила, идти в действительности вовсе не страшно. Я даже расположился с большим штативным аппаратом на середине моста и сделал прилагаемый снимок каньона Нарына (рис. 19—на снимке видна тень от моста и моей фигуры с аппаратом). Однако, на непривычных людей мост иногда производит и иное впечатление, и мне известен случай, когда один из работавших в этом районе техников, придя с своим караваном к Чортову мосту, постоял, посмотрел и.... распорядился двинуться правым берегом на укрепление Нарын, что составило для него приблизительно 300 верст крюка, т. к. на Тогуз-Торау в то время Нарын был непроходим.

Переночевав, мы утром 30-го в 8 час. 20 мин. двинулись в обратный путь несколько измененной дорожкой, а именно—с заездом на одно из озер группы Бешь-Куль—Кок-Куль, расположенное на высоте приблизительно 2.000 м. н. у. м. в небольшой круглой долине с крайне скудной растительностью. Озерко, по словам киргизов, очень глубоко, рыбы в нем нет.

Полубобавшись озерками, мы двинулись дальше и вскоре выехали на нашу прежнюю тропинку, а ровно через 3 часа после выезда с Чортова моста достигли вершины перевала. Спустившись затем до аула, в котором мы вчера остановили нашего джигита, Джерембая, мы с удовольствием приняли приглашение хозяев заехать к ним в гости за-

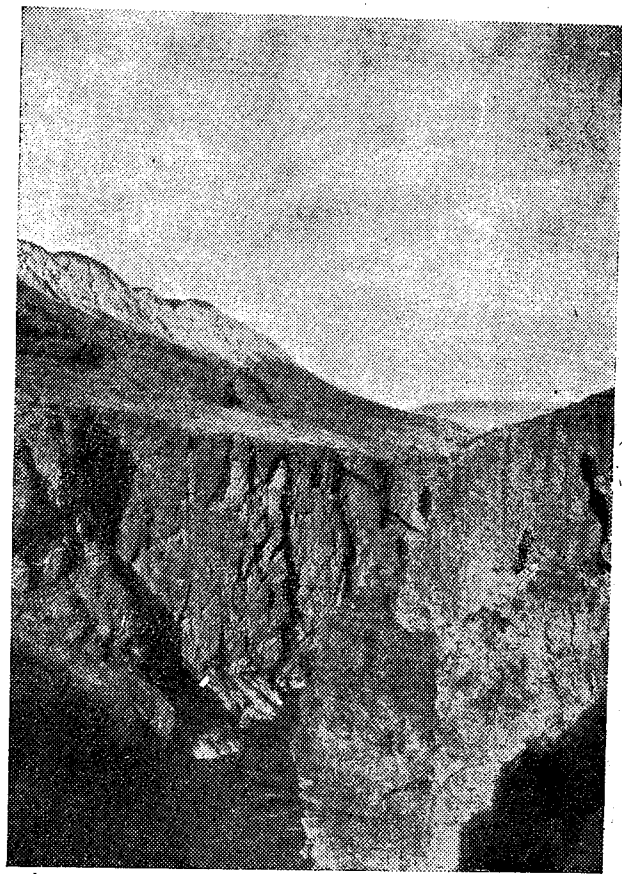

Рис. 19. Чортов мост на Нарыне. Общий вид.

кусить, при чем нам впервые пришлось здесь познакомиться с превосходным вкусом кавардака [из жеребенка, после чего продолжали путь по вчерашней дороге, но затем в том месте, где она спускается в долину Сютты-Булака, мы свернули с нее, вправо и поехали новою тропинкою, значительно более крутою, но зато и более короткою. Эта часть пути на большей части своего протяжения оказалась очень интересною, благодаря необычному положению верховой тропы. Именно, последняя идет здесь по очень узкому гребню хребта, разделяющего долины двух соседних рек, при чем оба склона хребтика падают весьма круто. Таким образом, ни справа ни слева у нас нет ни отвесной стены, ни круто поднимающегося склона, ни даже просто горизонтальной плос-

кости, а с обеих сторон видишь лишь крутые обрывы. Обычно на горных тропинках рискуешь сорваться только в одну сторону, а здесь на выбор: направо—в ущелье Мын-Джилке, налево—в ущелье Сютты-Булака. А так как фактически благополучно проехать здесь днем вовсе не трудно, то результатом является лишь приятная острота переживания, которая, в связи с необыкновенностью и новизной обстановки, разнообразит путевые впечатления, делая особенно интересным такой своеобразный кусочек дороги. Впрочем, дальше тропинка свернула влево и вышла опять на старую дорогу в долину Сютты-Булака, которою мы затем и ехали до конца, т.-е. до долины Алабуги. К счастью, последнюю нам на этот раз пришлось ехать очень мало, так как за время нашего отсутствия лагерь наш оказался перенесенным значительно ниже, а именно к устью р. Тоткуй, по долине которой лежит наш дальнейший путь.

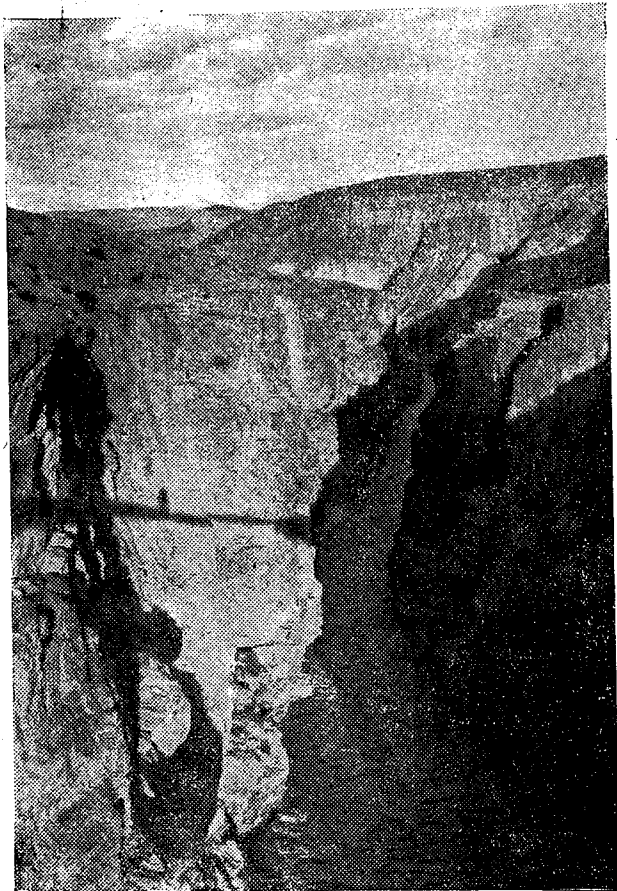

Рис. 20. Вид с Чортова моста на каньон Нарын.

Место лагеря, уже на правом берегу Алабуги, выбрано, как всегда, необыкновенно удачно: на великольном пырейном лугу с одиноким большим тополем, под которым мы уже издали, с вершины хребта, увидели наши палатки. Алабуга в этом месте разбивается на несколько рукавов, так что переправа через нее не представила никаких затруднений.

Добрались мы до «дома» в 4 часа 30 мин. дня.

Что касается фауны, о которой до сих пор и не упоминалось, то в передний путь я больше внимания уделял самой дороге и растительности, так что у меня оказались отмеченными только те виды птиц, которые почему-ни будь на себя обращали внимание. На обратном пути я записал уже всех встреченных животных (фактически, впрочем, тоже почти исключительно птиц), так что, в общем, данные получились достаточно полные.

Так, в начале подъема отмечены следующие виды: *каменка* (*Saxicola opanthe* L.), *желчная овсянка* (*Emberiza luteola* Sparrm), *горихвостка-чернушка* (*Ruticilla rufiventris* Vieillot), *удод* (*Upupa eppos* L.), *кеклик* (*Caccabis chukaz* Gray), *чекканчик* (*Pratincola maura* pall.), *индийская пеночка* (*Phylloscopus indicus* levd) и *обыкновенный голубь* (*Columba livia* Briss).

На упомянутом выше лужке у юрт, уже за перевальчиком в долину Мын-Джилке, отмечены *сорока* (*Pica pica* L.), *коньки* (*Anthus* sp.), *чекканчик* (*Pr. maura*

fall) и скалистый голубь (*Columbo rupestris fall*), вместо встречавшегося до того *C. livia Bvis*.

Незадолго до вершины перевала встречены несколько штук *деряб* (*Furdus viscivorus hodgsoni*), а еще немного ниже какой-то *сорокопут* (*Lanius sp.*). В самом начале спуска к Нарыну, около дороги сорвалось несколько *уларов* (*Tetraogallus himalayensis Gray*). На озерке Кок-Куль держались *мысузи* (*Fulica atra L.*), *атайки* (*Tadorna rutia Pall.*), *красноносая чернеть* (*Fuligula rufina Pall*) и *большая камышевка* (*Acrocephalus turdoides?*), а по пути к озеру, в одном из ложков между полынными холмами, поросшем на дне редкими кустиками дикой вишни и таволги, встречено довольно много *пустынных аблефаров* (*Ablepharus deserti Str.*). Здесь же на холмах недалеко от Нарына встречены: одна *дробфа* (*Otis tarda L.*), одна *перепелка* (*Loturnux Coturnix L.*), *коньки* (*Anthus sp.*), *каменки* (*Saxicola oenanthe L.*), *жаворонок* (*Alauda arvensis L.*) и целая компания *ворон* (*Corvus orientalis Eosm*). В каньоне Нарына в изобилии гнездятся *дикие голуби* (*C. livia Briss*), *стрижи* (*Cypselus apus L.*) и *городские ласточки* (*Chelidon urbica L.*) и встречены один экземпляр *синего каменного дрозда* (*Monticola cyana L.*) и одинокий *сарыч* (*Buteo sp.*).

На самой вершине перевала на обратном пути встречены: один *пестрый каменный дрозд* (*Monticola saxatilis L.*), стайка *альпийских вьюрков* (*Fringillanda altaica Evsm*) и много *уларов* (*Tetraogallus himalayensis Gray*).

На подъеме от Нарына в лесу и зарослях *арчи* (*Juniperus*) отмечены: *парочка щеглов* (*Carduelis Caniceps Vig*), масса *королевских вьюрков* (*Serinus pusillus Pall*), *горихвостка-красноспинка* (*Ruticilla erythronota Evsm*), *ореховка* (*Nucifraga caryocatactes cothschildi Hart.*), *сорока* (*Pica pica L.*), *завирушка* (*Accentor atrigularis Brdt.*), *горлинка* (*Furtur auritus Gray*), *вяжирь* (*Palumbus casiotis Bonap*), *пустельга* (*Tinnunculus tinnunculus L.*), *челнок* (*Falco Subbuteo L.*), *чечевица обыкновенная* (*Carpodaeus erythrinus roseahis Hodgs*), *чечевица розовая* (*C. rhodochla mys Brdt*), *чекканчик* (*Pratinca maura Pall*), *дубонос* (*Hesperiphona carne Hodgs*) и какой-то *сорокопут* (*Lannius sp.*). На спуске к Алабуге попадались *сорокопуты* (*Lanius sp.*), *полевые коньки* (*Anthus campestris L.*) и очень много *горихвосток-чернушек* (*Ruticilla rufiventris Vieillot*). У вершины перевала и затем довольно далеко вниз к Алабуге попадался *чеккан-пleshанка* (*Saxicola morio Ehrb.*) Наконец, уже внизу, в самой долине Алабуги, много *деревенских ласточек* (*Hirundo rustica L.*), *желтых трясогузок* (*Budytes metanocephala Licht* и *B. citreola?*), *варакушек* (*Cyanecula suecica L.*), попадают *обыкновенные трясогузки* (*Motacilla personata gould*), *стервятники* (*Neophron perenopterus L.*) и добыта какая-то *камышевка* (*Locustelle sp.*). В очень большом количестве наблюдались здесь же *воробыи*, прилетавшие ночевать на единственное дерево на лугу — тополь у наших палаток. К сожалению, виды воробьев остались не отмеченными.

В 7 час. утра 31 июля t° 19°C, ясно, тихо. В 9 час. 30 мин. выступаем в дальнейший путь. Первое время идем по тракту из Нарына на Кугартский перевал, но не надолго, и вскоре выходим в долину одного из правых притоков Алабуги, Тоткуя, которую затем и двигаемся до самого места вечернего лагеря. Последний мы разбили в 5 час. 20 мин. уже в той части долины, где она начинает превращаться в ущелье.

В нижнем течении Тоткуя долина его очень широка и большею частью представляет из себя роскошные луговые пространства. Выше постепенно переходит в более степного характера местность и покрыта многочисленными поливными пашнями, при чем особенно высоко вверх идет культура ячменя (вероятно, до высоты немного менее 3.000 м: н. у. м.). Еще несколько выше долина резко суживается в настоящее ущелье, но вскоре снова расширяется в долину, однако, уже в форме нешироких, горного характера террас, тянувшихся между руслом реки и ограничивающими долину хребтами. Иногда такие террасы имеются лишь

на одном берегу, на другом же горы подходят прямо к реке или отвесными обрывами или же более или менее крутыми склонами. На одной из подобных террас налевом берегу реки мы и остановились на ночлег (рис. 21).

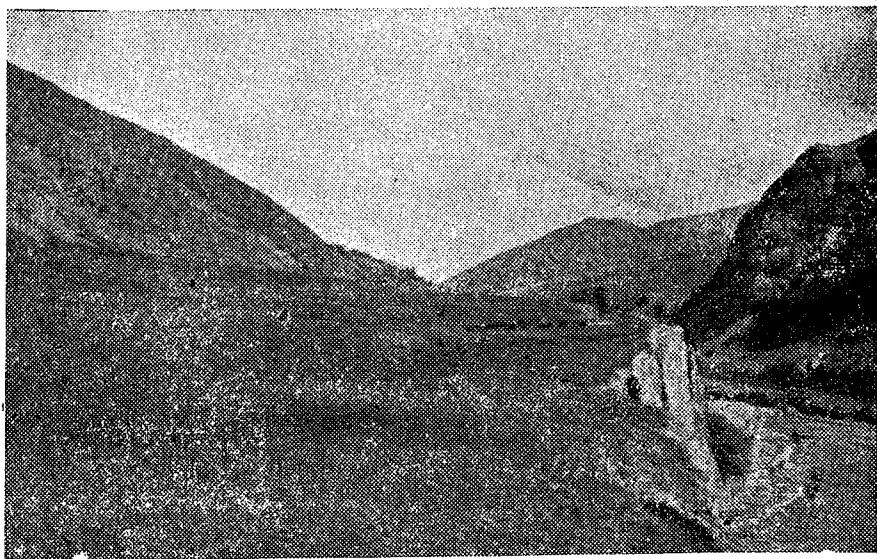

Рис. 21. Р. Тоткуй. Верховья.

Противоположный берег, как видно на снимке, удобных для стоянки мест не имеет. Еще выше долина становится совсем узкою, опять переходя в ущелье, да и в районе нашего лагеря террасы не широки, река же течет в глубоком овраге, а местами и в настоящем каньоне.

Рис. 22. Чертополох.

В нижней своей части долина Тоткуя ограничена обычными в районе Алабуги голыми глиняными горами, которые выше постепенно переходят в мягкие пологие, невысокие холмы, одетые степною растительностью, а еще выше—уже в настоящие горы, то темные—сланцевые, то разноцветные—песчаниковые. Степь поднимается здесь на значительную высоту: на нашей стоянке (вероятно, около 3.000 м. н. у. м.) растительный покров образован преимущественно следующими видами: *тунец* (*Festuca ovina*), *перистый ковыль* (*Stipa pennata*), *чий* (*Lasiagrostis splendens*), *кормек* (*Statice* sp.), *мелколенестник* (*Erigeron acre*), *очанка* (*Ephrasia* sp.), *герань* (*Geranium collinum*), *монгольский ковыль* (*Stipa mongolica*), *эдельвейс* (*Leontopodium alpinum*), *лапчатка* (*Potentilla* sp.), *астрагал* (*Astragalus* sp.), *остролодка* (*Oxytropis* sp.), *горошек* (*Vicia* sp.), *василек* (*Centaurea* sp.), *Saushrea подмаренник* (*Galium verum*), *колокольчики* (*Campanula* sp. и *Codonopsis ovata*), *мелкая белая генциана* (*Gentiana* sp.) и какой-то мелкий

чертополох (*Carduus* sp.), кое-где *шведка* (*Suaeda* sp.) и *лук* (*Allium* sp.) и, наконец, крупный горный *чертополох*—*Carduus horridus* (рис. 22).

Правда, в этом списке есть ряд уже чисто горных форм, но общий характер покрову придают такие виды, как *типец*, *ковыль* и *чий*, и местность можно назвать степью, но никак не назовешь альпийским лугом. Из кустарников в нижней части долины были только *таволожка* (*Spiraea hypericifolia*) и какая-то мелкая *акация* (*Saragana aurantiaca*?), затем появились *арча* (*Juniperus Sabina*) и мелкий *тлюе-куйрюк* (*Saragana jubata*); на месте нашего лагеря последний достигает уже хорошего развития, а кроме него и *арчи* растут еще *барбарис* (*Berberis heteropoda*?—с крупными, круглыми, черными плодами), *жимолость* (*Lonicera* sp.), *тереския* (*Eurotia ceratoides*) и еще какой-то неизвестный мне кустарник.

Из птиц добыты: одна *камышевка* (*Locustella Straminea* Severtzow)—на лугу в нижней части долины, *горный жаворонок* (*Otocoris penicillata* Gould)—в самой долине, две *конопчаники* (*Acanthis fringillirostris* Bonap.)—в горах, *пеночка* (*Phylloscopus* sp.)—тоже в горах, пара молодых *кекликов* (*Saccabis chukar* gray)—там же, наконец, одна из *горных овсянок* (*Emberiza buchanani* Blyth)—на камнях в долине.

Кроме этого встречены: около стоянки—*завирушка* (*Accentor* sp.), *чечевица* (*Carp. erythrinus roseatus* Hodgs), *индийская пеночка* (*Phylloscopus indicus* Lerd), *городская ласточка* (*Chelidon urbica* L.) и *горихвостка-чернушка* (*Ruticilla rutiventris* Vieillot).

Ящерицы в нижней части долины попадались в изобилии всюду, выше стали встречаться все реже и реже, но одна была добыта, все-таки, на еще весьма значительной высоте—вероятно, около 2.800 м. н. у. м. Все это был и исключительно *ящурки-глазчатые* (*Eremias multiocellata* Guthv).

Перед вечером прошел небольшой дождь, к 9 часам t° упала уже до 9°C , а утром 1 августа было всего лишь 4°C .

Сегодня выехали в 10 час. утра, ровно в 2 часа дня достигли вершины перевала Джаман-Даван, а в 5 час. 30 м. остановились на ночлег в долине р. Арпы, на высоте около 2.800 м. н. у. м. Первое время дорога шла узкою щелью, затем снова выходит на неширокие террасы, которые, впрочем, имеются не везде, так что иногда подолгу приходится ехать прямо галечниковым ложем реки.

Уже это одно заставляет назвать дорогу очень плохую, так как для лошадей итти сплошным крупным галечником, конечно, крайне тяжело.

Характер террас, где они есть, остается все тот же, склоны же до высоты приблизительно 3.000 м. покрыты кое-где зарослями кустарников—главным образом *тлюе-куйрюка* (*Saragana jubata*), выше же по долине и этот последний кустарник пропадает и остается одна травянистая растительность.

Еще дальше дорога наша круто сворачивает влево, к востоку, в ущелье одного из притоков Тоткуя, одноименного с перевалом—речки Джаман-Даван, и здесь на склонах сразу опять появляется кустарная растительность, при чем на этот раз *тлюе-куйрюк* идет значительно выше—до высоты, вероятно, не менее 3.700—3.750 м. Как раз на этой же высоте эта оригинальная акация опять появляется на противоположном склоне за перевалом при спуске в долину Арпы.

Ущельем реченки Джаман-Даван дорога все время идет по камням, затем очень крутым подъемом выводит нас, на высоте около 3.600 м., на перевал. Однако, это оказывается еще далеко не сам Джаман-Даван, так как отсюда мы спускаемся вниз лишь с тем, чтобы снова начать подъем, на этот раз уже на настоящий перевал этого имени. Последнее, между прочим, не предвещало нам приятной дороги, так как в переводе значит «Скверный Перевал». А при тех, весьма скромных требованиях, какие предъявляют к качествам дороги киргизы и их лошади, такое киргизское название звучало предостережением. И хотя никаких особенно опасных или трудно проходимых мест ни на подъеме, ни на спуске не оказалось (если не считать нескольких участков дороги, лепящихся по очень крутым косогорам), однако, перевал вполне заслуживает свое название, так как его высота при огромной крутизне подъема и спуска делает его очень тяжелым для лошадей. Поэтому я не рекомендовал бы никому итти с вьюками через него, если есть возможность составить маршрут иначе.

К сожалению, точной высоты перевала я указать не могу из-за упомянутой выше порчи барометра: метровых делений на нем уже в месте положения стрелки не было, так как они нанесены только до 5.000 м., давление же он оказывал 405 мм. По Полторацкому высота перевала Джаман-Даван равна 3.930 м., но я думаю, что в действительности она должна превышать 4.000 м., судя, хотя бы, по одному тому, что очень крутой спуск в долину Арпы до высоты приблизительно 2.800 м. занял у нас около трех часов (подъем занял 4 часа).

Возвращаясь к последнему участку нашего пути, должен сказать, что хотя эта часть дороги, идущая по сланцевым осыпям, и наезжена довольно хорошо, так что для ног лошадей особенных затруднений не представляет, но, благодаря крутизне подъема и высоте н. у. м., не только вьючные, но и верховые животные идут с большим трудом, поминутно останавливаясь. А у одного из наших киргизов даже пошла носом кровь, что мне случилось видеть в Семиречье впервые.

Впрочем, уже по утоптанности тропы можно видеть, что киргизы преисправно пользуются Джаман-Даваном для своих кочевок, и, действительно, мы успели встретить за сегодняшний переход три группы возвращавшихся с Арпы киргизов, шедших с юртами, скотом и проч.

С вершины перевала открывается прекрасный вид на долину Арпы и снеговые горы на границе с Кашгаром. Во время нашего пребывания на перевале дул сильный северный ветер и t° воздуха была 10°C .

Спуск к Арпе идет вдоль другой речки Джаман-Даван (южной), впадающей уже в Арпу, но незадолго до выхода реченки из гор в предгорья мы покинули ее долину и направились на обходный промежуточный перевальчик (впрочем, тоже вероятно не ниже 3.500 м.) с целью миновать трудно проходимое ущелье в нижнем течении речки. При этом последняя здесь круто поворачивает к востоку, так что мы, двигаясь прямо к югу, выходим в долину Арпы, далеко к западу от ее устья. И даже пройдя затем довольно большой кусок вверх по Арпе (к востоку) мы останавливаемся лагерем, все-таки, еще немного ниже, т.е. западнее этого устья.

Несмотря на то, что наши лошади были крайне утомлены, мы были вынуждены сделать эти несколько верст по Арпе, так как в самой Арпе течет не вода, а настоящая грязь, и нам для остановки пришлось искать годной питьевой воды, которую мы и нашли, наконец, в ключах, пробивающихся там и сям на внешней границе галечникового дна долины.

О растительности на нашем пути было упомянуто в своем месте, что же касается местности в окрестностях нашего лагеря, то последняя представляет крайне неинтересную и безотрадную картину: очень широкая, лишь местами слегка волнистая, большею же частью совершенно ровная долина Арпы покрыта почти исключительно *типчаком* (*Festuca ovina*) с небольшим примесью *полыни* (*Artemisia maritima*), да и те в данный момент почти на-чисто стравлены скотом. Всюду бесчисленные аулы и масса скота, так что о природе тут и речи нет.

Долина Арпы пользуется в Семиречье широкою известностью в качестве превосходного джайлау (летнего пастбища), привлекающего к себе на летние месяцы население целого ряда (5) волостей, так что тому, кого интересует природа, а не люди, следует приезжать сюда значительно раньше, чем приехали мы.

По характеру растительного покрова и почвы ясно, что здесь, несмотря на значительную высоту местности над уровнем моря (2.700—2.900 м.), должно выпадать весьма мало осадков. Кроме того, по словам киргизов, здесь ежедневно с 9 часов утра дует довольно сильный ветер, имеющий постоянное направление вдоль долины снизу вверх.

Что касается животного мира за сегодняшний день, то из пресмыкающихся мы не встретили решительно ничего и очень мало — насекомых. Из млекопитающих на утренней стоянке поймана одна *тляньшаньская полевка* (*Stenocranius tianshanicus* Büchner), а по дороге попадалась масса *сурков* (*Arctomys candata* F. Geoffroy), особенно на спуске, ближе к Арпе. Сурки уже настолько жирны, что некоторые

из них буквально с трудом передвигаются. На спуске же с перевала встретили четырех *горных козлов* (*Capra sibirica* Meyer—«тау-теке»). Эти красивые горные животные медленно переходили дорогу в нескольких шагах от ехавшего недалеко впереди меня киргиза и затем еще медленнее и совершенно спокойно, постоянно останавливаясь и оглядываясь на нас, ушли кверху по склону ущелья. Три из них, видимо, были молодые и одна—взрослая самка.

Из птиц добыты на пути через перевал: *горный вьюрок* (*Montifringilla alpicola* Pall), парочка *Leucosticte brandti* Bonap (из них 1 juv с неотросшим хвостиком), *завирушка* (*Accentor* sp.), *альпийская завирушка* (*Accentor alpinus nifilatus* Sew), в великолепном оперении, и уже в долине Арпы—какой-то *сорокопут* (*honius* sp.).

Leucosticte brandti Bonap. попадались несколько раз, но только на спуске к Арпе, *Montifringilla alpicola* Pall—и на подъеме и на спуске, как и неизвестная *завирушка*, а *альпийская завирушка*—только на спуске и, притом, очень высоко. Кроме того, в пути наблюдались еще *горные жаворонки* (*Otocoris penicillata* Gould), *чекканы* (*Saxicola oenanthe* L.), *горизвостки-чернушки* (*Ruticilla rufiventris* Vieillot), *горные овсянки* (*Emberiza buchanani* Blyth), *клушицы* (*Pyrrhonorax graculus* L.), *пустельга* (*Tinnunculus tinunculus* L.), *краснокрылка* (*Tichodroma muraria* L.), *большая чечевица* (*Carpodacus sewertzovi* Sharpe), *горные стрижи* (*Catyle rupestris* Scop.), *коньки* (*Anthus* sp.), *беркуты* (*Aquila chrysaetos daphanea* Sewertz), *серпоклюв* (*Ibidorhynchus struthersi* V. 9.), а уже в долине Арпы—огромное количество *береговых стрижи* (*Cotyle riparia* L.).

Следующий день, 2 августа, был, пожалуй, самым неинтересным за всю экспедицию, если не считать того, что в этот день впервые была добыта *горная ржанка* (*Charadrius pyrrhorthorax* Gould).

Утро было весьма прохладное: в 8 час. утра всего лишь +7°C, но затем солнце быстро согрело воздух, так что с этой стороны первую половину дня было благополучно. Но зато сама местность, по которой нам пришлось сегодня ехать, была настолько скучна и безотрадна, что в этом отношении превосходила даже полынные степи низменной части Семиречья: там хотя насекомых довольно много, от времени до времени попадают *бульдурки*, *малые* и *степные жаворонки*, *пустельги*, иногда *чеккан-пласун*, *полевой конек*, *заяц*, *разноцветная ящурка*, *гадюка*... здесь мы за весь день пути видели почти исключительно *горных жаворонков* (*Otocoris penicillata* Gould), а из насекомых—по истине вездесущую *Fenturia ganglbauri*. Растительности—никакой, так как все уже начисто, местами до пыли, стравлено и выбито скотом. В довершение всего, нам в этой отвратительной обстановке пришлось провести в седле, не слезая, 10 часов, т. к. раньше нигде нельзя было найти воды.

Первое время по выезде из лагеря мы поднимались вверх по долине Арпы, если только в горной местности позволительно назвать подъемом тот едва заметный уклон, который имеет долина Арпа, даже в своей верхней части. Путь наш лежал в долину Каракоюна через Масаил, хотя перевал этот вряд ли заслуживает название перевала: это скорее просто низкий, едва заметный водораздел между широкими долинами Арпы и Каракоюна, которые так же незаметно переходят одна в другую.

При этом долина Каракоюна так же широка (несколько верст шириною), ровна и, пожалуй, еще более вытоптана, пыльна и лишена растительности, чем долина Арпы. И она еще более напоминает степи низменного Семиречья, так как ограничена очень низкими горами, лишь немного возвышающимися над дном долины (рис. 23). В довершение сходства оказалось, что вся верхняя часть долины Каракоюна в данный момент совершенно безводна, так что мы целых три часа вынуждены были двигаться по ней вниз, исключительно с целью найти воду, необходимую для разбивки лагеря. И нашли мы ее только к 8 часам вечера.

Все русла многочисленных притоков Каракоюна, как и его собственное русло, оказались совершенно сухими. Правда, вдали под горами, вдоль края

Долины, виднелись довольно многочисленные киргизские аулы, и, следовательно, там, казалось бы, должна быть вода. Однако, как мы узнали от наших проводников, вода в это время доходит до аулов только к 12 час. ночи, да и то на короткое время, так что ею приходится запасаться на целые сутки.

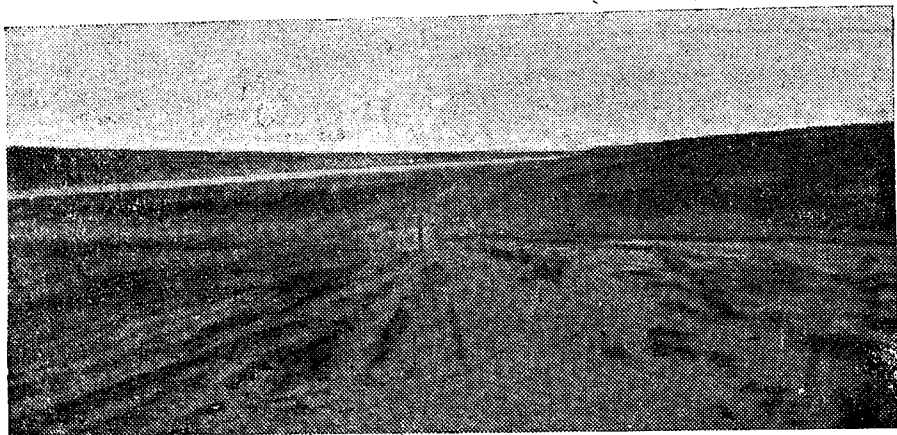

Рис. 23. Верхняя часть долины р. Каракоюн.

Понятно, что нас не прельстила перспектива устраиваться лагерем в таком месте и в ожидании воды до полуночи сидеть без чая, и мы предпочли проехать лишних 15 верст с тем, чтобы остановиться в более нормальных условиях.

Такие условия мы и нашли наконец в урочище Ичке, немного не доезжая устья р. Таш-Рабат, но лишь к моменту наступления темноты. Да и то пришлось остановиться не на речке, а на каком-то арыке, притом—с неважною, грязноватою водою.

Сегодня до перевала Масаил, как уже упомянуто выше, было очень тепло, в долине же Каракоюна нас встретил холодный ветер, который дул целый день, так что пришлось одеть пальто; и тем не менее к моменту остановки мы успели даже прозябнуть, что, впрочем, и не удивительно, так как в 9 час. вечера термометр показывал всего лишь 7°C.

Рис. 24. Тайган—Тибетская борзая.

Сегодня, как и вчера, целый день стояла столь обычная в Туркестане сухая мгла, так что фотографировать сколько-нибудь отдаленные ландшафты было совершенно невозможно.

О фауне отчасти уже было упомянуто выше и к сказанному остается добавить весьма немного. Именно, в долине Арпы в районе нашего лагеря, в типичково-полынной степи в изобилии держались *ящурки глазчатые* (*Eremias multiocellata* Guthr) и там же на болотцах и проточках среди галечникового ложа реки встречено довольно много *горных ржанок* (*Charradius pyrrhorthorax* Gould), из которых три штуки были добыты. Там же попадались *зуйки* (*Totanus hypoleucos* L.), а в пути изредка встречались еще *каменки* (*Saxicola ospanthe* L.)—вот и вся фауна за сегодняшний день.

На вечерней стоянке нам пришлось увидеть прекрасный экземпляр интересной и очень редко попадающейся в Семиречье собаки—*тайгана* или *тибетскую борзую*, оригинальная наружность которой хорошо

передана на снимке (рис. 24). Собака принадлежала одному из местных киргизов, посетившему наш лагерь в качестве гостя или просто любопытного.

За ночь ветер утих и сильно потеплело, так что в 8 час. утра 3 августа t° поднялась до 19°C .

Выехали в 9 час. 45 мин., остановились на ночлег в 4 час. 45 мин., верст 16—18 не доезжая селения Атбаш (или Атбоши—как чаще его называют).

Весь день наш путь шел широкою, ровною долиною того же Каракоюна, расположенного между двумя очень невысокими хребтами гор или, пожалуй—по местному масштабу—горок. По мере понижения, впрочем, все такого же медленного и незаметного, растительность становится все лучше, так как она здесь меньше выбита скотом, а верстах в 25 от Атбашей начинается уже призмочная территория с ее арыками, пашнями и совершенно нетронутою скотом степью, одетою хорошою травянистою растительностью.

Из культурных растений сперва встречается *ячмень*—в прекрасном состоянии, но еще совершенно зеленый (на высоте около 2.700 м.), а еще немного ниже начинаются и посевы пшеницы.

Так как район нашего сегодняшнего маршрута и дальше до Нарына принадлежит к числу местностей, весьма часто посещаемых и достаточно хорошо известных, то меня он очень мало интересовал, в связи с чем записи в моем дневнике за эти дни оказались весьма короткими. Упомяну лишь, что в этой части долины Каракоюна обращают на себя внимание многочисленные киргизские могилы, из которых многие весьма интересны своими значительными размерами и архитектурю (рис. 25).

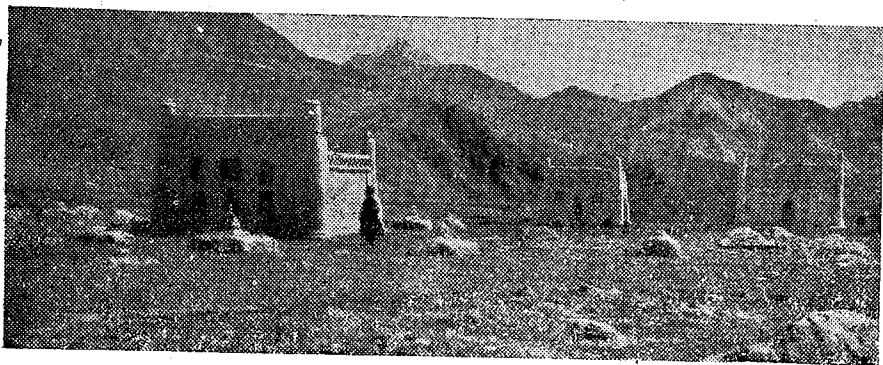

Рис. 25. Дол. р. Каракоюн. Киргизские могилы.

Лагерь наш был разбит на нижней террасе Каракоюна на приветливом зеленом лужке. На следующей террасе, возвышающейся над нашей всего лишь на несколько аршин, основу растительности составляют *чий* (*Lasiagrostis splendens*) и *полынь* (*Artemisia maritima*). Высота лагеря над уровнем моря, вероятно, около 2.200 м.

Фауна, наблюдавшаяся за сегодняшний день, хотя и не отличается богатством и разнообразием, но, по сравнению с тем, что мы видели вчера, ее, при желании, можно назвать даже богатою. Именно, на утренней стоянке были добыты *горная ржанка* (*Charadrius pyrrhoroax* L.) и *варакушка* (*Cyanecula svecica* L.), в самом начале пути—еще один экземпляр ржанки, а у вечерней стоянки—*малый жаворонок* (*Calandrella brachydactyla* Leisl). Встречен же был еще целый ряд птиц, а именно: *полевой конек* (*Anthus campestris*), *полевой, малый и горный жаворонок* (*Alauda arvensis* L., *Calandrella brachydactyla* Leisl и *Otocoris alpestris* Brdt.), *каменки* (*Saxicola oenanthe* L.), *бульбурки* (*Pterocles arenarius* Pall), *чибицы* (*Vanellus cristatus* Meyev), *челок* (*Falco subbuteo* L.) и, наконец, пара *бурых грифов* (*Vultur morgachus* L.).

Наконец, из пресмыкающихся, начиная с высоты приблизительно 2.600 м. стали попадаться *ящурки глазчатые* (*Eremias multiocellata* Guthr), которые в районе нашего вечернего лагеря встречались уже в очень большом количестве, при чем в особенном изобилии попадались молодые—около 50 мм. длиною.

День сегодня был жаркий, а в 9 часов вечера термометр показывал 15,5°C.

4 августа в 7 час. утра t° 13°C. Выехали в 9 ч. 45 м., перешли без малейшего затруднения в брод речку Атбаши, проехали, не останавливаясь, через сел. Атбаши и отсюда, уже колесною дорогою, направились в Нарын. До него, впрочем, так и не дошли, остановившись верстах в 10 не доезжая укрепления. Так как на этой стоянке вода в ключике оказалась настолько соленою, что пить ее было почти невозможно, то мы решили взять у киргизов молока. При этом мне пришлось впервые познакомиться с оригинальным способом процеживания молока, продемонстрированным нам Садырбеком. Способ этот, весьма удобный, когда у вас под рукою нет ни сита, ни подходящей материи, замечателен своею простотою и может, при случае, весьма пригодиться. Заключается он в следующем: выдирают из гривы лошади пучок волос, моют их и затем, скомкав в комок, делают из них нечто в роде чашечки или блюдца, через которые и процеживают молоко. Приготовление такого сита требует, в сущности, ровно столько времени, сколько вы найдете нужным ассигновать на мытье волос. А службу оно может сослужить большую, в чем легко убедится каждый, кто полюбопытствует взглянуть на процесс доения (особенно овец) у киргизов и на свежий продукт этого процесса.

Никаких записей, касающихся флоры или фауны, у меня за этот день в дневнике не оказалось, за исключением отметки о добыче *четырёх томячков* (*Cricetulus migratorius*) в зарослях у лагеря на Каракоюне.

5 августа выехали в 8 час. утра и ровно в 11 были в Нарыне, где и провели время до следующего утра с целью запастись кое-чем для дальнейшего пути.

На следующий день, 6-го в 12 час. дня мы выступили из Нарына, имея в виду пройти в Пржевальск через Тонский перевал, как наименее посещаемый, очень мало известный и потому—наиболее интересный.

Путь наш лежит вверх по долине Нарына, левым берегом реки, при чем первое время мы едем даже по вполне приличной колесной дороге, которая лишь дальше мало-по-малу переходит в обычную горную верховую тропу. Наличие колесного пути объясняется тем, что сегодня мы все время передвигаемся еще в пределах культурного района с его пашнями, сенокосами и весьма многочисленными зимовками. Вполне естественно, что здесь и дорога носит более культурный характер.

Киргизские посевы состоят преимущественно из *ячменя* и лишь в незначительной части—из *пшеницы*. В данный момент хлеба еще далеко не дозрели и киргизы усиленно заняты косью сена. Многочисленные зимовки местами сгущены в небольшие группы, образуя подобие маленьких деревушек. Мало здесь только, столь характерных вообще для культурного района Семиречья, садилов, да и те, которые есть, состоят исключительно из *ивовых* деревьев, а не из карагача или тополя, любимых туземным населением низменной части области.

На одной из боковых реченок, впадающих в Нарын с нашей стороны, прибрежные древесные заросли спускаются до самого устья речки. Заросли эти весьма бедны по составу, будучи образованы лишь *березою* (*Betula alba* var. *tianscanica*), *ивами* (*Salix* sp. sp.), *тополем* (*Populus Snaverleus*) и немногими видами кустарников.

В начале пути на дороге есть интересное местечко, где она проходит под отвесною стеною берега по искусственной гати, из насыпанных в реку камней, так как тут скалы подходят к Нарыну вплотную, не оставляя места даже для тропинки. Надо думать, что при более высоком уровне реки здесь приходится ехать по воде, а, может быть, временно сообщение и вообще прекращается.

Около Нарына, в том месте, где с 5-го на 6-ое ночевал наш караван, в ловушки были пойманы: *горная полевка* (*Alticola worthingtoni* Getr. Miller), *лесная мышь* (*Apodemus sylvaticus*) и *соня* (*Dyromys angelus thomas*), а из птиц добыты: *серая мухоловка* (*Muscicava grisola* L.) и *каменный воробей* (*Petronia petronia* L.). Окружающая обстановка: каменные осыпи, участки с прекрасною травянистою растительностью и заросли из *жимолюсти* (*Lonicera* sp.), *шиповника* (*Rosa* sp.), *можжевельника* (*Juniperus sabina*), *горной лапчатки* (*Potentilla fruticosa*), *ивы* (*Salix* sp.), *облепихи* (*Hippophae rhamnoides*) и *тополя* (*Populus snaveolens*?); все это в изобилии увито *ломоносом* (*Clematis songorica*).

По дороге встретили довольно много птиц, но все весьма мало интересных: обычных обитателей культурного района. Добыта *ястребиная славка* (*Sylvia nisoria* Bechst.) и на берегу Нарына встречена *серая цапля* (*Ardea cinerea* L.), как будто бы и не совсем уместная на такой высоте (около 2.600 м. н. у. м.).

t° вечером—17°C.

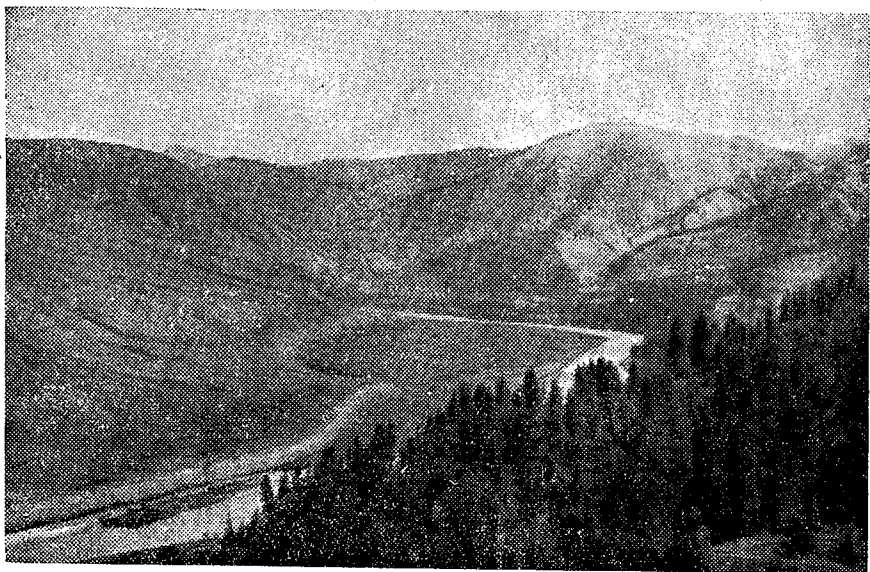

Рис. 26. Долина р. Нарын выше укрепления.

7 августа. Ночью несколько раз шел дождь, к утру прояснилось, но t° значительно понизилась: всего лишь 11°C. Выехали в 9 ч. 15 м., ехали не останавливаясь и нигде не задерживаясь, до 4 ч. 20 м., так что сделали не меньше 35 верст. Первое время дорога шла тою же культурною долиною Нарына, но все время постепенно удаляясь от реки, хотя характер местности еще довольно долго остается прежним. Уклоняясь все дальше в сторону, мы, наконец, попадаем в небольшую долину, по которой и поднимаемся на перевальчик через боковой хребтик, перегораживающий здесь долину Нарына.

Перевалив через этот хребтик, мы пересекаем необыкновенно живописную долину какого-то второстепенного притока Нарына и затем выходим к последнему в замечательно красивом месте, изображенном на прилагаемом снимке (рис. 26).

Тут долиною самого Нарына дорога наша проходит мимо отдельных небольших лесочков, а затем после второго перевальчика входит в прекрасный еловый лес, которым и идет довольно долго, при чем некоторое время—непосредственно по берегу реки. Таким образом, тут приходится видеть сравнительно редкую в Семиречье красивую картину большой реки, текущей в лесу: обычно

в Семиречье на больших реках лес, если и есть, то он лепится по склонам и к берегу не подходит. Впрочем, и здесь лесом покрыт только один берег—наш; на правом—только травянистая растительность.

Лес крупный, еловый, с примесью березы, ивы, рябины и кое-каких кустарников, как то: *арчи* (*Juniperus sabina*), *смородины* (*Ribes atropurpureum*—«кислица»), *жимоласти* (*Lonicera* sp. sp.) и немногих других.

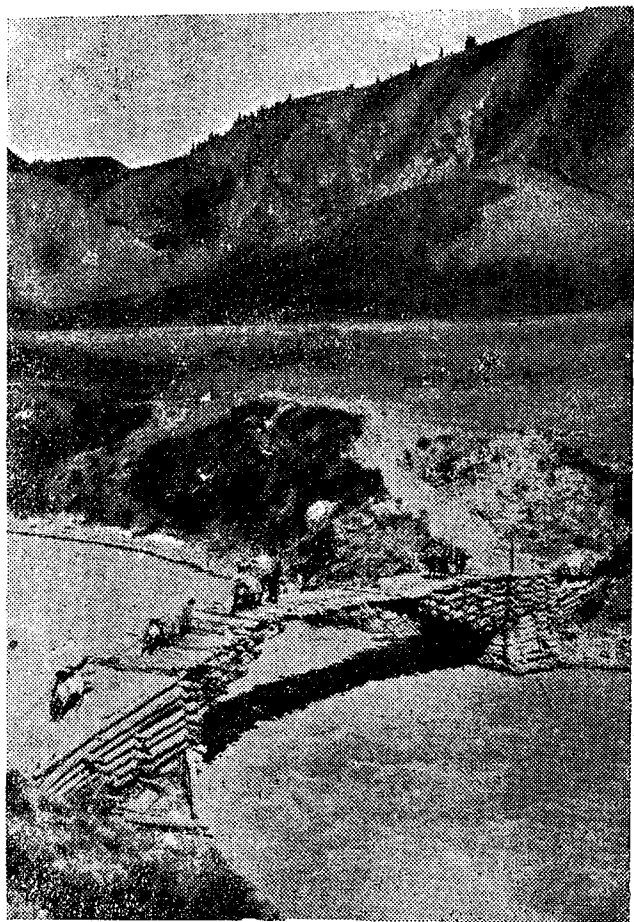

Рис. 27. Мост через р. Нарын выше укрепления.

к Нарыну больше возвращаться не будем, а пойдем долинами его притоков Джак-Пулата, Болгарта и Тона.

По правому берегу Нарына более короткой и прямой дороги, чем избранная нами, нет, по левому же идет большая усиленно посещаемая, прямая, кочевая и скотопрогонная дорога к более легким перевалам—Заукинскому и Барскаунскому. Мы ею воспользоваться не могли, так как Нарын на большом протяжении от моста вверх совершенно непроходим в брод, а от места переправы нам пришлось бы возвращаться к дороге на Тон, далеко назад.

Перевальчик к р. Джак-Пулат мягкий и почти незаметный. В стороне виднеется небольшое горное озеро, на котором из птиц, по словам киргизов, держатся только *атайки* (*Tadorna rutila* Pall).

На вершине перевала прекрасная луговая растительность, в составе которой мною отмечены следующие формы: *скабиоза* (*Scabiosa altaica*?), *подмаренники*

Выйдя из леса, дорога сперва поднимается кверху по склону, а затем спускается к киргизскому мосту через Нарын, по конструкции напоминающему описанный выше Чортов мост, но расположенный не высоко над водою и значительно более солидный, а потому и ничуть не «страшный» (рис. 27).

За мостом дорога круто поворачивает вниз вдоль Нарына с тем, чтобы сделать огромный объезд через небольшой перевальчик, выйти уже не к Нарыну, а к одному из его притоков—речке Джак-Пулат.

Тот, кто направляется на Заукинский перевал (Джууку), с Джак-Пулата должен свернуть вправо, к югу, с тем, чтобы снова выйти на Нарын и затем еще долго двигаться его долиною.

Мы же, имея в виду Тонский перевал,

(*Galium verum* и 9 sp.), *соссяуреа* (*Saussurea* sp.), *ковыль* (*Stipa* sp.), *полынь* (*Artemisia* sp.), *тунец* (*Festuca ovina*), *герань* (*Geranium collinum*), *эдельвейс* (*Leontopodium alpinum*), *колокольчики* (*Campanula* sp. и *Codonopsis ovata*), *лук* (*Allium* sp.), *мелколепестник* (*Erigeron pulchellum*), *чебрец* (*Thymus serpyllum*?), *одуванчик* (*Parahacum officinale*), *тмин* (*Carum carvi*), *чертополох* (*Carduus* sp.).

После перевала мы еще некоторое время ехали по склону вдоль правого берега Джак-Пулата, откуда открывается замечательный вид на долину этой речки (рис. 28), а затем спустились вниз в ее долину и остановились на ночлег.

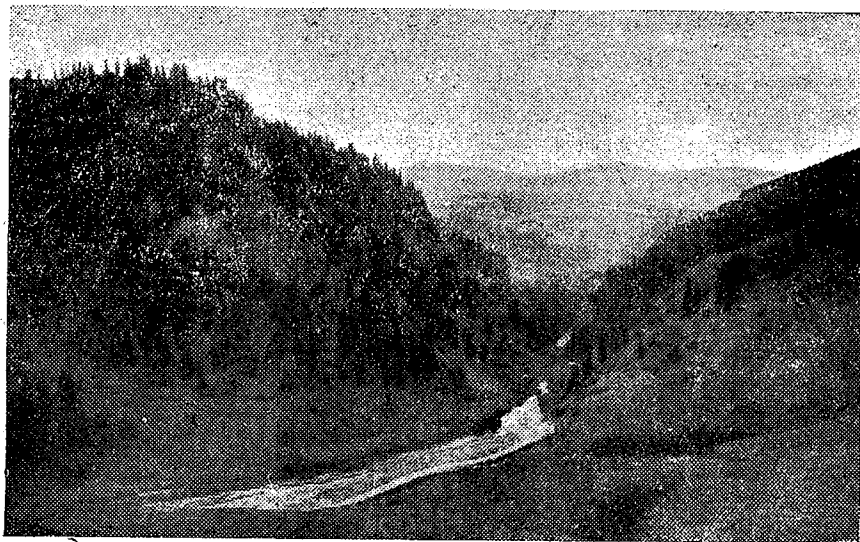

Рис. 28. Ущелье р. Джак-Пулат.

в том месте, где последняя на некоторое расстояние превращается в такое узкое ущелье, что оно с полным правом может быть названо семиреченским термином — щелью.

Местность по соседству с нашим лагерем необыкновенно красива: один склон ущелья до самой воды покрыт хорошим еловым лесом, а на другом видны многочисленные каменные осыпи, перемежающиеся с густыми кустарными зарослями. Склоны ущелья очень круты, напоминают стены и очень высоки, а немного ниже лагеря ущелье и совсем замыкается, так как обе стены его сходятся и реченка с ревом и грохотом скрывается в узком, темном, мрачном скалистом коридоре (рис. 29). Да и перед этим коридором щель так узка, что упавшая на нашем берегу небольшая ель упирается вершиною в противоположную стену.

В одном месте русло завалено огромными глыбами скал и деревьями, и можно видеть, что этот завал некоторое время совсем запруживал русло, так что вода шла по сторонам.

Горы здесь сложены из известняка и в них есть небольшие пещеры с красивыми известковыми натеками по стенам.

В долине Нарына орнитологическая фауна была весьма мало интересна, так как слагалась почти исключительно из таких видов, как *грач* (*Corvus frugilegus* L.), *ворона* (*C. orientalis* Evsm), *галка* (*Monedula collaris* Drurum), *сорока* (*Pica pica* L.), *каменка* (*Saxicola oenanthe* L.), *сорокопут* (*Lanius phoenicuroides* Sewer tz ow), *полевой жаворонок* (*Alauda arvensis* L.), *коноплянка* (*Acanthis fringillirostris* Bonap), *чечевица* (*Carpodacus erythrinus* Pall), *щегол* (*Carduelis caniceps* Vig.), *конек* (*Anthus* sp.), *камышевка садовая* (*Acrocephalus dumetorum* Blyth), а несколько

выше еще *горихвостка-красноспинка* (*Ruticilla erythronota* Evsm). Странным образом, в пределах культурного района совершенно не было видно столь характерной для него *желчной овсянки* (*Emberisa luteola* Sparrm.).

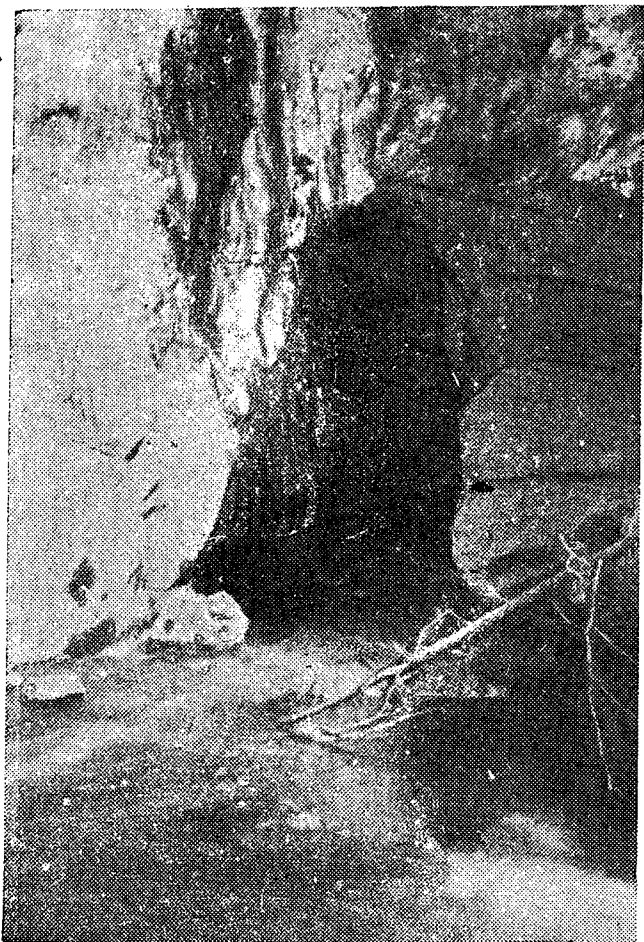

Рис. 29. Р. Джак-Пулат входит в теснину.

На утренней стоянке в долине Нарына, кроме того, добыты *скворец*, (*Sturnus* Sp.) *трясогузка* (*Motacilla personata* Gould) и какая-то молодая *овсянка* (*Emberiza* sp., вероятно — *cia*).

По соседству с вечерним лагерем на Джак-Пулате фауна интереснее: много *горных* и *городских* *ласточек* (*Cotyle rupestris* Scop. и *Chelidon urbica* L.), выводок *крапивников* (*Troglodytes pallidus* Sharpe), *большая горихвостка* (*Ruticilla Severtzovi* Lorenz), *печеночки* (*Reguloides humii* Brook и *Phylloscopus* sp. sp.), *чечевица* (*Carpodacus erythrinus* Pall), *трясогузки* (*Gudytes melanocephalus* Pall и *Motacilla personata* Gould) и *олынка* (*Cinclus leucogaster* Bonap). Вечером мимо стоянки пролетела *цапля* (*Ardea cinerea* L), очевидно пролетная, так как ей здесь на такой высоте в горах делать решительно ничего.

Фауны в пещерах не найдено никакой. Найдены лишь свежие следы *иликов* (*Carpyacus pugnax* Pall.), да сделанная из текового рога колотушка для вбивания кольев.

Высота лагеря над уровнем моря приблизительно 3.000 м. и t° соответственная: в 8 час. вечера лишь 6°C , при средней силе ветерка.

8 августа в 7 час. утра t° 4°C . Выехали только в 11 часов, так как предварительно сделали небольшую экскурсию с целью осмотреть окрестности и сделать снимки.

Выше места нашей стоянки ущелье р. Джак-Пулат, по словам проводников, настолько суживается, что проезд по нему с вьюками невозможен; будто бы приходится даже расседлывать верховых лошадей. Поэтому мы сразу по выходе со стоянки свернули влево, в долину р. Арчалы, впадающей в Джак-Пулат чуть выше места нашего лагеря, но затем довольно скоро опять вернулись в долину Джак-Пулата, которую затем и ехали уже до ее верховьев, т. е. до вершины одноименного перевала.

Лесом ехать больше не приходилось, так как дорога выходит в долину только там, где лес до дна долины не спускается, а еще выше он и вообще кончается. Но, и несмотря на отсутствие леса, живописных мест по дороге попадаетея очень много.

На высоте около 3.100 м. н. у. м. склоны долины покрыты сплошными зарослями *арчи* (*Juniperus* двух видов) с примесью *смородины*, *жизимолости* и какого-то нового, мне незнакомого, кустарника со странными двойными красными ягодами, заключенными в оболочку. По берегам речки кое-где заросли *ивы* (*Salices* разные). *Ель* поднимается до высоты приблизительно 3.100 м., а *арча* до 3.300. На этой высоте мы встречаем киргизский аул.

Травянистая растительность идет еще выше, но с высоты приблизительно 3.500 м. мы встречаем уже одни голые скалы и осыпи, по которым и идет дорога до вершины перевала.

В одном месте приходится переезжать по старому снегу, который так и не успел растаять и, конечно, уже не успеет до выпадения нового.

У вершины перевала и на самой вершине снова попадаютсся кое-какие растения, которые были собраны, но впоследствии утеряны.

Подъем сравнительно не так уж круг, хотя лошади все-таки страшно устали и поминутно останавливались. Впрочем в этом нет ничего удивительного, так как высота перевала вероятно достигает 4.000 м. Добрались мы до вершины ровно в 4 часа дня, после чего началась самая трудная часть пути, так как, если верить отметке в дневнике, худшего и более трудного спуска мне еще никогда не попадалось. Здесь исключительная крутизна сочеталась с такою же каменистостью дорог и, при чем путь наш местами идет прямо среди загроможденного огромными камнями русла реки, местами мы пробирались по снегу... Впрочем, каких-нибудь опасных мест нигде не оказалось и передвижение было только крайне медленным и утомительным.

На этом спуске нами было встречено небольшое количество *ризтерии* (*Richetia Leontopodium*) и в довольно большом количестве—*розовый одуванчик*.

Интересное место для лагеря на таких высотах выбрать бывает весьма трудно, и нам на этот раз пришлось примириться со стоянкою в голой, каменистой щели, поросшею лишь невысокою травянистою растительностью, которой и состав-то определить трудно—настолько сильно она стравлена скотом.

Кое-что мне, впрочем, отметить удалось, а именно: *тунец* (*Festuca ovina*), *калерия*? (*Koeleria* sp.—может быть *Deschampsia koelerioides*?), мелкий *аконит* (*Aconitum rotundifolium*), *зельвейс* (*Leontopodium alpinum*), *горечавку* (*Gentiana* sp.), *герань* (*Geranium* sp.), а из кустиков—жалкий, 1—1½ фута ростом, *тлюк-куйрук* (*Saragana jubata*) и *ланчатка* (*Potentilla fruticosa*).

Возвращаясь к животному миру за сегодняшний день, начну с лагеря в ущелье Джак-Пулат. Здесь утром в ловушках оказались *тляншанская полевка* (*Stenocranius tianschanicus* Büchner) и 5 штук *полевок* рода *Alticola*.

Вокруг лагеря наблюдали много *крапивников* (*Troglodytes pallidus* Sharpe), массу *горных голубей* (*Columba rupestris* Pall), *оляток* (*Cinclus leucogaster* Bonap), *обыкновенных* и *горных трясогузок* (*Motacilla personata* Gould и *Budytes melanope* Pall), *корольков* (*Regulus tristis* Pleske), *пеночек* (*Phylloscopus* sp.), *молодых горихвосток* (*Buteo* sp.), *городских ласточек* (*Chelidon urbica* L.) и одного *чеглока* (*Falco subbuteo* L.).

Ласточки носятся около гнездовой колонии на скалах и постоянно входят в гнезда, где у них очевидно, птенцы.

В пути отмечено полное отсутствие на больших высотах каких бы то ни было птиц, кроме *пустельги* (*Tinnunculus tinnunculus* L.) и *желтоносой вороны* (*Pyrrhocorax aepinus* Vieillot). Несколько ниже на подъеме попадались *коньки* (*Anthus* sp.), *каменки* (*Saxicola oenanthe* L.), *горные трясогузки* (*Budytes mela-*

норе Pall), *грачи* (*Corvus frugilegus* L.—на высоте около 3.200 м.), те же *пустельги* (*Tinnunculus tinnunculus* L.), *дубоносы* (*Hesperiphona caeneipes* Hodgs—в арче), *щеглы* (*Carduelis caniceps* Vig), *городские ласточки* (*Chelidon urbica* L.), *одинокый горный стрижек* (*Cotyle rupestris* Scop) и, наконец, *олянки* (*Cinclus leucogaster* Bonap).

Насекомые же и пауки были найдены еще даже на вершине перевала, т.е. на высоте около 4.000 м., при чем, в частности, *аттолоны* (*Parnassius apollo*), попадались здесь в огромном количестве.

На спуске же природа прямо поражала своею бедностью, так как у меня в дневнике прямо отмечено, что до самого места остановки не было встречено ни одной птицы «и вообще, кажется, никакого живого существа».

В 8 часов вечера термометр стоял сравнительно очень высоко—на 11°C, несмотря на порядочный ветерок сверху, вдоль ущелья. Ночью же t° в палатке опускалась уже ниже нуля (—0,5°C.), а на дворе вода в чайнике замерзла. Однако, утром 9 августа температура уже к 7 часам опять успела подняться до 11,5°C.

В этот день, 9 мы выехали в 9 час. 50 мин., на ночлег остановились в долине Болгарта, в 5 часов дня.

В противоположность вчерашней, дорога сегодня была совсем легкой, но зато и совершенно неинтересная. Целый день мы едем или ровными, почти безжизненными, широкими горными долинами, или же мягкими пологими холмами среди лугового альпийского пейзажа—ни малейшего кустарничка кругом.

Весь растительный покров состоит главным образом из *тутца* (*Festuca ovina*), к которому местами в большом количестве, чуть не на 50%, примешан мелкий высокорослый *ковылек*—*Stipa mongolica*.

Путь разнообразится только переправами через реки, которых нам пришлось переехать три: в 11 час. Джиль-Агач, в 1 час дня—приток Болгарта, Арчалы и в 2 часа—сам Болгарт, в долину которого мы выехали в 1 час. 30 мин., и которую затем едем уже до самого места вечерней остановки. Впрочем, в первых двух речках воды было очень мало и только переправа через Болгарт, с его очень каменистым дном и довольно высокою водою, потребовала некоторого внимания.

По части животного мира сегодня опять бедность большая. На утренней стоянке пойманы в камнях 4 *полевки* рода *Alticola* и есть порядочно *сурков* (*Arctomys dichrous* Anders), но они теперь выходят из нор только не надолго по утрам и вечерам и потому мало попадают на глаза; кругом были слышны голоса *клушицы* (*Pyrrhonorax graculus* L.) и *уларов* (*Tetraogallus himalayensis* Gray) и тут же встречен одинокий *чеккан-попутчик* (*Saxicola oenanthe* L.). Однако, из беспозвоночных довольно много *бабочек*, есть *прямокрылые*, *пауки* и кое-какие *жуки* (*Tenebrionidae*, *Staphylinidae*).

По дороге из птиц попадались только *каменки* (*Saxicola oenanthe* L.) и *горные жаворонки* (*Otocoris penicillata* Gould), да в одной щелке встречены 2—3 *горных свистки* (*Buteo*—вид не отмечен, вероятно *rufiventris* Vieillot) и 2 *клушицы* (*Pyrrhonorax graculus* L.). Наконец, необходимо упомянуть о найденном высохшем экземпляре *слепушника* (*Ellobius tolpinus* Pall).

10 августа. Вчера в 9 час. вечера t° была 8°C, сегодня в 7 час. утра только —1°C, ночью же в палатке термометр опускался до —1,5°.

В 8 час. 45 мин., еще до выступления каравана, мы поехали вперед с целью остановиться на некоторое время осмотреть теплые ключи, расположенные у самого подножия Тонского перевала. Добрались до источника ровно в 10 час. Пробиваются ключи среди камней у самого русла реки Тон, в особой круглой ограде из камней же, долженствующей изображать из себя загну. У основания этого барьера в одном месте вделана доска с отверстием, заткнутом деревянною пробкою. Через это отверстие выпускается вода после принятия ванны, затем пробка затыкается, и бассейн снова наполняется водою для следующей, ванны.

Вода источника необычайно прозрачна, сильно пахнет сероводородом и имеет температуру 44,5°C.

Трудно понять, как можно пользоваться таким «курортом»: t° воздуха вероятно, обычно не превышает 10—12°C, а нередко, несомненно, спускается и в разгаре лета до 0° и ниже, t° воды, хотя и в обратном направлении, но тоже такая, которую мало какой нормальный человек может выдержать, а в качестве раздевальной—груда каменных обломков вокруг «ванн». Правда, в момент посещения нами «курорта» мы там не встретили ни одного «курсового», но киргизы, несомненно, им все-таки как-то умудряются пользоваться и даже, говорят, очень хвалят его.

На ключах нас догнал наш караван, и мы начали подъем вместе с ним. В 11 добрались до начала главного подъема, а в 1 час. 15 мин. были уже на вершине перевала. Путь на верх оказался крайне тяжелым, сперва благодаря огромным камням, которые загромождали все ущелье Тона и среди которых лошади с трудом пробирались, а затем выше, благодаря страшной крутизне подъема, особен-

Рис. 30. Вершина перевала Тон.

но чувствительной в виду огромной высоты над уровнем моря. Лошади наши едва ползли, останавливались чуть ли не через каждые несколько шагов, а одна из них даже совсем выбилась из сил, так что всаднику пришлось слезть и идти пешком. Но и при этом темпе движения мы умудрились догнать и обогнать караван возвращавшихся с джайлау киргизов, шедший еще медленнее нас, очевидно, благодаря более тяжелым выюкам.

Неприятность пути увеличивалась еще благодаря сильнейшему, крайне холодному северному ветру, дувшему прямо нам навстречу и достигшему особенной силы на вершине перевала, где из-за него с трудом удалось провести лишь несколько минут и сделать только один снимок (рис. 30).

Правда, здесь и делать-то особенно было нечего, так как кроме голого камня тут ничего не было. Попытки поискать под камнями каких-нибудь представителей животного мира оказались безрезультатными. Был, правда, найден один паук, но и того поймать не удалось.

Даже полюбоваться видами холод не позволил, а полюбоваться было чем, так как вид в обе стороны открывался удивительный. Назад виднелся огромный ледник, мимо которого мы только что проехали (рис. 31; интересна для масштаба группа спускающихся зерхом киргизов), затем—все ущелье, по которому мы поднимались, за ним—широкая долина и на заднем фоне—огромный снежный хребет. Вперед, в сторону Иссык-Куля, под ногами лежал другой ледник, по которому нам предстояло спускаться, дальше—узкое ущелье северного Тона, а на горизонте сквозь облака виднеется кусочек Иссык-Куля с снежной цепью Кунгей-Алатау за ним.

Впрочем, все эти картины можно было наблюдать лишь урывками: и ниже нас, и выше нас, и вокруг нас стремительно неслись облака и только в просветы между ними открывался на минутку то один, то другой кусочек общей картины.

Поднимаясь на перевал, мы оставили южный Тонский ледник вправо (к востоку) от себя, и дорога до самого гребня шла по каменистой местности, лишенной ледяного или снежного покрова. На северном же склоне ледник в районе

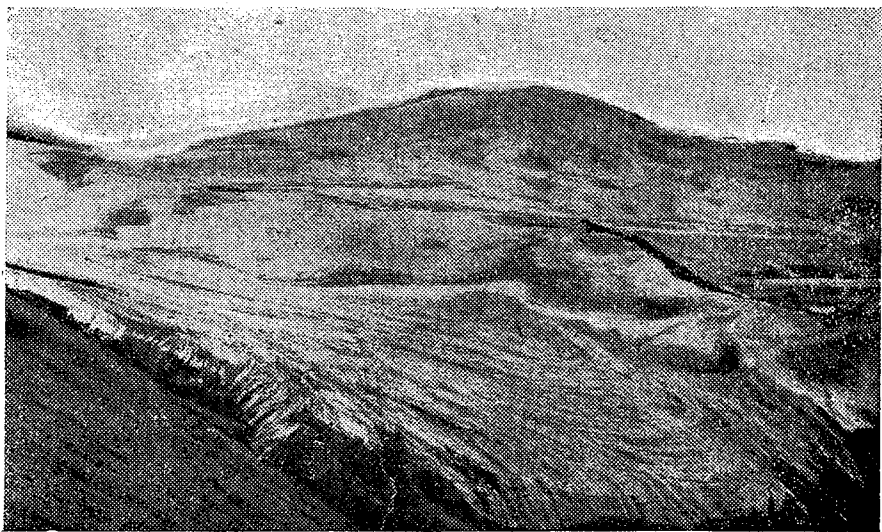

Рис. 31. Тонский ледник. Южный склон хребта. Для масштаба —на первом плане верховые киргизы.

дороги поднимается до самого перевала, так что немедленно вслед за последним наша тропа выходит на лед и идет по леднику на протяжении полутора или двух верст. Обычно дорожка с перевала шла прямо вниз, но теперь в этом направлении образовался целый ряд больших трещин, так что она сворачивает вправо, обходя их. Однако, и на новой дороге есть трещины, но уже не такие большие и более или менее легко переходимые.

Верхняя часть ледника покрыта снегом, ниже же, начиная приблизительно с середины ледника, идет голый лед.

Начали мы спускаться верхом, но вскоре же пришлось спешиться, так как сперва пошли трещины и надо было разыскивать их под снегом и затем осторожно переводить через них лошадей; дальше же на голом льду было настолько скользко, что ехать верхом было бы рискованно.

Самая широкая из встреченных нами трещин имела около $\frac{3}{4}$ аршина ширины, но тоже была скрыта под снегом. Для перевода лошадей через нее вдоль была положена жердь, а сверху брошена кошма, по которой и переводили лошадей.

У более мелких трещин обошлись без всяких приспособлений и, в общем, вполне благополучно добрались до цельного чистого льда, а затем и до конца

ледника. Впрочем еще в пути по последнему и был сделан привал для отдыха на расположенном среди льда каменном «островке безопасности».

Однако, спуск по леднику занял много времени, так как идти было очень скользко и передвигаться, благодаря значительному уклону поверхности ледника, можно было лишь с большим трудом, крайне осторожно и медленно. Только в самой нижней части спуск стал настолько пологим, что мы эту часть пути по льду сделали уже даже верхом.

Нижний конец ледника с покрывающими его моренными отложениями хорошо виден на снимке (рис. 32), верхняя часть которого довольно удачно передает также и ту мрачную картину, которую представляла вершина перевала в моменты скопления на ней облаков.

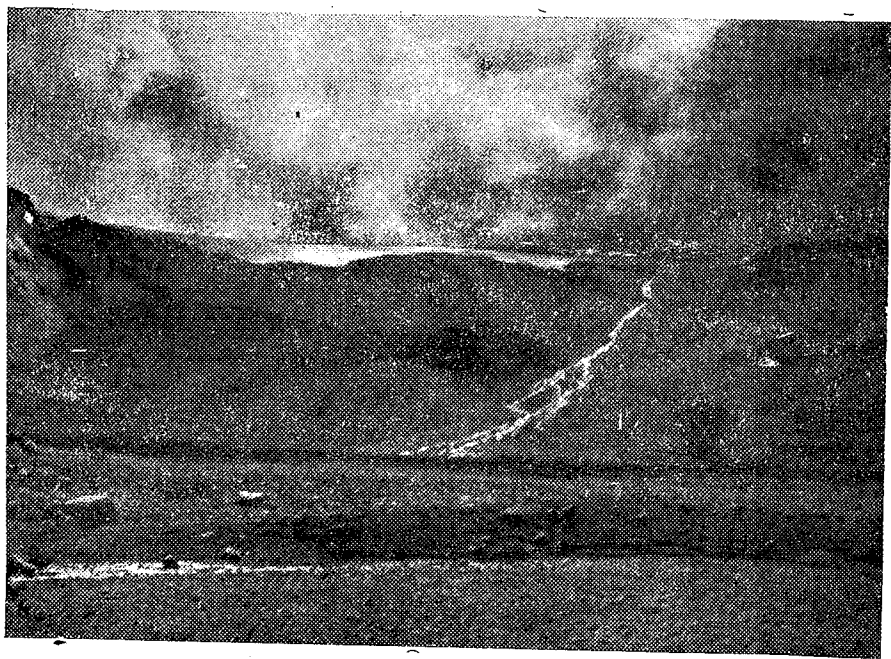

Рис. 32. Тонский ледник, склон к северу.

Ниже ледника спуск идет по ущелью и хотя и очень каменист, почти совершенно без мягких мест, но не труден, так что тут мы двигались очень быстро. Еще ниже переезжаем через боковой увал, по которому дорожка идет среди выветрившихся гранитных скал и где под ногами лошадей шуршит мелкий гранитный щебень, как рапшакиви на только что отремонтированном шоссе где-нибудь у нас на севере.

С этого увала мы спускаемся в долину р. Корумды, с киргизскими юртами и даже зимовками, потом опять начинаем подъем к перевалу Тосор и, наконец, в 6 час. дня останавливаемся у его подножия на берегу р. Корумды, на высоте около 2.800 м. н. у. м. среди мягкой, широкой долины, одетой превосходною альпийскою растительностью.

Теперь остается вернуться к фауне за сегодняшний день. На утренней стоянке в долине Болгарта была добыта *полевка* р. *Alticola* и найдена небольшая колония *тяньшаньской полевки* (*Stenocranius tianschanicus* Büchner) на участке луга с небольшим количеством более высокой широколиственной растительности. Кругом также довольно много нор сурков (*Areomys dichrous* Anders). Из птиц

встречены: *серпоклюв* (*Ibidorhynchus struthersi* Vig.), *зук* (*Totanus hypoleucos* L.), *черныш* (*Totanus ochropus* L.), *вараклушка* (*Cyanecula pallidogularis*—в камнях у лагера) и *черная ворона* (*Corvus orientalis* Evsm).

В пути же отмечены еще несколько видов. Так, на подъеме в одном месте встречена огромная стая *Leucosticte brandti* Bonap, из которой несколько экземпляров были добыты. Здесь же был встречен великолепный экземпляр *бородача* (*Gypaetus barbatus* L.); огромная птица несколько раз совсем близко налетала на Садырбекова, как бы бросаясь на него, но, несмотря на 4 выстрела нулем и даже картечью и на то, что после каждого выстрела ее подбрасывало кверху, она все-таки в конце концов благополучно улетела невредимой. Далее в пути отмечены еще *альпийский вьюрок* (*Fringillanda altaica* Evsm), *коньки* (*Anthus* sp.), *каменки* (*Saxicola oenanthe* L.), обе *горные вороны* (*Pyrrhoroax graculus* L. и *P. alpinus* Vieill.), *завирушка* (*Accentor* sp.) и одинокая *большая горихвостка* (*Ruticilla severtzovi* Lovenz.).

В 8 час. вечера t° воздуха на стоянке— 6°C . Утром 11-го термометр поднялся до 10° . В этот день мы выехали в 9 час. 40 мин. утра и на ночь остановились уже на берегу Иссык-Куля, у устья р. Тосор, т.-е. уже в культурной, населенной оседлым русским населением, местности.

Дорога наша первое время идет долиною р. Корумды или, вернее, даже не самую долиною, а лишь вдоль Корумдов, так как мы все время едем не дном долины, а широкими, пологими, мягкими холмами или увалами. Увалы эти покрыты прекрасною, густою растительностью, приблизительно, а местами и вполне, характера альпийской флоры сыртов по Сарджасу, за вычетом, разве, незаметных здесь *сверции* (*Swertia marginata*) и *монгольского ковыля* (*Stipa mongolica*). Это сходство обратило на себя внимание даже вообще интересующегося только фауною Садырбека, который заметил, что «здесь луг совсем как на Торпу» (река системы Сарджаса).

Такими широкими увалами мы поднялись приблизительно до высоты 3.300—3.400 м., после чего начался такой же спуск в ущелье Тосора.

Следует заметить, что в нормальные годы вся эта местность бывает довольно сильно заболочена, и только благодаря исключительно малому количеству осадков в этом году теперь здесь совершенно сухо.

В начале спуска, на высоте около 3.000 м. расположено озеро, слегка заросшее травой вдоль берегов. Рядом с ним—болото, из которого берет свое начало река Тосор.

Ниже дорога выходит уже в хорошо выраженную долину этой речки и тут начинают попадаться, с одной стороны, каменистые места, которых не было выше, с другой же, с высоты приблизительно 2.700 м.—киргизские пашни, притом, как это ни невероятно для такой высоты, пашни эти поливные. Тут же довольно часто попадаются киргизские зимовки и мельницы.

Еще ниже долина Тосора резко суживается и переходит в узкое, каменистое, но очень красивое ущелье. Кое-где последнее вдруг расширяется, и в таких местах попадаются небольшие болотистые участки, используемые в качестве сенокосов.

В ущелье тропинка наша пробирается, лепясь по каменным склонам, но затем ущелье снова и уже окончательно переходит в неширокую долину, которою путь и идет до самого берега Иссык-Куля. Но и здесь мы едем сильно каменистыми террасами долины, во многих местах пересеченными сухими руслами или промоинами, образованными дождями или снеговыми водами.

Недалеко от устья Тосора ложе его русла настолько расширяется, что здесь вдоль берегов оказывается место для сенокосных участков, и тут же расположе-

ны зимовки и клочки пашни. Впрочем, благодаря незначительным размерам самой речки и ее долины всего этого здесь немного.

Лагерь свой мы разбили у самого устья Тосора на прекрасном крупно-песчаном берегу Иссык-Куля.

Немного восточнее нашей стоянки берег этот становится каменистым, будучи образован то сцементированными песчаником крупными камнями, то скоплениями обломков самого песчаника.

Что касается растительности на нашем сегодняшнем пути, то о верхней части долины Тосора было сказано в своем месте, там же, где она переходит в ущелье, в изобилии появились кустарные заросли, правда, однообразные по составу, но густые и высокие. Образованы они *барбарисом*, *жиголостью*, *шиповником*, *облепихой* и *акацией*. Ниже показались и деревья с ярко-зеленою листвою; оказалось, что это *урюк* (*Armeniaca vulgaris*—дикий абрикос), встреченный нами за всю экспедицию впервые. Берега Тосора у устья поросли полосой камышей и тут же расположена небольшая группа деревьев *ивы* и *облепихи*, что же касается растительного покрова на берегу озера, то он крайне жалок по составу, будучи образован исключительно *кызылчем* (*Ephedra* sp.), и столь прославленную теперь—*хондриллою* (*Chondrilla* sp.). Впрочем, кое-где на берегу виднеются кустики *облепихи* и группы *камышы*.

Из представителей животного мира на упомянутом выше озерке встречены 3 *атайки* (*Tadorna rutila* Pall.), несколько *чирков* (*Anas circia* L.) и довольно много *чернышей* (*Totanus ochropus* L.), а в районе верхних пашен и сенокосов сын мой застрелил *барсука* (*Meles* sp.). На берегу же Иссык-Куля по соседству с лагерем отмечен ряд уже целый видов птиц, а именно: *чайки* (*Larus ridibundus* L. и *L. cachinans* Pall.), *бакланы* (*Phalacrocorax carbo* L.), *зуйки* (*Totanus hypoleucos* L.), *черныши* (*T. ochropus* L.), *кулички-воробьи* (*Tringa temminckii* Leisl), *трясогузки* (*Motacilla personata* Gould), *сорокопуты* (*Lanius phoeniceus* Severtzow), *скворцы* (*Sturnus* sp.), *воробьи* (*Passer domesticus* L. и *P. montanus diluxus* Ric), *коришны* (*Milvus melanotos* Pemm), *пеночки* (*Phylloscopus* sp.), *большая камышевка* (*Acrocephalus turdoides*?), какая-то из мелких *камышевек* рода *Acrocephalus*, *полевые коньки* (*Anthus campestris* L.), *вороны* (*Corvus orientalis* Evsm), *сороки* (*Pica pica* L.), выводок *крякшей* (*Mergus* sp.) и, наконец, один экземпляр *кроншнепа* (*Numenius arguatus lineatus* siv.), одинокая *серая цапля* (*Ardea cinerea* Briss.) и такая же одинокая *ласточка* (*Hirundo rustica* L.) и добыт *орлан-белохвост* (*Haliaeetus leucorhynchus*).

Из млекопитающих в рощице и камышах на сухом вокруг нас у устья Тосора держатся *лесные мыши* (*Apodemus sylvaticus*) и всюду кругом в огромном количестве—*зайцы* (*Lepus tolai* f. l.).

В 9 часов вечера t° —16°C.

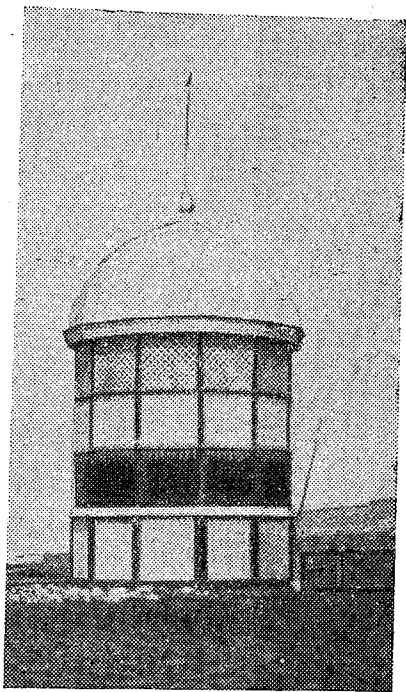

Рис. 33. Могила на южном берегу Ис.-Куля.

Здесь кончилась часть нашего пути, проходящая по сравнительно мало исследованным местам, и от устья Тосора нам предстояло ехать уже по достаточно густо населенной части Пржевальского уезда, неоднократно описанной в печати, так что останавливаться на этой части маршрута я нахожу излишним.

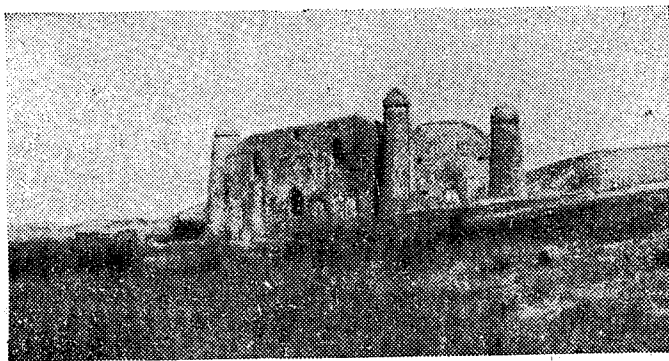
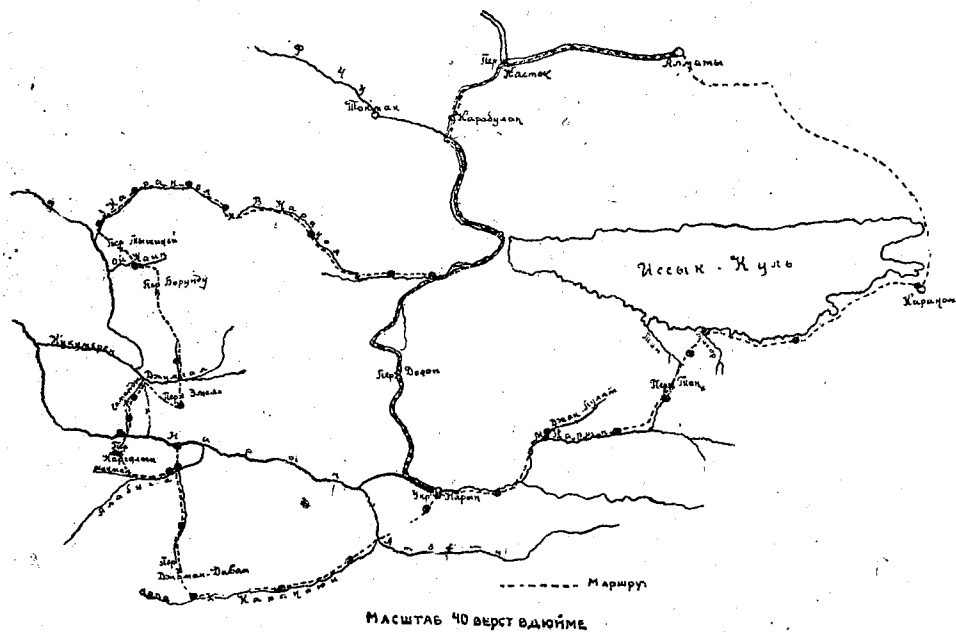

Рис. 34. Киргизская могила. Южный берег Иссык-Куля.

Упомяну только, что здесь нам попалось несколько интересных киргизских могил. Две из них, весьма мало имеющие общего между собой, изображены на рисунках 33 и 34.

Zusammenfassung.

Vorliegende Arbeit ist ein Teil der Reisen des Verfassers und bildet Reisebeschreibungen des Territoriums des ehemaligen Ssemiretschje unter dem Titel „Reisen im Ssemiretshje“ (mit entsprechenden Subtiteln) versehen. Verfasser legte im Zeitraum von 1908 bis 1917 in Ssemiretschje im Expeditionswege mehr als 25000 km zurück—die einzelnen Teile der Reise werden, ausser der Beschreibung der Alakuler Ebene und des Territoriums des Pribalchaschje—wo Verfasser stationär arbeitete, in Form von geographischen Tagebüchern wiedergegeben. Die Reiseroute, die den Inhalt dieses Tagebuches darstellt, umfasst den Hochgebirgsteil des Pischpeker u. den S.-W. Teil des vorm. Prschewalsk'schen Kreises—betrachtet Verfasser als Recognoszierungsrouten, die auf beigefügter Karte genau zu ersehen ist.

Die Beschreibung der Expedition des Verfassers am Balchas-See u. des Gebietes Karatal ist in den „Jswestija“ der Turkestanischen Abteilung der Russischen Geographischen Gesellschaft (Bd. XVI) woselbst auch die Beschreibung der Tiefebene des Ssardschas (Bd. XI, 2. Lfg. T. 1) zu finden ist, gegeben. Die Beschreibung des Pribalchaschje—zwischen den Flüssen Ili und Karatal ist bei der Expeditionskommission der Akademie der Wissenschaften (K. E. I.) in Druck—zwei Arbeiten derselben Reiseserie—die Alakuler Ebene und das Pribalchaschje, die Mündungen der Flüsse Ak-ssu u. Karatal behandelnd, befinden sich beim Verlage des Gosplan Kazakstans.